

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАРОДНУЮ ВЕНГРИЮ С 25-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ!

KÖSZÖNTJÜK A NÉPI MAGYARORSZÁGOT FELSZABADULÁSA 25.ÉVFORDULÓJA ALKALMÁBÓL!

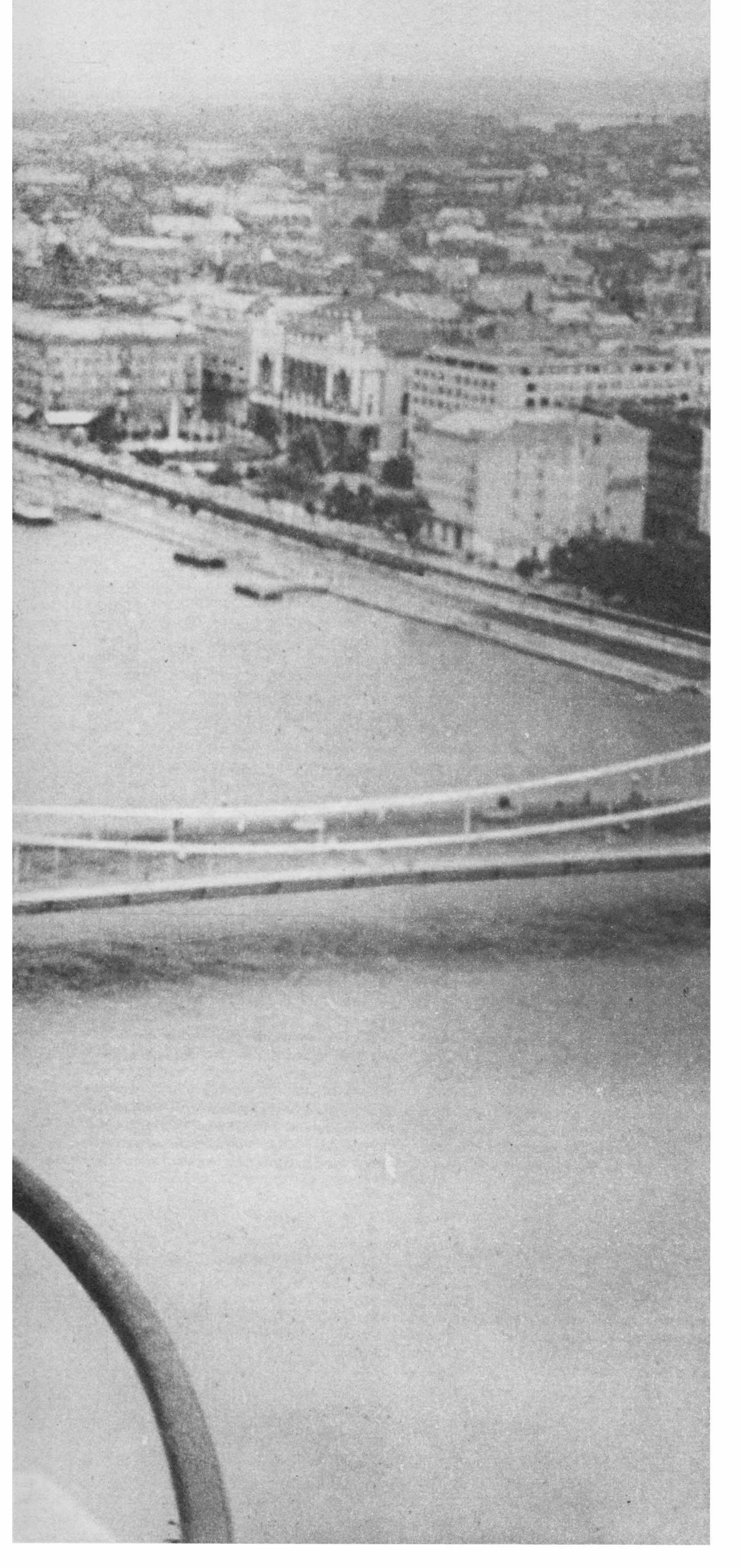
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 14 (2231)

Основан 1 апреля 1923 года

4 АПРЕЛЯ 1970

НАД ДУНАЕМ. Фото М. Трахмана.

Ене ФОК,
член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства

Дорогие друзья!

С горячей любовью, сердечностью и дружбой приветствую дорогих читателей уважаемого и любимого журнала «Огонек», всех советских людей.

Благодарю за предоставленную мне возможность приветствовать вас со страниц популярного журнала в номере, посвященном народной Венгрии.

4 апреля — самый большой национальный праздник венгерского народа. Праздник нерушимой и вечной советско-венгерской дружбы. В этот день победоносно наступавшая Советская Армия окончательно освободила венгерскую землю, трудящийся венгерский народ от эксплуататоров, от господства фашистских угнетателей. В этот день мы с благодарностью вспоминаем советских солдат, которые отдали свои жизни, пролили кровь и завоевали свободу нашему народу. С глубоким уважением я приветствую жен и матерей, чьи мужья и сыновья героически сражались на Дунае и Тисе для того, чтобы народ, переживший за свою историю так много горя, получил возможность жить свободно — отныне и всегда.

Мы — поколение, живущее и созидающее сегодня, хорошо знаем, что жертва, принесенная мужественными бойцами советского народа и лучшими сынами венгерского, была не напрасна. Земля угнетения и нищеты расцвела новой жизнью. Родилась и развивается прекрасная родина трудящегося народа.

Наш народ — это видят и знают наши друзья на всем земном шаре — сумел воспользоваться полученной свободой. Мы создали прочную основу для социалистического общественного строя и успешно строим социализм. В нашей борьбе и труде мы чувствуем солидарность и братскую помощь, выраженную в конкретных делах советского народа и всех других народов, строящих социализм. Это придает нам силы и вдохновляет на новые свершения.

Мы горды, что в семье народов, строящих социализм, и мы вносим вклад в победу справедливого дела всей мировой социалистической системы.

С полным благодарностью сердцем, с братской любовью приветствуем бывших солдат, теперешних мирных тружеников, с которыми мы встречались 25 лет тому назад на земле нашей родины, бойцов с красными звездами, принесшими нам свободу.

Еще раз сердечно приветствую вас, граждан Советского Союза, от своего имени и от имени всего венгерского народа.

Fock Jenő

Будапешт, 1970 г.

Памятник капитану Остапенко.
Фото А. Шиллера.

Дьёрдь МАТЭ,
обозреватель газеты
«Непсабадшаг»

РУКА ОБ РУКУ

Над Будаёршем, западной окраиной Будапешта, поднимается вертолет. Глубоко внизу стремительные потоки машин, обтекающие перекресток. У развилки дорог памятник: советский офицер с поднятым флагом в руке, словно собирающийся этим жестом защитить двухмиллионный город. Так начинается документальный фильм известного венгерского кинорежиссера Йожефа Киша, посвященный двадцатипятилетию освобождения Венгрии. На этом самом месте пал жертвой бессильной ярости фашистов советский парламентер капитан Остапенко. Командование советских войск хотело спасти город от разрушения, сохранить жизнь его жителям, избежать напрасного кровопролития. Парламентер был предательски убит. В фильме показаны его похороны. Далее действие разворачивается в виде своеобразного отчета перед героем в том, как венгерский народ использовал свободу, принесенную ему Советской Армией.

В день большого общенародного праздника мы можем сказать перед могилами советских воинов, покоящихся в нашей земле: наш путь не был гладок, но мы честно следовали этим путем. Всем, чего мы достигли, каждой радостью каждого человека мы обязаны Советскому Союзу, осуществившему свою историческую миссию. Вот почему повсюду в республике можно встретить такие названия: металлургический комбинат имени Ленина, электростанция имени Гагарина, бульвар Малиновского, проспект Толбухина, машиностроительный завод имени 4 апреля, тепловая электростанция имени 7 ноября...

Старую Венгрию называли страной трех миллионов нищих. Она печально славилась самой высокой в мире детской смертностью. За прошедшие двадцать пять лет численность населения увеличилась на 15 процентов. Мы теперь озабочены не безработицей, а нехваткой рабочей силы. Четвертая часть десятимиллионного населения за последние двадцать пять лет переехала в новые квартиры. Мы расходуем ежегодно миллиарды форинтов на капиталовложения в промышленность, сельское хозяйство, транспорт, в торговые предприятия и здравоохранение, на строительство школ, общественных зданий, стадионов и мест отдыха.

Замечательный подарок к памятной дате получит Будапешт. Вступит в действие новая линия метро, которая свяжет Народный стадион с площадью Энгельса. Будапештское метро строится с использованием опыта и помощи Советского Союза. Буровые щиты, которые применяли при прокладке тоннелей, поезда-экспрессы, эскалаторы — советские.

Двадцать два года прошло с тех пор, как был заключен между нашими странами первый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Он имел огромное значение для нашей страны: собственными усилиями мы не смогли бы залечить раны, нанесенные мировой войной. Наши экономические и научно-технические связи окрепли и расширились, особенно за последнее время. Венгерские экономисты подсчитали, что братское сотрудничество экономит республике каждый год свыше ста миллионов форинтов народных средств. Теперь нет, вероятно, ни одной отрасли промышленности, которая бы так или иначе не была связана с соответствующей советской. Ленинградский Металлический завод поставил электростанции имени Гагарина 200-мегаваттную турбину; завод серной кислоты Тисайского химкомбината получил агрегаты; оборудование для доменного, сталелитейного и других производств Дунайского металлургического комбината поступило главным образом из СССР. Почти половину сырьевых материалов, необходимых для нашего

народного хозяйства, поставляет Советский Союз.

Венгрия только в этом году пошлет в СССР четыре тысячи автобусов, суда и дизель-поезда, средства связи, автоматические линии и товары народного потребления. Впрочем, подобных примеров очень много.

О братстве и исторической общности судеб двух народов за пределами наших стран часто толкуют как о временной политической необходимости. Несостоятельные прогнозы! Дружба венгерского и советского народов имеет глубокие исторические и общественные корни. В. И. Ленин писал в 1913 году: «Венгрия, как известно, всего ближе к России не только географически, но и по всесилию помещиков-реакционеров, сохранивших от средневековья гигантские количества земли». В истории не существует необъяснимых случайностей. Сто тысяч венгров, добровольно вступивших во время Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в ряды Красной гвардии, участвовали в борьбе против Колчака и Деникина, многие из них погибли на русской земле. Под влиянием Октябрьской революции в России в 1919 году родилась Советская республика в Венгрии.

Автора этих строк во время пребывания во Вьетнаме многие принимали за русского. Это не случайно. Когда вьетнамцы видят у себя человека со светлой кожей, дружески к ним относящегося, они знают, что это или советский человек, или друг Советского Союза. Венгерский народ гордится тем, что рука об руку с Советским Союзом помогает вьетнамскому народу, героически сражающемуся против американского империализма.

Фильм Йожефа Киша завершается символическими кадрами. На экране — гора Геллерт в 1945 году, вся в огне трассирующих снарядов. И гора Геллерт в огнях праздничного салюта, воплощающего в себе ликование страны, освобожденной от фашизма. Дружба наших народов нерушима!

В Будапеште — новая линия метро.
Фото МТИ.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СЛОВО ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «МАДЬЯРОРСАГ»

МЫ НЕ ОДИНОКИ

Йожеф ПАЛФИ

В Будапеште в последние годы хортистского режима выходил еженедельник, который назывался «Мы одиноки». Это был модный политический лозунг в капиталистической Венгрии: представители господствующего класса любили повторять, что в сердце Европы живет одинокий венгерский народ и нет у него ни товарищей, ни родных, ни друзей. Авторы лозунга, конечно, тщательно замалчивали, что главной причиной такого «одиночества» была искусственно возбуждаемая ими ненависть к соседним народам.

Все изменилось четверть века назад. 1945 год стал годом исторического поворота для Венгрии и других народов, которым принес освобождение Советский Союз.

С первых же мгновений после освобождения венгры почувствовали, что могут рассчитывать на дружбу и поддержку первой страны победившего социализма. Впервые в истории венгерский народ получил возможность установить братские отношения и с другими социалистическими странами, интересы которых совпадали с интересами Венгрии.

В 1955 году был подписан Варшавский Договор. Венгерская общественность прекрасно понимает, что необходимость в этом историческом Договоре вызвана созданием западными державами агрессивных военных блоков, направленных против социалистических стран. И сегодня, когда обеспечение мира в Европе и гарантия безопасности европейских государств являются насущной и срочной задачей, венгерские трудящиеся твердо знают, что Варшавский Договор продолжает оставаться необходимой предпосылкой сохранения мира на нашем континенте. В этом документе есть статья, где указано, что Договор теряет силу, как только будет установлена система коллективной безопасности в Европе. (Напрасно стали бы мы искать чего-либо подобного в Атлантическом пакте!)

В годы «холодной войны», в трагические дни контрреволюции 1956 года мы на своем опыте испытали враждебные действия империалистических сил, пытавшихся обратить вспять историю и восстановить в Венгрии капиталистический строй.

Внешняя политика Венгерской Народной Республики успешно выполняет поставленные перед ней задачи. Это результат плодотворной деятельности Венгерской социалистической рабочей партии и нашего правительства. Непрерывный рост сил социалистического содружества увеличивает мощь нашей республики, а тесная связь между Венгрией, Советским Союзом и другими братскими странами и бурное развитие всей системы социализма укрепляют наши позиции по отношению к капиталистическим странам.

Год назад в нашей столице состоялось очередное совещание Политического консультативного комитета стран — участниц Варшавского Договора. Было единодушно принято Обращение ко всем европейским странам относительно подготовки и проведения общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе. Этот документ вошел в историю под названием «Будапештского Обращения». Венгерские дипломаты вручили Обращение всем европейским правительствам, а также странам — членам НАТО. Венгерская дипломатия провела полезную работу для подготовки конференции по европейской безопасности.

Особую тревогу общественности вызывает политика реваншистских и милитаристских кругов Западной Германии. Нежелание этих кругов признать положение, сложившееся после второй мировой войны, существование двух германских государств, стремление ФРГ завладеть атомным оружием отравляют климат в Европе. Существование на территории Западной Германии диверсионных, шпионских и террористических организаций, деятельность подстрекательских радиостанций, таких, как «Свободная Европа», обостряют обстановку. Лица, ответственные за проводимую Бонном политику, не могут ожидать, чтобы социалистические страны поверили в искренность их заявлений относительно нормализации отношений, пока такая деятельность не будет прекращена.

В резолюции IX съезда Венгерской социалистической рабочей партии сказано: «Наша цель состоит в том, чтобы мирное сосуществование не означало бы просто состояние без войны. Мы являемся сторонниками взаимно выгодного экономического и научного сотрудничества государств различных общественных систем... Принцип мирного сосуществования предполагает и требует решительной борьбы против агрессии во всех районах земного шара».

На этих принципах базируется сегодня внешняя политика Венгерской Народной Республики.

14 июня — день выборов

Наша страна вступает в избирательную кампанию — Указом Президиума Верховного Совета СССР воскресенье 14 июня 1970 года объявлено днем выборов в Верховный Совет СССР.

Полномочия Верховного Совета СССР седьмого созыва истекают. Советский народ в восьмой раз назовет имена лучших своих представителей в высший орган государственной власти.

Выборы явятся большим и важным событием в общественно-политической жизни страны. Уже образованы избирательные округа по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей. Утвержден состав Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР восьмого созыва в составе представителей общественных организаций, обществ и коллективов трудящихся. Председатель Центральной избирательной комиссии — В. В. Ермилов. В городах и селах страны продолжается выдвижение кандидатов в состав республиканских избирательных комиссий по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР.

Успешное решение задач, которые ставит партия на современном этапе коммунистического строительства, во многом зависит от энергии, организаторских способностей избранников народа, от активности Советов и всех массовых организаций трудящихся. Дальнейшему росту этой активности, несомненно, будут способствовать предстоящие выборы.

Нынешняя избирательная кампания развертывается в обстановке всеобщего политического и трудового подъема, вызванного подготовкой к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Это придает ей особый политический смысл и значение. Перед всем миром она вновь продемонстрирует жизненность и торжество ленинских идей, беззаветную верность советских людей великим заветам Ленина, нерушимое единство и сплоченность нашего народа вокруг ленинской партии и ее Центрального Комитета.

Переговоры между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и шахиншахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви.

Фото В. Соболева (ТАСС).

На нижнем снимке:

В связи с приближением 25-летия Победы над немецким фашизмом Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный по поручению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства вручил шаху Ирана Мохаммеду Реза Пехлеви почетное оружие — шашку.

Товарищ Н. В. Подгорный выразил благодарность народу Ирана и иранскому государству за помощь и поддержку Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны.

Фото ЮПИ.

В интересах Ирана и Советского Союза

Доброй традицией стали взаимные визиты государственных деятелей Советского Союза и Ирана. Дальнейшему укреплению дружественных советско-иранских связей служит состоявшийся недавно визит Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного в Иран.

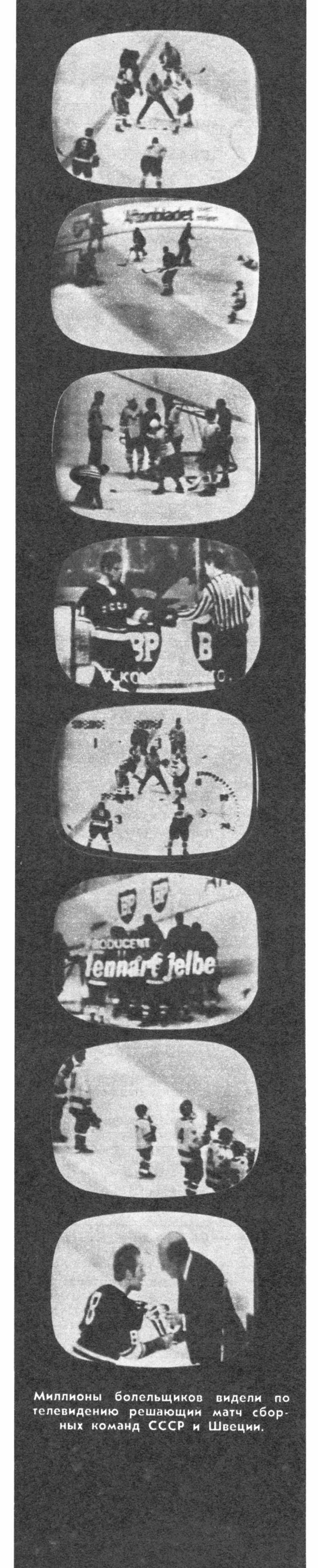
Глава Советского государства посетил эту страну с официальным визитом по приглашению Его Величества Мохаммеда Реза Пехлеви, шахиншаха Ирана.

26 марта состоялись переговоры между Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и шахиншахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви. Стороны высказали высокую оценку нынешнему состоянию добрососедских отношений между СССР и Ираном и подчеркнули готовность и дальше развивать эти отношения в различных областях на основе взаимного уважения суверенитета, равноправия. Переговоры показали также общность оценок и взглядов по ряду международных проблем.

Советский гость и сопровождающие его лица совершили поездку по стране. Они посетили Исфаган, побывали на строительной площадке металлургического завода, где трудятся и советские специалисты, ознакомились с ходом работ на Трансиранском магистральном газопроводе, сооружаемом также при участии Советского Союза.

Повсюду на земле Ирана Председателю Президиума Верховного Совета СССР был оказан теплый прием.

Сердечное гостеприимство, сказал товарищ Н. В. Подгорный, мы рассматриваем как проявление чувства дружбы и симпатии к Советскому Союзу.

Миллионы болельщиков видели по телевидению решающий матч сборных команд СССР и Швеции.

А. КОЛОДНЫЙ,
Л. БОРОДУЛИН,
специальные корреспонденты «Огонька»

СНОВА ПОБЕДА!

Этот рассказ мне хочется начать с двух выдержек, взятых из бюллетеней пресс-центра:

44 минуты 11 секунд первого матча Финляндия — СССР. Мальцев забрасывает первую шайбу чемпионата.

45 минут 42 секунды второй встречи Швеция—СССР. Мальцев забрасывает последнюю шайбу чемпионата.

Между этими событиями тридцать увлекательных сражений, тридцать встреч, из которых каждая могла решить судьбу первого места. За эти дни белоснежные бортики, ограждающие ледяную арену Юханнесхофа, покрылись черными оспинами — бесчисленными автографами шайб, и эти оспины говорят о накале борьбы красноречивее пресс-центровских протоколов. Буквально до последнего дня невозможно было определить, кто же станет чемпионом-70. Да, отсутствие родоначальников хоккея не сказалось на ходе чемпионата, финны во многом успешно дублировали канадцев, внеся сразу же, с первого матча столь нужную для турнирного сюжета остроту.

С первого же матча стало ясно, что сборная Финляндии может повлиять на исход борьбы, и хоть мы и поторопились, заявляя в своих отчетах, что команда Суоми будет претендовать на одно из призовых мест, но хлопот хоккейным командам-корифеям финны все же доставили немало.

Нынешний чемпионат еще с большей силой, чем предыдущий, показал, что сейчас победу может обеспечить не только физическая, но и волевая подготовка. Это необходимо было помнить каждой команде и особенно нашей: ведь с многократными чемпионами все играют на высшем подъеме. Вот почему перед каждой новой встречей тренеры нашей сборной А. И. Чернышев и А. В. Тарасов не уставали напоминать своим питомцам, что легких игр быть не может, что к каждому сопернику надо относиться с максимальным уважением. И действительно, для сборной СССР легких матчей не было, каждый из них требовал полнейшего напряжения.

Если перечислить всех героев минувших сражений, то прежде всего надо вспомнить нашего доблестного вратаря Виктора Коноваленко. Сколько раз он показывал чудеса мастерства, сколько раз спасал свои ворота! Высокое умение Виктора Коноваленко придавало силы команде в самые трудные минуты, а таких минут было немало, и тут надо сразу сказать, что класс игры наших главных соперников — хоккеистов Швеции и Чехословакии — значительно вырос за этот год.

Самых высоких оценок заслуживают и наши защитники, в первую очередь Виталий Давыдов и Владимир Лутченко. Но если игра Давыдова уже давно апробирована, то Лутченко открылся только сейчас, в Стокгольме. Здесь он поверил в себя, здесь доказал, что по праву включен в сборную СССР.

Разговоров о защите много было в ложе прессы. Одни журналисты заявляли себя сторонниками забивающих защитников, таких, как Сухи и Сведберг, другие справедливо отмечали, что такого типа игроки приносят немало забот своим вратарям, и отмечали преимущество защитников советской команды. Наши ребята прежде всего выступали в роли верных помощников Виктора Коноваленко и Владислава Третьяка. Они не забивали шайб, но и своим соперникам не давали забивать. Не случайно в ворота нашей команды за весь чемпионат влетело всего 11 шайб — меньше, чем у кого-либо.

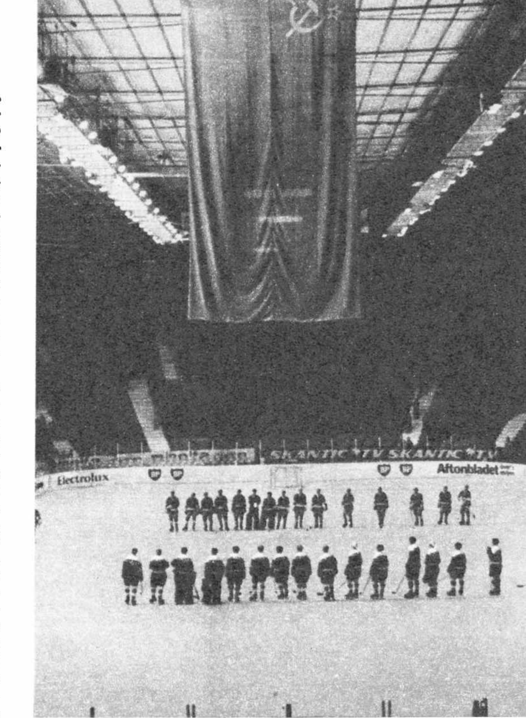
Но в успешности защитных действий заслуга и наших нападающих. Много радости доставило нам мастерство Анатолия Фирсова, Александра Мальцева, признанного лучшим нападающим чемпионата, Александра Якушева. Отлично выполнил свои обязанности капитана команды неувядаемый ветеран сборной Вячеслав Старшинов. Но особых похвал заслуживает армейская тройка: Валерий Харламов — Владимир Петров — Борис Михайлов.

В Швеции этих молодых хоккеистов приметили еще в прошлом году, а теперь они доказали, что стали еще сильнее. Хорошо о них сказал один из шведских журналистов: в советской сборной особенно внимательно надо наблюдать за игроками, выступающими под номерами 13, 16 и 17. Но если вы одним глазом будете следить за Харламовым, вторым за Михайловым, то тогда Петров и забьет шайбу.

Именно так сыграла эта замечательная тройка в решающей встрече со сборной Швеции. Много было высказано прогнозов об исходе матча, который должен был определить золотого и серебряного призеров. Большинство шведских журналистов и спортсменов заявляли, что победа «Тре Крунур» обеспечена, и только знаменитый Тумба, уже не раз ошибавшийся в своих прогнозах, на этот раз решил быть оригинальным и заявил, что выиграет команда СССР со счетом 3 : 1. Как мы знаем, на этот раз знаменитый шведский хоккеист не ошибся.

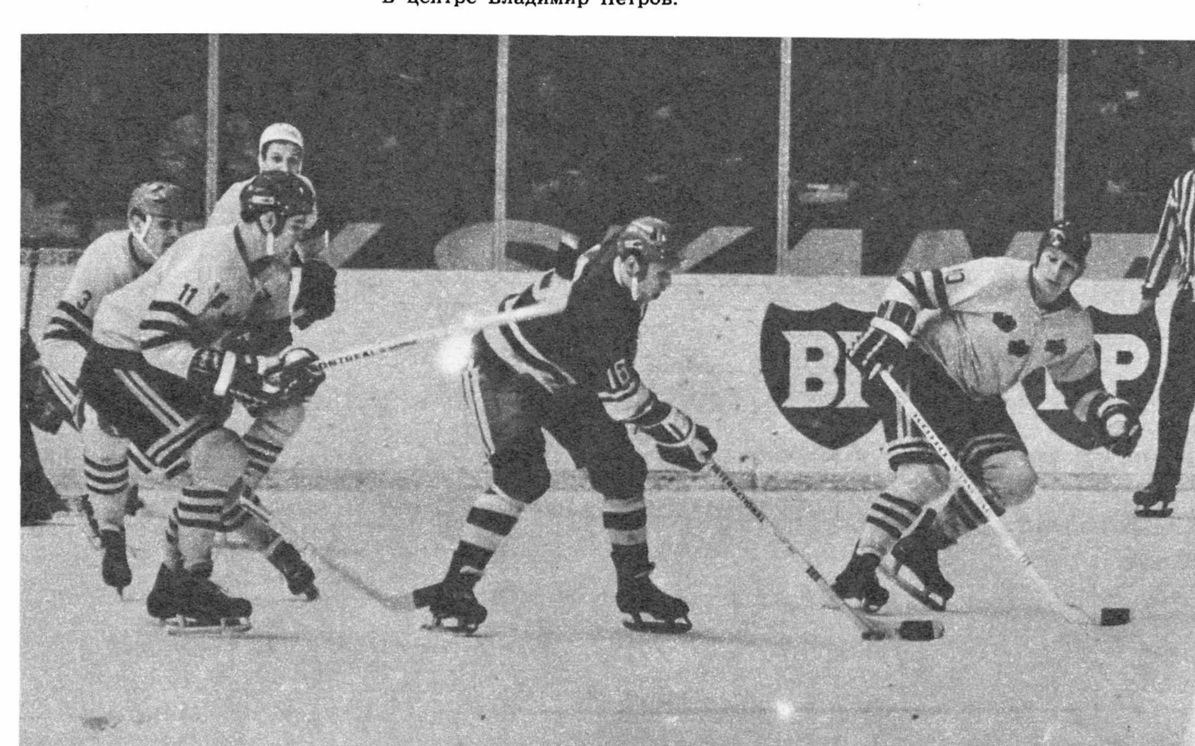
Нет нужды пересказывать все волнующие перипетии этого поистине рекордного по своему напряжению, по своему мастерству матча. Достаточно лишь привести слова президента Международной лиги хоккея Д. Ахерна, который заявил нам сразу после игры: «Я счастлив, что мог видеть этот матч».

Счастлив был не только господин Ахерн. Этот матч видели миллионы болельщиков хоккея, они были свидетелями нашей новой победы. Восьмой подряд! Десятой по общему счету!

Стяг нашей Родины поднят над ледяной ареной Юханнесхофа.

Борьбу ведут золотые и серебряные призеры мирового чемпионата 1970 года. В центре Владимир Петров.

Исай ТОБОЛЬСКИЙ

ИСПОВЕДЬ

Публицистическая поэма

Пролог

Давится слово
Слюною кровавой.
Сердце кричит,
А язык сведён.
Справа и слева,
Слева и справа
Тысячеустый
Кипящий стон.

— Голда!..
— Елена!..
— Иржина!..
— Илюха!..
— Ма-а-ма-а! —
Захлебывается малыш.
Волосы рвет,
Обезумев, старуха:
— Где ж ты, всевышний?!
Куда ты глядишь?!

Черное небо
Изодрано в клочья.
И даже
В разверзшихся облаках
Плещется,
Мечется,
Болью клокочет
Стон
На двунадесяти языках!

Криками ужаса,
Ревом моторов,
Кованым топотом
Черных сапог,
Лаем овчарок,
Лязгом затворов —
Кровью и смертью
Полон пролог.

Все это было.
Все это было.
Все это знаю
Совсем не из книг.
Память моя
Ничего не забыла,
К прошлому память
Ведет напрямик.

Вот они —
Им не вернуться отсюда —
Ошеломленно
Глотают слова,
Все еще веря
В какое-то чудо
Даже над пропастью
Этого рва.

Вот их сгоняют,
Прикладами сгрудив,
Вот их торопят
Жгутами плетей.
Чуда не будет.
Чуда не будет...
Матери глохнут
От крика детей.

Вслушайтесь,
Люди двадцатого века,
Это забыть
Не дано никому!

— Как тебя звать-то, молодка?
— Ревекка...
— Дочка?
— Сынишка...
— Возьми-ка ему.

— Что вы, спасибо...
Не надо, поверьте.
Он еще капелька.
Сосунок.

— Все уж одно...
А пускай перед смертью
Хлебца отведает
Твой сынок...

Сердцем и разумом
Вдумайся в это,
Каждое слово
В душе повтори!

— Как же зовут вас?
— А толк от ответа...
Звали, голубушка!
Дарьей... Бери!..

...Целиться незачем,
Цель близка.
Вспыхнуло пятнышко
Возле соска.
Рук не разжав,
Чтоб не выпал ребенок,
Замертво падает
Мать на песок.
С плачем,
Выпутываясь из пеленок,
Ловит ребенок
Губами сосок...

А из соска
Два ручейка —
Крови
И теплого молока...

Все это было.
Все это было.
Память моя
Ничего не забыла,
Совесть моя
Ничего не забыла!
В судьи беру
Справедливость и Честь...

Я рассказал вам
О том, что было.
И я расскажу вам
О том, что есть...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Справа и слева,
Слева и справа,
Из каждого рта,
А язык сведён:
— Облава!
— Облава!
— Облава!!
— Облава!!!
Тысячеустый
Арабский стон...

...Пламенем домны
Ветер пустыни.
Только песок —
Ни воды, ни дорог.
Птица здесь в полдень
Гнезда не покинет,
Чтобы от зноя
Не рухнуть в песок.
Выдохлись люди.
А полдень ближе.
Сердце набухло
И затекло.
Губы от жажды
И то не оближешь,
Словно во рту
Не песок, а стекло.

Падает мать...
Несмышленый комочек
Тычется
В мамину грудь кулачком...

— Что мне поделать
С тобою, сыночек,
Выпило горе
Твое молочко.
Видно, аллах наш
Разгневался тоже.
Хоть бы водички
Каплю одну...

Кто здесь услышит
И кто здесь поможет,
Если здесь каждый
В таком же плену!

Вот она,
Самая страшная пытка,—
Даже привстать
Не помогут тебе.
В сторону шаг —
Это к бегству попытка,
В сторону два —
Означает побег.

Все это было.
Все это было.
Снова мне видится
Киевский ров...

Что ты надумал,
Трусливый громила,
Что натворить ты,
Безумец, готов?

Вслушайся:
Дышит возмездьем гетто,
Гневом кровавым
Гудит Иордан.
Что тебе сделала
Женщина эта?
Ты и в гробу
Не уйдешь от ответа!
Есть еще время!
Опомнись, Натан!..

...Выстрел!
И, тонкая,
Как волосок,
Струйка впивается
В жадный песок...

Встаньте безмолвно!
Теперь не до шуток.
Ваши свидетельства
Будут важны.
Где бы вы ни были
В эту минуту,
Вы этот выстрел
Услышать должны!..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мой дед — еврей,
И прадед мой — еврей.
И суть моя
От них неотделима.
Не заслоняюсь ширмой
псевдонима,
Не отрекаюсь
От своих кровей!

Но, как и все евреи
На планете,
В ком честный голос правды
Не затих,
Я не хочу
По крови быть в ответе
За подлость
Соплеменников моих.

Да, я еврей.
Евреи мне родны.
Но с Октября
Семнадцатого года
Моя судьба —
В судьбе моей страны,
Где поровну
На всех разделены
И труд,
И хлеб,
И солнце,
И свобода!

И в горький час,
Когда моя Россия
По именам
Окликнула солдат,—
Не за Христа
И не за Моисея,
А за тебя,
Земля моя — Россия,
Ушли сражаться
Я и младший брат.

Под Курском,
Возле огненной дуги,
Мой брат Давид
Остался без ноги.

А время шло
И вновь перебирало
Всех, кто случайно
Смертью был забыт...
Семнадцать лет
В нем пуля остывала,
Семнадцать лет
Не знал он,
Что убит!

Он честно жил
И умер, как солдат...
Нет, он не умер —
Он погиб, мой брат!

Но если правду
Молвить без обиды,
Не прячась
За наигранную ложь,—
В моем роду
Не только есть Давиды,
И никуда
От правды
Не уйдешь!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Скажи, Натан,
Ты помнишь или нет
Клыки овчарок
Возле самой глотки,
Глоток воды,
Который взмахом плетки
Эсэсовец
Выплескивал в кювет?!

Скажи, Натан,
Ты помнишь или нет,
Как волокли

Баграми из бараков
Еще живых,
И ты кричал и плакал,
Проваливаясь
В мутный полубред?!

Скажи, Натан,
Ты помнишь или нет,
Как на снегу
Лежали штабелями
Живые
Вперемежку с мертвецами
И ты меж них —
Почти полускелет?!

Скажи, Натан,
Ты помнишь или нет,
Как днем и ночью
Полыхали печи
И дым,
Пропахший
Мясом человечьим,
Вычерчивал
Кроваво-черный след?!

Скажи, Натан,
Ты помнишь или нет,
Кто вытащил тебя
Почти из пепла?!
Иль вправду память
У тебя ослепла?
Ответь, Натан!
Мне нужен твой ответ!

Молчишь, Натан...
Но по твоим глазам
Я и за тыщу верст
Тебя примечу.
Молчишь, Натан...
Тогда я сам отвечу.
Я все тебе сейчас
Напомню сам...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Я свой рассказ
Начну неторопливо
С того —
Ты знаешь сам
С какого — дня.
И ни в каких
Притонах Тель-Авива
Тебе, Натан,
Не скрыться от меня.
Не спрятаться.
Ничем не заслониться.
Твоя дорога к дому
Сожжена...
Мне до сих пор еще
Ревекка снится —
Моя сестренка,
А твоя жена.

И до сих пор
Мерещится мне снова,
Как, смертным криком
Душу теребя,
Твой сын,
Еще не зная ни полслова,
Зовет на помощь
Именно тебя!

А ты, Натан,
В те самые мгновенья
В подвале,
Как затравленный сурок,
Размазав слезы,
Ползал на коленях,
Губами тычась
В кованый сапог.

Ты рассчитал,
Трусливая скотина,
Что прятаться
Сподручней одному,
И бросил мать,
Отца,
Жену и сына
В еще своем
Не отданном дому.
Когда, окровавлённые,
В овраге
Они лежали,
Корчась и крича,
Ты брел
Дисциплинированно
В лагерь,
Послушный
Полувзгляду палача.

Да, говорю
До боли откровенно.
Чего таить
Невысказанный крик?
Идти на смерть
Покорно и смиренно —
И для калеки подвиг невелик.

А ты вот шел
Во здравии и силе,
За чьи-то спины
Прячась, как баран.
И не к одной
Довременной могиле
Причастен ты
Бездействием, Натан!

Я не хочу
Догадываться даже,
Какой ценой
Ты шкуру уберег
В той преисподней,
Где и на продаже
Не каждый бы
Три года
Выжить смог.

А ты вот выжил.
И дождался чуда.
В тот день,
Когда, считай,
Ты был в гробу,
Тебя на волю
Вытащил оттуда
Скворцов Иван
На собственном горбу.

Четыре года
В дикой круговерти,
И слыхом не слыхавший о тебе,
Он шел, чтобы спасти
Тебя от смерти,
Почти забыв
О собственной судьбе.

А та судьба
Была войною смята.
Убили Дарью.
Затерялся сын...
Четыре брата
Было у солдата,
Из пятерых
Остался он один.

И то с войны
Вернулся инвалидом,
Как молвится,
Без званий и наград...

В одном полку
Служил Иван с Давидом,
В одной земле
Они теперь лежат...

А ты, пробыв
Полгода в лазарете,
Как жертва
Завершившейся войны,
Так отыгрался
На сплошной диете,
Что не влезала
Задница в штаны.
Я о тебе с тех пор
Не слышал больше,
Я только знал,
Что ты остался жив.
И через месяц
Оказался в Польше,
А через два —
Смотался в Тель-Авив...

И вот опять
Негаданно-нежданно
Воскресшим гневом
Сжатая рука
Выводит имя
Вейцеля Натана —
Капрала
Резервистского полка...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я бы тоже отмолчаться мог
И о чем-нибудь
Трезвонить браво.
Но в такое время, видит бог,
Я на это не имею права!

Это право совесть отняла.
Вот опять
Тревожная газета.
Снова
Неотложные дела
Требуют
Вмешательства поэта.
Где-то вновь
Предвестником беды
Багровеет сумрачное небо.
Где-то людям не хватает хлеба,
Где-то умирают без воды.

Где-то кровью залиты поля,
Где-то кровли рушатся...
И дети
Гибнут на захваленной планете,
Окрещенной именем Земля!

Слышите предсмертный крик в ночи?!
Даже в страшном гуле
Не пропал он.
Это, опаленная напалмом,
Девочка ослепшая кричит!

Девочка кричит!..
А в тишине,
Хитрых слов и жестов не жалея,
Ловкачи
О мире и войне
Треплются порой на ассамблеях!

Вот он, тель-авивский дипломат,
Мастер закулисных махинаций.
Он сидит —
Как дома не сидят —
За столом Объединенных Наций!

То медовым голосом журчит,
То рычит, от злобы багровея,
Ржавые библейские ключи
Тыча в душу каждого еврея.
Хочет доказать, что мы родня,
Даже я и Ротшильд — побратимы
И друг другу так необходимы,
Что не может Ротшильд без меня!..

«Все мы братья! — заклинает он. —
Все мы дети, избранные богом.
По каким бы мы ни шли дорогам,
Путь к Синаю богом осенен...»

До чего ж пронырлив и хитер!
Но известно всем, по чьей указке
Он заводит этот разговор,
Древние рассказывая сказки.
Неспроста,
Меняя только тон,
Но почти мотива не меняя,
Подпевают Бонн и Вашингтон
Новоявленным отцам Синая.

И, благословляя Тель-Авив,
То и дело,
Нежно и стыдливо,
В пылкой объясняются любви
«Доблестным» воякам Тель-Авива.

Их любовь понятна и ясна.
Неспроста поклонникам не спится:
Нефть — она и Ротшильдам нужна,
Нефть — она и фюрерам годится.
«Рад бы в рай»,—
Вздыхает сатана.
Так и им вздыхать
Придется тоже.
Отошли в былое времена
Всяких перекроек и дележек!

Если мир по библии делить,
По корану или по завету,—
Самому Христу и Магомету
Не прийти к единому ответу:
Где, кому
И с кем в соседстве
Жить!

И еще забыли господа
Или не учли, как говорится:
Если нефть, известно, не вода,
То и кровь людская не водица.

Весь народ дельцам не обмануть.
Грозно прорывается и зреет
Честный голос
Всех простых евреев,
Гневно проклинающих войну.

Я не верю, чтоб такой народ,
Умудренный опытом страданий,
Не сумел понять, в каком тумане
Он сейчас над пропастью идет!..

Эпилог

Притих тревожно
Древний Иордан.
Грустит вода.
Безмолвье чутко стынет.
Усталых звезд
Бесшумный караван
Кочует
Над полночною пустыней.

Ни шороха.
Еще далек рассвет.
Но тишина
Обманчива в тумане.
Не прозевай,
Не прогляди, Ахмет,
Иначе враг
Опять тебя обманет.

Там, на другом —
Коварном — берегу,
Где тоже кто-то смотрит
Зорким глазом,
Твой дом остался,
Отданный врагу,
Который ты вернуть
Теперь обязан!

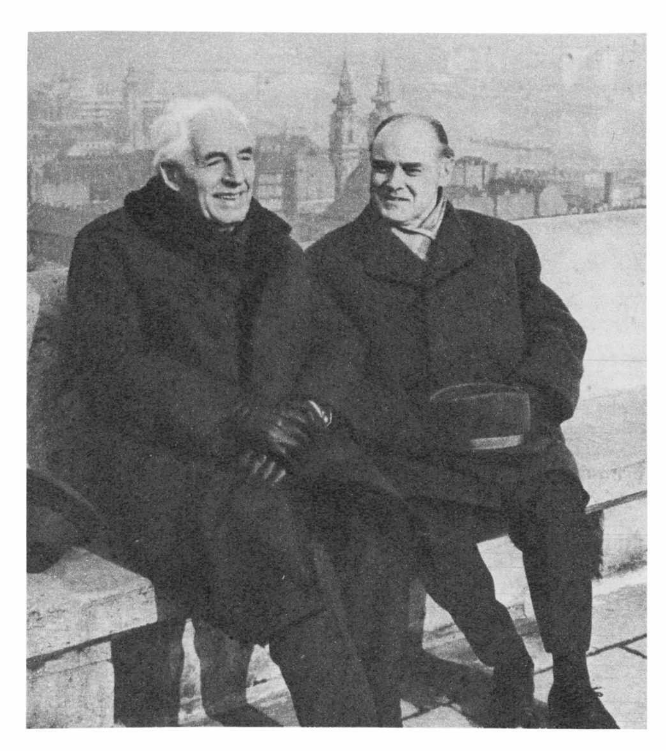
Я верю, знаю:
Скоро грянет срок
Неотвратимой мести
И расплаты...
Уходят в ночь
Неслышные солдаты
По тайным тропам
Огненных дорог.

Сейчас в ночи
Прошелестит ракета.
И рухнет тьма.
И вздрогнет Иордан...
Пока еще не видишь ты Ахмета,
Но он идет... К тебе идет, Натан!

Еще ты жив,
И молишься беспечно,
И взятые считаешь рубежи.
Еще ты веришь,
Что тебе навечно
Отныне
Дом чужой
Принадлежит...

И до тебя любители удачи
Осваивали жизненный простор.
Попомни слово:
Ты еще поплачешь,
С тобой еще не кончен разговор!
Взгляни!
Возмездье
Целится
В упор!..

Саратов.

Янош Чорба и В. Мадяри-Бек

Фото А. Шиллера.

ЗДРАВСТВУЙ, БУДАПЕШТ!

Галина КУЛИКОВСКАЯ, специальный корреспондент «Огонька»

Меня попросили вручить сувениры человеку, который многое хорошо должен был помнить и знать. Фамилия у него двойная: Мадяри-Бек, потому что у него было два отца. Один, Бек,—русский, который дал ему жизнь, но слишком рано ушел из нее сам. Другой, Мадяри,— венгр, который усыновил мальчика и увез его из Ташкента в Будапешт. Было это очень давно, в 1921 году, когда военнопленные возвращались на родину. Многие из них, как и Иштван Мадяри, уезжали с русскими женами.

В сорок пятом Владимиру Эдуардовичу было тридцать. Судя по фотографии тех лет, это был темно-русый молодой человек, с круглым, типично русским лицом и чуть вздернутым носом. На той фотографии он был не один, а с советским лейтенантом А. Ильиным, первым военным комендантом центра Будапешта. А теперь?..

Седовласый улыбающийся человек, с глубокими залысинами на висках не знал, куда лучше меня усадить. Говорит по-русски бегло, свободно, но, как иностранец, с акцентом. «Семейным языком у нас был немецкий,— объясняет он.— Матушка не знала венгерского, а отец — русского. Немецким же владели оба. Мне пришлось осваивать сразу русский, венгерский и немецкий. Венгерский — в деревне у деда. Мой дед по отчиму был бедным крестьянином».

А отец? Иштван был музыкантом, играл в оркестре Ташкентского театра. Однако на родине ему мало довелось работать по специальности. Будапештский театр, в котором он устроился вначале, закрыли, и трубач остался без средств к существованию. Коллеги избрали отца заместителем председателя союза музыкантов, отстаивавшего права профессионалов на труд, боровшегося с безработицей. Такая деятельность Иштвана, вернувшегося из страны Красных Советов, обеспокоила местные власти. В дом зачастили детективы: «Чем занимаетесь, с кем переписываетесь?» Кончилось все это плохо: стычки с администрацией, нужда и лишения рано свели в могилу и второго отца. При содействии друзей Иштвана юношу взяли статистом в театр. Это помогло ему закончить образование. Вечернего заработка как раз хватало на то, чтобы поесть один раз в день. О, он слишком хорошо запомнил тогда вкус шпината — еда состояла из тарелки шпинатного супа и мятой картошки,— чтоб когда-нибудь его забыть!

Осенью 1939 года, когда фашистская Германия оккупировала Польшу, молодой агроном доктор Мадяри-Бек уходит с хорошо оплачиваемой должности в Палате сельского хозяйства. Мотивировка? «Уволен, так как самовольно покинул место». Так по крайней мере было записано в деле. Сослуживцы хватались за голову: «Сумасшедший, он получал 355 пенге в месяц, он нигде не получит такого оклада». Да, в инспекции сельского хозяйства платили в два раза меньше. Это сразу почувствовала семья. У Мадяри-Бека теперь была своя семья, и рос маленький Иштван, названный так в честь деда. Пришлось экономить. Но зато совесть Владимира Эдуардовича осталась чиста: он больше не сотрудничал в организации, глава которой был чуть ли не личным другом Гитлера...

Венгрия, подталкиваемая правительством Хорти, катилась к пропасти. Избавление от фашизма могло прийти только с Востока. Надо ли говорить, как прогрессивно настроенные слои общества ждали прихода советских войск. По мере того как фронт продвигался к Будапешту, все большее число венгров тайно изучало русский язык. Это было очень опасно, но люди шли на риск. Пригодились тогда и знания Мадяри-Бека, но об этом он расскажет потом.

Пока хозяйка дома Елизавета Имревна обжаривает блинчики с нежнейшей, как крем, начинкой, Владимир Эдуардович предлагает разработать план наших действий на завтра. Завтра у него лекций нет. Он, доцент сельскохозяйственного университета (это от его московского коллеги, доцента московского института инженеров сельскохозяйственного производства М. М. Макарова, я привезла ему сувениры), попросит у ректора машину, и мы сможем проехать по всем памятным для него местам начала сорок пятого. Он попробует уговорить принять участие в этом путешествии в прошлое и Чорбу. Кто такой Чорба? Первый бургомистр Будапешта, назначенный советскими войсками.

Следующий день выдался прозрачным и ясным. Густой туман, низко висевший над городом, рассеялся, и промытые ночным дождем улицы дышали весенней свежестью. Разномастные вереницы автомобилей слепили солнечными бликами. Хотелось бродить по не одетым еще зеленью бульварам, останавливаться у памятников, которых так много в Будапеште. И совсем невозможно было представить себе город другим — пустынным и вздрагивающим от взрывов.

— Тогда стекол в домах не было,— перенес меня в конец сорок четвертого года Мадяри-Бек.—Дома напоминали людей с пустыми глазницами. Люди сидели под землей, в бункерах. Мы тогда жили по улице Арады, 32. Нет, это недалеко отсюда. Всего в двух-трех кварталах от нашего дома размещался штаб салашистов. Началась осада города, и на улице можно было показываться только до восьми часов вечера, иначе — расстрел на месте. Никогда не забуду два трупа — старика и старушки, что лежали на обледенелой мостовой. Видимо, шли в неположенный час. И я, уходя из дому, прощался каждый раз со своими и прихватывал мешочек с сухарями и маргарином. А выбираться время от времени надо было. Во-первых, за продуктами, во-вторых, чтоб поставить штемпель на документе об освобождении от военной службы. Салашисты ввели тогда поголовную мобилизацию, а у меня был друг в министерстве сельского хозяйства, который меня выручал. А в-третьих, я давал уроки русского языка группе венгерских товарищей. Занятия проходили нелегально, конечно, далеко от центра, и однажды я задержался. Бегу из подворотни в подворотню, навстречу патруль. Как раз недалеко от резиденции салашистов. Как быть? В обход? Начнут погоню. Будь что будет—пойду напрямик. Поравнявшись, бодро прокричал: «Выдержка, братья! (так они приветствовали друг друга). Немного опоздал. Живу за углом». Поругиваясь и угрожая своими автоматами, меня пропустили. А если бы задержали и обнаружили в кармане русскую грамматику?..

Машина останавливается на узкой, покрытой брусчаткой улице Арады. Дома стоят близко друг к другу, почти соприкасаясь. Квартира Мадяри-Бека была на третьем этаже. Впрочем, в ту зиму нельзя было жить ни на третьем, ни на каком другом. Все обитатели домов ютились в подвалах.

Крутые ступени ведут в подземелье с толстыми сводами. Холодно и сыро.

— Однако было тут теплее, чем в стылых, безоконных домах. Кровати стояли рядами вот в этой нише. А вот здесь, в заложенной кирпичом стене, вон видите, более светлая кладка, зиял проем. В нем впервые в своей жизни я увидел советского солдата. Он шел прямо на нас, укутанных по самые глаза в разное тряпье, с фонариком в руках. Свет фонарика показался мне тогда очень сильным, ярким, я бы сказал, даже символическим. Он был символом неизбежной победы над фашизмом. Вам непонятно, откуда солдат взялся? Пожалуйста. Видите ли, подвалы или бункера домов сообщались друг с другом. Ведь дома стоят совсем впритык. Наступление частей шло не только открытыми улицами, но и по этим своеобразным подземным ходам. Я бы, вероятно, и не привел вас сюда, если бы здесь 18 января сорок пятого года не состоялась очень важная для меня встреча. Дело в том, что вслед за солдатом в наш бункер шагнул майор. Высокий, довольно плотный, с планшеткой и фотоаппаратом через плечо. Это был Петр Никитин, фронтовой корреспондент,— впоследствии он стал писателем, и я читал его книги. Он очень удивился, когда я обратился к нему по-русски, стал спрашивать, откуда я. Я рассказал вкратце о себе. Знакомство состоялось. Никитин несколько дней жил в

Иштван Шафран, сталевар Чепельского металлургического комбината, член бригады социалистического труда.

Новые жилые дома в городе Дунауйварош.

Фото МТИ.

Агрегат для погрузки руды.

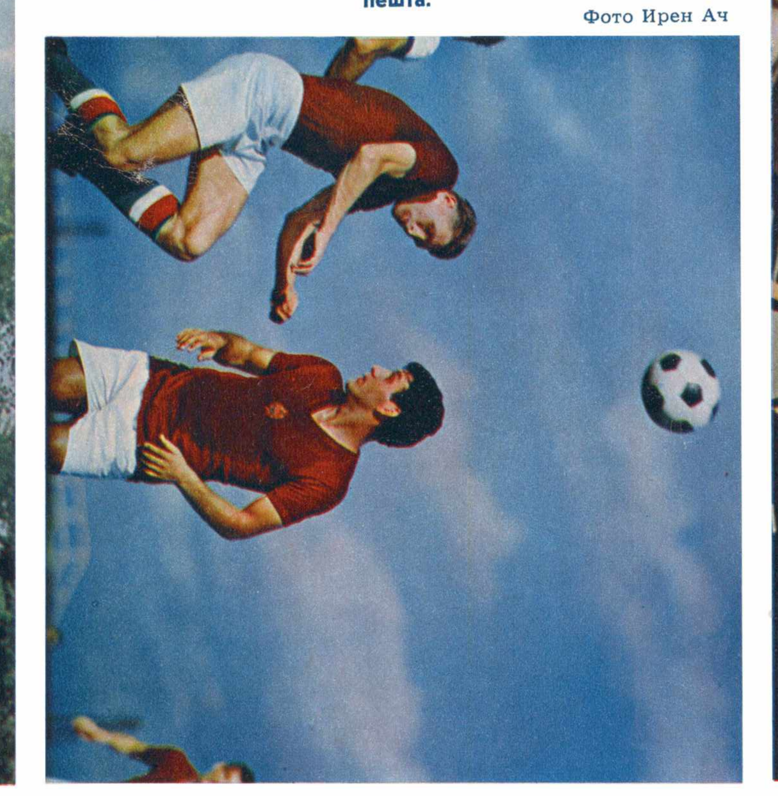

Вечером на острове Маргит...

Они родились 25 лет назад — сестры-близнецы Ирен и Эржи Шимон, работающие сейчас в одной из типографий Будапешта.

Фото Ирен Ач

Атакует сборная Венгрии.

Лучшее место отдыха — Дунай.

Фото МТИ.

комнате Марты, что прямо над бункером. Вот здесь.

Сквозь полуоткрытую дверь послышались чьи-то шаркающие шаги.

— А, тетушка Марта! — тепло, как будто близкую родственницу, обнял Мадяри-Бек пожилую женщину.— Ну, как вы тут живете? — И уже ко мне: — Вместе в бункере прятались. Ка́рой, муж Марты, был шофером. Дети и внуки выросли, разъехались. Иштван стал учителем в школе. Янош — техник, работает на заводе.

Марта приглашает нас к себе. В этой комнате при свече или лампадке фронтовой корреспондент Никитин писал свои репортажи. А днем вместе с Владимиром Мадяри, который оказался для него превосходным проводником, они совершали вылазки. Одна из «прогулок» под артобстрелом, которой вели немцы с Буды, состоялась к Дунаю. В городе тогда быстрее молнии распространились слухи о том, что фашисты взорвали его великолепные мосты — гордость Будапешта. Никто не хотел этому верить, настолько сама мысль об этом казалась чудовищной. И все же это была страшная правда. Красавец Эржебет больше не существовал. Они увидели торчащие из воды обломки искореженных ферм.

Вскоре майор Никитин представил Мадяри-Бека лейтенанту Ильину, назначенному военным комендантом только что освобожденного центра Будапешта. Ильину позарез нужен был переводчик, и Мадяри-Бек с радостью предложил свои услуги.

— А теперь мы заедем за Чорбой,— сказал, посмотрев на часы, Владимир Эдуардович.— Его не только не пришлось уговаривать, он даже подобрал кое-какие документы тех времен и, вероятно, уже ждет нас.

Высокий, представительный человек, с совершенно белой головой и черными, широким серпом, бровями, действительно ждал нас. Теперь все вместе мы едем на улицу Народной Демократии. В самом ее начале, у площади Героев, трехэтажный особняк с изящными балкончиками — посольство Югославии.

— Здесь была советская комендатура, и здесь Янош Чорба стал бургомистром. Как это произошло? Он даже и сам не знает,—лукаво улыбаясь, переводит Мадяри-Бек.— Восемнадцатого января, в тот самый день, когда я встретил Петра Никитина, Чорба, выглянув на улицу из окна дома, в котором скрывался, увидел военного человека с красной звездочкой на серой ушанке и глубоко вздохнул. Он понял, что спасен. И... сбрил бороду. При чем тут борода? О, это длинная история. Дело в том, что он был депутатом парламента и еще за несколько месяцев до взятия Будапешта советскими войсками выступил с весьма дерзкой речью, призывающей Венгрию выступить против стран, воюющих с Советским Союзом. Эта речь сблизила Чорбу с группой генерала Яноша Киша и героем венгерского Сопротивления Байчи-Жилинским, впоследствии казненными салашистами. Друзья посоветовали Чорбе немедленно исчезнуть. И он «исчез»: отрастил бороду, сбрил усы и стал так естественно хромать, опираясь на палку, что, когда необходимость в конспирации отпала, все еще волочил ногу. Жил в разных местах, все время меняя адреса.

18 января, когда советские войска полностью освободили Пешт, он отправился на площадь Республики — так теперь она называется — к Золтану Вашу. Коммунист Золтан Ваш знал Чорбу и сказал, что когда в Дебрецене формировалось Временное Национальное правительство, то он, Чорба, был назван кандидатом в бургомистры Будапешта. Золтан обещал обеспечить Чорбе поддержку городского национального комитета, когда тот будет создан. Был ли Чорба коммунистом? Нет, не был. Он представлял партию мелких сельских хозяев, левую оппозицию, членов которой называли «фракцией головорезов».

Ну, а как события развивались дальше, Мадяри-Бек знает очень хорошо.

Перед военным комендантом Центра А. Ильиным предстали вместо одного три прекрасно одетых господина. Ильин удивленно посмотрел по очереди на каждого из них, потом на Мадяри-Бека, потом снова на них. Что это — самозванцы? Мадяри-Бек переводил ему содержание документов каждого. Каждый кого-то представлял. Ильин, выполняя приказ, утвердил мэром высокого человека с совершенно белой головой (и 25 лет назад Чорба был уже бел как лунь). Этот человек не дрогнул, когда заговорила артиллерийская батарея, что стояла под окнами на площади Героев. Дальнобойные орудия вели обстрел гитлеровцев, укрепившихся в Буде. Оглушительно прогрохотал залп, посыпалась штукатурка, осколки стекла, закачалась под потолком бесполезная люстра: света в городе ведь не было. Два вылощенных господина испуганно сникли, вмиг стушевались, и от их напыщенности не осталось и следа. И только Чорба стоял невозмутимо, с твердо поднятой головой, не шелохнувшись, как будто ничего особенного не случилось.

Мэру надо было действовать энергично и немедленно. Горело здание мэрии. Чорбе с помощью советских войск удалось быстро локализовать огонь и спасти часть здания. И сейчас в этом здании расположен горсовет Будапешта.

Янош Чорба протягивает мне небольшой газетный листок. Это седьмой, теперь уже архивный номер «Сабадшаг» от 27 января 1945 года. На первой странице опубликовано распоряжение № 1 бургомистра города Будапешта, доктора Яноша Чорбы. Населению предлагалось немедленно приступить к захоронению трупов, освобождать от мусора и развалин дороги, уничтожать фашистские, немецкие и салашистские плакаты. Бургомистр призывал жителей города возвращаться из подвалов в свои квартиры.

Разумеется, забот у Чорбы было в те дни сверх головы. Другой местной власти в городе, кроме него, тогда не было (Временное правительство находилось еще в Дебрецене), и он отчитывался о своих действиях непосредственно военному коменданту. Пришлось ему даже деньги выпускать за своей собственной подписью и чеканить медали. И то и другое самым тесным образом связано с мостами. Деньги понадобились для того, чтобы рассчитаться с рабочими кораблестроительного завода, восстановившими четыре плавающих крана. С их помощью можно было подымать взорванные фермы и колонны мостов. Сейчас, кстати, краны с этого завода идут в СССР, на Кубу и другие страны. Что же касается мостов, то вот один из них.

Мы возле старинного отеля «Геллерт», известного своими бассейнами и ваннами термальных источников. Недалеко от него гордо серебрятся над Дунаем ажурные башни, увенчанные будто присевшими отдохнуть на золотых шарах большими птицами.

— Мост Свободы, бывший мост Франца Иосифа. Он был восстановлен в Будапеште первым,— говорит доктор Чорба.— В этом районе он стал дорогой жизни, которая соединила Буду с Пештом. Проложили дорогу советские саперы. Им под непрекращающимся обстрелом врага было очень трудно работать, да еще в ледяной воде: зима стояла тогда снежная и холодная. Саперам удалось поднять среднюю часть моста, но она оказалась слишком тяжелой, ее невозможно было удержать имевшимися тогда средствами, и она снова рухнула в воду. Тогда решено было из бревен и досок соорудить временный пролет, по которому можно было открыть движение. Это был самоотверженный труд! Я заказал на монетном дворе 50 экземпляров специальной медали с силуэтом моста. На ней было написано: «За героическое восстановление первого моста в Будапеште». Не сохранилось у меня, к сожалению, ни одного экземпляра этой уникальной награды, но надо думать, что есть она у бесстрашных советских воинов, освободителей Будапешта.

— Да, мосты, мосты...— задумчиво проговорил Мадяри-Бек,— без них наш Будапешт немыслим так же, как без своих театров и без музыки. Завершит наше путешествие во «вчера» еще один адрес. Я не говорил вам о нем, чтобы сделать сюрприз. Мы едем сейчас к Лилиан Биркаш, заслуженной артистке оперы. Это наша Татьяна Ларина и Люба Шевцова, Флория Тоска и мадам Баттерфляй. С ней, тогда еще молоденькой, только начинающей певицей, я познакомился, работая в комендатуре Ильина. Но первым актером, пришедшим к нам в январские дни, был, ну кто бы вы думали? Общий любимец будапештской публики, известный комик Калман Латабар. Или, как его ласково называли, Лати. Совершенно замерзший, изголодавшийся, он попросил перевести Ильину, что умрет с голоду, если его не будут кормить. Ильин спросил, действительно ли он тот человек, за которого себя выдает. И тогда Лати, скользя на запорошенном снегом паркете, сыграл нам двоим сцену из популярного спектакля. Это был незабываемый момент, полный драматизма. С тех пор, пока не открылся Театр оперетты, в котором он получил продовольственную карточку и зарплату, Калман каждый день имел горячий обед.

Само собой разумеется, что мы были приглашены в театр на первое представление. Зрителей — не менее чем сам факт возобновления работы театра в полуразрушенном городе — потрясло другое — свет, настоящий электрический свет! После бесконечных месяцев мрака люди просто были ослеплены. На их лицах выражались счастье и восторг. Пожалуй, смущен был только один человек — Александр Ильин. Наклонившись ко мне, он прошептал, показывая на большую люстру: «Там висит целый вагон угля, его хватило бы для маленького завода». К тому времени Будапешт был полностью освобожден. Комендантом всего города был назначен генерал Замерцев, а Ильина перевели военным комендантом электростанции и гидростанции. И это был очень трудный участок. Железные дороги были разрушены. Топлива не хватало. Пришлось вывозить уголь из Шалготарьянских копей. И каждая его тонна была для нас драгоценностью.

— А теперь Венгрия получает электрическую энергию прямо из Львова. И мои дети, и внуки тетушки Марты, и вся наша молодежь учится, работает, танцует и сочиняет стихи при свете советского электричества. Не чудеса ли это?

Описав не одну замысловатую, ну совсем кавказскую спираль, наша машина оказалась на живописной горе, коих немало на правом берегу Дуная. За чугунной оградой в наступивших сумерках смутно белеет корпус автомобиля. Мадяри-Бек звонит в подъезде виллы, и вот уже сверху бежит нам навстречу изящная, тонкая женщина...

За спущенными на окнах жалюзи подвывает ветер, а тут, в библиотеке актрисы, уютно и тепло. Мягкий свет торшера высвечивает книжные стеллажи во всю стену, старинные миниатюры и лицо Лилиан в ореоле легких и светлых волос. Она кажется сейчас совсем юной, такой, вероятно, как тогда.

Двадцать пять лет назад просто на площадке между двух цехов, что на улице Ваци (это самая индустриальная, самая рабочая в городе улица), она пела при свете факелов «Хабанеру». Потом рабочие в спецовках подходили к ней и просили расписаться на книге, которую держали в руках, или хотя бы на газете, на память. Это было совершенно неслыханно, невероятно, впервые в истории, чтобы солисты оперы выступали в таком «зале», для такого зрителя! Лилиан пела с вдохновением! Ее покорила теплота, с которой ее ждали здесь, и умение слушать. А первый раз, когда в бункер под театром столичной оперы пришел советский офицер и предложил устроить для рабочих концерт, она заколебалась. Поймут ли ее там? Не освищут ли? Так же она переполошилась, как и все остальные, кто был в бункере, когда шестеро вооруженных воинов с сержантом во главе ходили по подвалам и разыскивали Кодаи. Зачем им понадобился Золтан Кодаи? Что с ним теперь будет? Удостоверившись, что он здесь, солдаты удалились. А через некоторое время притащили композитору тяжелый мешок, целый мешок продуктов! Удивлению артистов не было границ: откуда в Советском Союзе знали про их знаменитого Кодаи? Впрочем, опека коснулась не только композитора, но и многих других. А если говорить о детях, которые ютились в бункере, то всех без исключения. Лилиан, например, не возвращалась с концертов с пустыми руками. Акош и Балош, ее сыновья, им было всего тогда два и четыре года, уже ждали с готовыми вопросами: «Что ты привезла?» А однажды после большого ее выступления у металлургов Чепеля в бункер спустился высокий офицер из комендатуры, который обычно организовывал их поездки, и поставил перед ее малышами, обалдевшими от счастья, самый настоящий торт.

Лилиан принесла из столовой позолоченный поднос.

— Торт был на этом вот подносе. Я берегу его как самую дорогую для меня память о советских людях, помощь которых мы чувствовали постоянно.

— А что ваши сыновья?

— О! Они давно уже взрослые. Акош — художник, а Балош работает на металлургическом заводе в Чепеле. Как поживает Ольга Лепешинская? — В свою очередь, спросила она.—Мы с ней встречались здесь и в Москве.

Когда, наконец, распрощавшись, мы вышли на улицу, на горе было уже совсем темно. А сам город, необъятный, как море, лежал перед нами внизу, и по нему, как по морю, пробегала светящаяся зыбь из тысяч огней. Огней, зажженных весной сорок пятого!

ШТРИХИ ПОРТРЕТА

Шандор Ногради.
Фото П. Гелета.

Владимир ЧЕРНЫШЕВ

С этим человеком мы встретились в Шалготарьяне на открытии памятника венгерским партизанам, сражавшимся против фашистов. Он не скрывал своих слез, вспоминая павших друзей. День был холодный, митинг на морозном воздухе не такое уж простое дело в его возрасте. Ведь ему семьдесят пять! После окончания торжественной части бойцы рабочей милиции на руках отнесли Шандора Ногради в машину: крутой, скользкий подъем был не под силу старому человеку.

А четверть века назад Ногради исходил здесь каждую тропу с автоматом. Тогда он был командиром интернационального партизанского отряда антифашистов, сражавшегося за освобождение Венгрии. И весь его путь до того момента, когда группа партизан обосновалась в домике лесника у подножия горы Каранч, возвышающейся над шахтерским городком Шалготарьяном, складывался так, что в биографии нет такой принципиальной, как он сказал, строки, которую ему хотелось бы написать заново.

В справочнике «Кто есть кто?», только что изданном в Венгрии, Шандору Ногради посвящена колонка. Там написано, что он член ЦК ВСРП, рабочий-металлист, в партии с 1918 года. «Я познакомился с научным социализмом в 1914-м, война заставила крепко думать, искать причины людских страданий, пути переустройства мира»,— говорит он о себе. А пять лет спустя ему довелось осуществлять идеи социализма на практике: в Будапеште провозгласили Венгерскую советскую республику. Он взял в руки оружие, чтобы защищать ее от врагов.

Задавленная войсками Антанты, диктатура пролетариата в Венгрии пала. Но в душе молодого коммуниста осталась непреклонная убежденность в правоте дела рабочего класса, вера в победу трудовой Венгрии. Вот почему он выбрал трудный, полный риска и лишений путь профессионального революционера.

Белые гусары Хорти, жандармы, полиция, интервенты начали в венгерской столице, которую Хорти назвал «преступным городом», антикоммунистический террор. Партия, которой пришлось уйти в глубокое подполье, стремилась сберечь свои лучшие кадры. Огромную, неоценимую помощь оказал ей в этом Коминтерн. Венгерские коммунисты гордятся тем, что были в числе основателей Коминтерна. Этой организации международного рабочего единства — ленинскому Коммунистическому интернационалу отдал Шандор Ногради 20 лет своего труда.

Мы рассматриваем с ним альбом фотографий. Вот снимок, датированный 20-м годом. Рядом с молодым Шандором чье-то знакомое лицо. Да это же Клемент Готвальд! «Он самый,— подтверждает Шандор Ногради.— Тогда я был в Чехословакии, помогал организовать на ленинских принципах комсомольскую организацию, молодежь выбрала меня секретарем своего коммунистического союза».

Естественно, у читателя может возникнуть вопрос: а почему Чехословакия? «Для нас, коммунистов, работавших в Коминтерне, интересы пролетарского дела всех стран были высшим законом, а поручения партии — первоочередным долгом»,— говорит он. Не хватило бы места перечислять все города и страны, где Шандору Ногради довелось выполнять партийные задания: Берлин, Париж, Мальме, Мадрид, Цюрих, Москва, Вена...

Уроженец словацких областей, он с детства жил среди людей, говоривших на разных языках: словацком, чешском, венгерском, немецком. И с юных лет развивал в себе привычку: общаться с собеседником по возможности на родном тому языке. В тюрьмах и полицейских участках Германии, Австрии, Чехословакии учил новые

СЧАСТЛИВАЯ ХАРТА

Шандор ИЛЛЕШ

Пятнадцать человек сидели в пустой комнате. Небритые лица, потрепанная одежда. Но глаза людей горели надеждой и нетерпением. Это было двадцать лет назад в селе Харта. Бывшие бедняки, недавно получившие землю, решили объединиться в кооператив: «В одиночку не хватит сил. Попробуем вместе».

Среди собравшихся была женщина с ребенком на руках. Она встала с места и тихо спросила:

— Как мы назовем наш кооператив?

Все долго молчали. Старый крестьянин поднял руку:

— Думаю, что лучше всего — имени Ленина. И будем трудиться, как он завещал...

Ему не дали договорить, захлопали в ладоши.

— Пусть наш кооператив носит имя Ленина!

*

Прошло двадцать лет, и вот я снова приехал в Харту и попал на собрание, подводящее итоги года.

...Кооператив ведет хозяйство на площади в пять тысяч гектаров, больше половины вспахано, остальное — луга и пастбища. Много скота, за последние годы появились виноградники и фруктовые сады. Для поливки используют дунайскую воду. Развели огороды, ежедневно отвозят на грузовиках свежие овощи в Будапешт. В прошлом году собрали 33 центнера пшеницы с гектара, а кукурузы — по 55 центнеров и больше. Это очень хороший результат.

За последние семь лет производительность труда в сельском хозяйстве увеличилась на 5,7 процента. Теперь Венгрия производит столько пшеницы, что хватает и для всего населения страны и на экспорт. Помог высокоурожайный сорт пшеницы «безостая-1», помогли химические удобрения и современные машины, которых становится все больше. В прошлом году на полях Венгрии работало 68 тысяч тракторов, 10 800 комбайнов, 9 100 грузовиков и 69 тысяч прицепов.

Заработок крестьян приближается к заработку рабочих и служащих. В цифровом выражении — в среднем по всей стране — реальный доход рабочих и служащих 17 600 форинтов в год, а у крестьян — 16 200.

В сельскохозяйственном кооперативе имени Ленина в 1969 году средний заработок составил 23 тысячи форинтов.

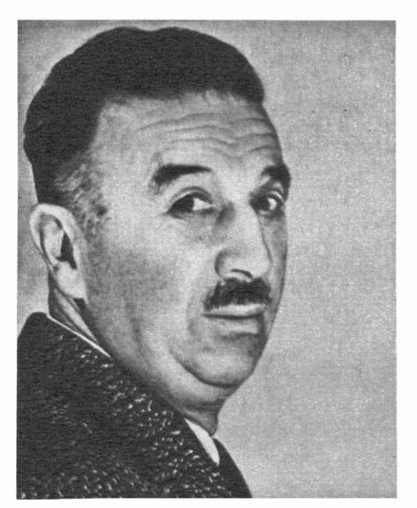
— Откуда все это? — смеясь, переспросил меня председатель кооператива Пал Олах.— Тут многое играет роль: механизация, трудолюбие, современная агротехника. Присматриваемся к рынку, учитываем спрос, чтоб отвозить в город тот товар, который сейчас в цене, который нужен. Очень хороший доход, например, у нас с огородов.

В конце летнего дня на берегу Дуная можно увидеть радугу. Это солнечные лучи преломляются в каплях водяных струй поливальных машин.

Когда двадцать лет тому назад я расхаживал по этим землям, невольно вздыхал, глядя вокруг: пыльные улицы в ухабах, ветхие лачуги с соломенными крышами, бедность. Так выглядела тогда Харта.

Асфальтированные дороги, множество цветов в палисадниках. Кинотеатр. Детские ясли. Большая библиотека, Дом культуры. Строится здание для больницы и поликлиники. Полтораста новых домов членов кооператива. Комфортабельные, с верандой, ванной, во-

---

Доктор Антал Хади.
Фото Ирен Ач.

ХОРОШИЙ ДОКТОР

Бела РАЙНА,
редактор отдела журнала «Орсаг вилаг»

Антал Хади работает главным врачом медицинской инспекции на Чепельском комбинате. Этот моложавый, несмотря на преклонные годы, веселый человек в свободное время стал приводить в порядок свои архивы. Ему в руки попала небольшая тетрадка в клетчатой обложке с приклеенным к ней куском лейкопласта, на котором лиловым чернильным карандашом было написано: «Обслуживание раненых».

Маленькая тетрадка напомнила хирургу о тех днях, которые ему пришлось пережить зимой 1944—1945 годов. Рождество и Новый год он провел в подвале одного из домов на проспекте Йожефа. На соседней улице в институте акушерства работал ассистентом брат Антала Ласло. Они были близко один от другого, но встретиться им не довелось: рвались бомбы, нацисты, отступая, сражались за каждый дом. Линия фронта проходила и по проспекту Йожефа. 3 января в подвал к Анталу прибежал, задыхаясь, какой-то человек.

— Господин доктор, бегите скорее! Прямое попадание!.. Много убитых и раненых... Ваш брат...

Доктор Хади не дослушал его, помчался под свистящими пулями к институту акушерства. Среди тяжело раненых был и его брат.

— Анти...— прошептал он,— мне ты уже не поможешь. Спаси женщин и новорожденных...

Директор института профессор Бакаи сказал Анталу:

— Ты врач, хирург, прошу тебя, собери здесь все, что можно из инструментов, и перенеси в бомбоубежище на проспекте Йожефа. Там мы развернем лазарет, а ты, пожалуйста, возьми на себя все руководство.

Под разрывами гранат и мин доктор Хади и его добровольные помощники отводили женщин и переносили детей в убежище. Туда же доставили и Ласло, который вскоре скончался у Антала на руках.

— Мы работали не покладая рук круглые сутки,— вспоминает хирург.— Многих женщин и детей удалось спасти. Потом к нам ста-

языки — французский, русский, английский.

А когда над Европой раздались залпы развязанной фашистами мировой войны, Ногради решил снова взяться за оружие.

После митинга, посвященного открытию памятника партизанам-антифашистам, мы поехали в Каранчберень, в лесничество. Здесь, в охотничьем домике, у жаркой печурки, натопленной корою и хворостом, встретились двое старых друзей. Шандор Ногради обнялся с Иваном Никитичем Коневым. Они познакомились в этих местах четверть века назад. Вот как это было.

Осенью 44-го десантный отряд Ногради высадился здесь, чтобы создать партизанскую базу. Шел декабрь, когда радистка-разведчица Таня Дунаева приняла позывные партизанской рации и сообщила в штаб 3-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии о том, что венгерский отряд, сформированный Шандором Ногради в Каранчберене, попал в окружение. Разведчики, служившие в дивизии Героя Советского Союза генерал-майора Конева, первыми вошли в соприкосновение с партизанским отрядом Ногради. Потом начался штурм города.

— Наши части оставили для фашистов свободным путь в направлении долины Каранчберень,— рассказывал И. Н. Конев на открытии каранчберенского музея в домике партизан.— Панически боявшийся окружения, противник стал отходить туда, но на склонах гор его уже поджидали занявшие удобные позиции советские десантники и партизанские засады. Гитлеровцы и жандармы бросились назад, в Шалготарьян, в городе возникла паника, и это помогло советским частям овладеть им в течение суток.

На следующий день командир партизан Шандор Ногради явился в штаб к Ивану Никитичу Коневу, чтобы представиться лично.

После недолгого отдыха партизаны Ногради вместе с советскими солдатами пошли дальше, на Запад.

В справочнике «Кто есть кто?» сказано и о послевоенных годах Шандора Ногради: секретарь комитета партии северных районов Венгрии, ответственный работник ЦК и Совета министров, начальник политотдела армии, посол ВНР в Пекине и Ханое...

...Сейчас ветеран на пенсии. Годы берут свое. Но он продолжает вести общественную работу, выступает, пишет. У него есть о чем рассказать младшим товарищам. «Я хочу подчеркнуть,— говорит Ногради,— что сила нашего общего дела — в единстве. Интернационализм для нас не только принцип, но и чувство. Если бы мы не пользовались помощью друг друга, что было бы с нашим движением, с нашей судьбой? Страны социализма, все коммунисты должны как зеницу ока беречь и хранить единство, оказывать взаимную помощь. Это — жизненное кредо».

допроводом, с телевизионной антенной на крыше. В трех-четырехкомнатных квартирах современная мебель, ковры, гардины. Более пятидесяти личных легковых машин, а ведь население села не достигает и пяти тысяч.

— Будем жить еще лучше,— сообщает мне председатель.— На развитие у нас ассигновано более шести миллионов форинтов. Вместе с тремя другими кооперативами мы строим свиноводческую ферму и сможем поставлять на рынок ежегодно 15 тысяч свиней. Увеличим площадь поливных земель, улучшим пастбища, больше внимания уделим овцеводству.

Я могу и сам, без подсказки председателя, рассказать о сегодняшнем дне Харты. Забота о престарелых, пенсионерах, забота о молодежи, для которой сейчас строится клуб, организуется спортивная команда. И все это началось с того самого дня, когда пятнадцать человек решили объединиться в кооператив, которому дали имя Ленина.

На полях кооператива имени Ленина.

Фото МТИ.

ли поступать и другие раненые. Я подумал, что врач при любых условиях обязан вести записи о состоянии больных. Медсестра раскопала где-то тетрадку в клетчатой обложке, приклеила кусочек лейкопласта и написала на нем «Обслуживание раненых». Вскоре появились записи о советских бойцах. Было ясно, что фронт продвинулся дальше и убежище уже на освобожденной стороне. Выйти из подвала, подышать воздухом и посмотреть, что делается вокруг, времени ни у врача, ни у медсестер не было.

Сначала о раненых писали: «42. Русский лейтенант. Сквозная рана с правой стороны грудной клетки. Прострелена кисть правой руки. Наложены повязки. Наложить швы отказался.

43. Русский солдат. Выбит левый глаз, передан специалисту-глазнику. Неопасная рана на левой ноге, наложена повязка.

44. Русский лейтенант. Сквозная рана мякоти правой ноги.

45. Русский солдат. Сквозная рана голени. Наложена повязка».

— Однако мы не могли записать ни их имен, ни фамилий. Мы не знали русского языка, а они не понимали по-венгерски,— объяснял мне Хади.— Тогда я и решил: пусть больные сами записывают историю своей болезни.

С номера 49 пошли записи на русском языке. Солдаты и офицеры указывали звание, часть, род ранения. И почти каждый из них давал оценку врачу — «Хороший хирург», или писал слова благодарности.

Доктор Антал Хади в то время не знал, что пишут его пациенты в дневнике. Теперь, когда мы с ним вместе листали тетрадку и я переводил ему надписи на русском языке, он говорил:

— Этот печальный дневник для меня дорогая память. Я люблю вспоминать те дни января — февраля сорок пятого года. Именно тогда огнем и кровью была скреплена венгеро-советская дружба. С тех пор прошло 25 лет. Где они теперь, мои бывшие пациенты, эти славные ребята, сражавшиеся на нашей земле, за нашу свободу? Я был бы очень счастлив, если б кто-то из них вспомнил о пункте «Скорой помощи» на перекрестке Йожефа, неподалеку от театра «Немзети», и через «Огонек» написал бы мне.

Ференц БАРАНИ

Ветер дует с Дуная

Здесь ты не можешь попросить,
Чтоб океанский ветер
Прохладой обдавал крестьян,
Работающих в поле:
У нас с Дуная дует ветер,
С его воды прохладой веет
Над кунскими полями.
Ты можешь быть щеголеватым парнем
(Иль с легкостью французской,
Иль по-английски безразличным),
Но здесь ты должен, как и все, работать!
Мы знаем — на плечах у нас
Лежит вся тяжесть мира
И нашей крохотной отчизны.
Все мы трудом определяем подвиг
И силой разума и верой
Присущий миллионам героизм,
Пусть иногда и незаметный даже.
Ведь мир рассчитывает и на нас,
Что мы возьмем из всех его забот
Ту долю, что вместит в себя
Отчизна наша и сердца ее сынов!

Янош ЧАНАДИ

Отзвук «Авроры»

Где те герои Октября,
Прошедшие в цепях по ссылкам,
Жизнь революции отдавшие,
Когда разламывался мир на части?
Их кровь струится в нас —
Их сыновьях и внуках.
В нас пламя Смольного горит скромней,
Но их сердец биенье,
Их жизнь, их мысль
Живут и побеждают с нами.
Мы отвечаем за весь мир огромный,
Который нам вручили победители.
Они решили с Лениным
Тот самый главный бой
Штыками, мыслями, живым огнем,
Великие погибшие герои.
Пред нами новые поля сражений.
Мы боремся и слушаем свои сердца:
Как действует, как бьется
Обретшая плоть мысль?
Мы знаем: в грозный час, как верное оружие,
Вновь отзовется в нас огонь «Авроры»
И разум революции, который дал нам Ленин.
...Над миром встанет солнце выше,
И вновь пробьют часы.
Как били в утро Октября.
Тогда огнем рассветов новых
Напишем мы на красном небе,
На всех морях
Прекраснейшее слово: Мир!

Перевел с венгерского В. ПУХНАЧЕВ.

Юдит БЕНЬО

Гимн освобождению

Родом мы из мадьяр и гуннов.
Города наши прекрасны.
Наши шахты глубоки, хлеба наши могучи,
И поля полны благодати.
Мы все вместе творим грядущее,
И сегодня в древней стране мы хотим,
Чтобы жизнь наша была достойна
Наших отцов и наших детей,
Чтобы в делах отцов и детей, как чудо,
Были вечными наши мечты!

Перевел Вяч. КУПРИЯНОВ.

Йожеф ХОРВАТ

АБРИКОСЫ

На заводе магнитофонов.

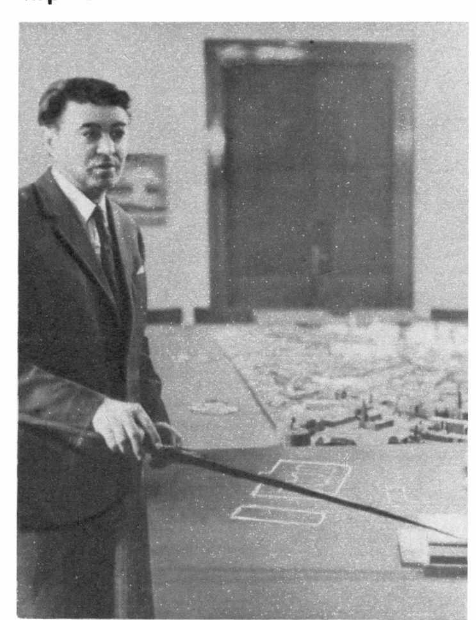

Мэр Кечкемета Геза Райле.

Фото Ш. Бояра и А. Шиллера.

Первый сюрприз Кечкемет приготовил мне еще до приезда. Действительно ли я знаю этот алфёлдский город, в котором родился, закончил школу и куда наезжаю иногда, правда, все реже?.. «Разумеется, знаю,— думал я.— Кто мог бы знать лучше меня?»

Мы сидим в машине и, одолевая скуку монотонной дороги, разговариваем, естественно, о конечной цели нашего пути. Мой попутчик, еще ни разу не бывавший в этом городе, сыплет вопросами, а я прилежно отвечаю. Но что это? Ответы мои становятся все менее уверенными, иногда ничего не говорящими, временами противоречащими друг другу. В самом деле, сколько сейчас жителей в Кечкемете? Есть ли вуз? Какие предприятия, заводы?.. Пытаюсь слить в единое целое мои познания о Кечкемете из отрывочных воспоминаний, разговоров с родными и знакомыми. Безнадежное занятие! К тому времени, когда мы выезжаем на главную площадь, выясняется, что я знаю о сегодняшнем Кечкемете почти столько же, сколько мой издалека приехавший попутчик: «Ничего или почти ничего».

— Не огорчайтесь,— говорит председатель горисполкома Геза Райле, после того как я рассказал ему о своем конфузе.— Такое случается и со старыми кечкеметцами. То старое, сонное, пыльное гнездо, которое вы знали, больше не существует. Или, по крайней мере доживает свой век. Исчезает, вливается в новый Кечкемет.

Действительно, можно говорить о двух Кечкеметах. О городе с многовековой историей, который славился своим фруктовым рынком, абрикосовой водкой — последней лишь после того, как принц Уэльский отозвался о ней весьма похвально; также и тем, что здесь было больше всего в Венгрии больных туберкулезом.

И можно говорить о новом Кечкемете, теперь уже и для меня все более незнакомом и волнующем.

КОЗА ОБХОДИТ БОЛЬШОЙ МИР...

Кабинет председателя горисполкома больше напоминает зал совещаний полководца. Повсюду графики, чертежи, таблицы. Над письменным столом герб Кечкемета: коза, вставшая на дыбы на фоне трех зеленых холмов, и девиз: «Не страшиться ни высоты, ни глубины!»[1]. Старый герб. Историки до сих пор не могут выяснить его происхождение, почему именно коза дала имя и стала символом моего города. Но теперь-то я уверен, что вместо козы в будущем на гербе Кечкемета появится что-то новое, например, магнитофон. Но об этом потом...

Через открытую дверь в другую комнату виден огромный стол-рельеф. Это макет города.

— Хотя Кечкемет уже шестьсот лет назад был возведен в ранг города, по-настоящему он развился лишь после освобождения,— говорит председатель горисполкома.— Хортисты зачислили его в разряд бесперспективных городов. Новые дома почти не строились, о коммунальном развитии не было и речи. «Нет воды,— говорили тогдашние отцы города.— Кечкемет лежит

[1] «Кечке» — в переводе с венгерского «коза», от чего и происходит название Кечкемета.

ТРИ ЮБИЛЕЯ В ОДНОМ ГОРОДЕ

Дорога, длинная и извилистая, пересекает гористую местность Бюкк, с которой внезапно открывается вид на древний Мишкольц — второй город Венгрии. Здесь бьется промышленное сердце Севера республики — металлургического комбината имени Ленина. Пользуясь вошедшим в моду словечком, его можно назвать заводом «нон-стоп»: работа домен и мартенов здесь никогда не прекращается. А если вдруг и остановится какой-нибудь агрегат, как это было в 1968 году, когда происходил капитальный ремонт большой плавильной печи, разгорается соревнование за его пуск, дорожат каждым часом, каждой минутой. «День простоя обходится в миллионы форинтов,—объяснил нам генеральный директор Шандор Энекеш, которому был задан вопрос о ремонте и перестройке домны.— Рабочие очень старались, ремонт был закончен вместо предусмотренных девяноста дней за пятьдесят. Это был замечательный результат даже в мировых масштабах! Темпы и качество работы важны не только для нас самих. Мы перерабатываем руду из Советского Союза, используем румынский газ, экспортируем продукцию в Болгарию, ГДР, Румынию...»

Нынешний год для комбината особенный: предстоят три больших юбилея: столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина, имя которого комбинат носит с апреля 1953 года, двадцатипятилетие освобождения Венгрии и двухсотлетие со дня основания завода. Что и говорить, Мишкольц собирается достойно отметить эти даты. Обязательства металлургов: значительно повысить производительность труда, снизить брак, довести в текущем году прибыль производства до пятисот миллионов форинтов!

Электронно-счетная машина подсказывает, как лучше вести производство: за одну минуту эта машина может выполнить 380 тысяч сложений и вычитаний, десять тысяч умножений, две тысячи делений... Машина делает не только простые арифметические действия. Взять хотя бы расчеты прокатного производства. С одной автоматической линии грубого проката сходит ежедневно 3 500 тонн металла. Информация о работе каждую минуту, вместимости складских помещений, количестве необходимой энергии, вычисление себестоимости и мгновенная корректировка — все это невозможно без мощной счетной машины.

А новая система хозяйственного управления, введенная на комбинате? Вряд ли она могла бы существовать без предварительных расчетов электронного мозга.

Но, конечно, успех любого дела всегда решают люди.

В королевской грамоте об открытии предприятия, подписанной в 1770 году, есть строчка: «Повелеваю не препятствовать строительству железоделательного завода». Эти слова были обращены к помещикам, которые не хотели отпускать на завод своих крепостных. Пожелтевшие листы свидетельствуют о событиях давних времен. Сегодняшнюю историю пишут бригады социалистического труда, которых уже более тысячи. Их обязательство: «К юбилею Ильича — сто отличных ленинских смен». Их лозунг: «Жить, трудиться и мыслить по-социалистически».

Иштван Киш несколько лет назад был помощником сталевара. Теперь он сталевар и руководит бригадой социалистического труда. «Достигнуть этого было совсем не легко,— говорит он мне.— И вообще наша профессия очень трудная. Но если кто-нибудь упорно старается овладеть тайнами мастерства, то рано или поздно у него это получится. Я работал и учился. После смены зарывался в книги, ходил на курсы. Кроме профессиональных знаний мне нужны были еще и политические. Очень важно, чтобы человек мог найти на свои вопросы правильный ответ».

С такими же мыслями трудятся обмотчица Йожефне Шимон, доменщик Отто Хорник, литейщик Миклош Лёринц, прокатчики Иштван Новак, Шандор Сабо, Имре Кадаш... тысячи молодых рабочих. Победителей соревнований ждет высокая награда. Уже сейчас идут разговоры о том, кто в числе двадцати членов бригад социалистического труда будет премирован весной поездкой в Советский Союз — Москву, Ленинград, Волгоград.

К столетию со дня рождения Ленина готовится не только комбинат. В национальном театре будет большой вечер. Организатор и хозяин его — партком металлургического комбината. В Мишкольце состоится торжественное открытие площади Ленина, в кинотеатрах пойдут фильмы о Ленине, организуются выставки «Ленин и рабочее движение», «Жизнь Ленина», «В стране Ленина».

Юбилей великого вождя международного пролетариата — наш большой праздник.

Мартон ГЕДЕ

И МАГНИТОФОНЫ

на каменистой подпочве, реки поблизости нет. О канализации или водопроводе нам нечего и мечтать». О том, чтобы пробурить каменистый подпочвенный свод, никто и не думал. И все-таки десять лет назад попробовали. Вместе с геологами составили почвенную карту и начали пробное бурение. Результат: Кечкемет сейчас относится к наиболее богатым водой венгерским городам. Водохранилище под землей столь велико, что позволит обеспечить город водой на десятилетия.

До освобождения в Кечкемете был только юридический факультет, сейчас здесь три вуза и целая армия — 18 тысяч — учеников и студентов. Когда-то было всего три тысячи промышленных рабочих. Сегодня — двадцать пять, почти треть населения. Из старенькой литейной с незначительной мощностью выросло современное автоматизированное предприятие — завод, который выпускает в год двести тысяч ванн. Они идут в тридцать восемь стран мира.

Родилась такая сложная, требующая особо высокой квалификации отрасль промышленности, как радиоэлектронная. Да, в садово-виноградном Кечкемете создан и работает уникальный в Венгрии завод, который выпускает самые современные магнитофоны.

— Начали мы с радиотелефонов,— рассказывает директор завода Карой Рудаши,— собиравшихся в небольшой мастерской с несколькими десятками рабочих. Сейчас у нас 950 монтажников, паяльщиков, сборщиков, техников и инженеров. Производство механизировано и автоматизировано. Станки — советские, польские, немецкие. В этом, 70-м году мы должны выпустить 65 000 магнитофонов двух типов. Первую партию — 300 компактных, портативных магнитофонов «МК-21» — мы отправили в СССР.

Карой Рудаши проводит нас по цехам. Блестящий паркет. Светлые стены. Столики с пластиковым верхом, поворачивающиеся стулья и девушки, склонившиеся над микроскопами... Что это — аптека или цех? По величине деталей можно сказать, что ювелирное или часовое производство. По чистоте и порядку — аптека...

— Раньше очень было трудно с кадрами,— вспоминает Рудаши.— Сейчас — свое техническое училище и специальный учебный цех. Инженеров присылает Будапешт, я сам оттуда.

— А что делали до вуза?

— Работал токарем. Отец — слесарь судостроительной верфи в Будапеште. Где живу? В Ленинварош — так называется новый район Кечкемета.

ЛЕНИНВАРОШ

Сравните: за двадцать пять лет хортистского господства в Кечкемете было построено всего восемьдесят шестиквартирных домов. За последние 10 лет сдано 6 454 новых квартиры. Каждый четвертый житель города справил новоселье. Разве это не удивительно? Сегодня горисполком планирует не отдельные квартиры и дома, а целые микрорайоны.

Первым началось строительство гордости кечкеметцев — Ленинвароша. Сейчас тут полторы тысячи квартир. Это современные пятиэтажные дома с центральным отоплением, с красивыми интерьерами. В микрорайоне много воздуха, зеленых насаждений, есть комбинат бытового обслуживания, универмаг и многочисленные детские площадки для самых маленьких.

Микрорайон для кечкеметцев имеет символическое значение. Бывшие жители саманных хижин, одноэтажных домов без всяких удобств, даже без полов, видят в нем осуществленную мечту поколений, грандиозный памятник воплощения ленинских идей. Поэтому и назвали микрорайон в честь великого вождя коммунизма и поэтому показывают его с такой гордостью всем гостям.

СИМФЕРОПОЛЬ ПОМОГАЕТ

Мы гуляем по городу. Привлекают внимание все новые и новые достопримечательности. И я давно уже отказался от мысли играть роль гида.

— В разработке плана реконструкции центра нам оказал большую помощь Симферополь, побратим Кечкемета,— говорит Геза Райле.— Симферопольцы тоже заняты реконструкцией. Они предоставили в наше распоряжение схемы и планы, очень многие элементы которых мы смогли использовать в нашей работе. Подобно им, мы решили застроить новый центр девятиэтажными домами.

Симферополь — наш город-побратим. Почему именно он? Между столицей Крыма и одним из самых характерных городов большого венгерского Алфёлда очень много общего. Почти одинаковы природные степные условия, экономическая структура и место в жизни своих стран. Связи между побратимами становятся все прочнее. Взаимные поездки, обмен опытом обогащают жизнь обоих городов. Кечкеметские сорта фруктовых деревьев плодоносят на сотнях гектаров симферопольских садов, симферопольские машины облегчают труд кечкеметцев. Точная копия построенного в Кечкемете по олимпийским стандартам крытого плавательного бассейна будет воздвигнута и в Симферополе. Кечкеметская обувная фабрика получила от симферопольской обувной фабрики имени Дзержинского интересную технологическую документацию. Можно было перечислять до бесконечности примеры того, как плодотворны могут быть искренние дружеские связи.

Одно из самых прекрасных проявлений этой дружбы — избрание почетных граждан обоих городов: генерала в отставке Андрея Игнатьевича Ковтуна, который вместе с женой принимал личное участие в освобождении Кечкемета, и Габора Имре, художника и скульптора, автора многих памятников в Кечкемете.

* * *

После короткого визита мы держим путь домой. С чувством радости, но не без некоторого стыда я привожу в порядок свои дорожные впечатления. Так вот он каков, мой незнакомый родной город Кечкемет, прошедший через столько бурь за свою историю, переживший господство турок, австрийцев, фашистов и, наконец, обретший сам себя в наши дни!

УРОК РУССКОГО

...Старейшая в Венгрии «Этвёш-гимназиум». Я захожу в третий класс. Идет урок по русской литературе. Молодая учительница на чистейшем русском языке спрашивала: «Как вы охарактеризуете Онегина?»

Девушка в синем халатике, в темных очках и с коротенькой стрижкой под мальчика встала:

— У Онегина не было цели в жизни...

Другая ученица говорила о Татьяне, о том, какие черты характера пушкинской героини ей нравятся.

— Что вы знаете о последнем периоде жизни Пушкина? — спросила учительница.

С парты у окна поднялся Габор Киров, юноша с длинными, как у Ленского, волосами. Он стал рассказывать о причинах трагической гибели великого поэта.

Перед моей соседкой по парте лежала открытая тетрадь. Я полистала ее. Тут короткие записи про Арапа Петра Великого и про Ломоносова, по истории Москвы и Ленинграда, о Чайковском и Некрасове. Изложение содержания «Героя нашего времени», сделанное без единой грамматической ошибки, и биография поэта.

— Кто прочитает что-нибудь из стихов Пушкина?

Руку поднял Эржи Тёрёк:

— «Я вас любил: любовь еще, быть может...»

А потом учительница включила проигрыватель, и в притихшем классе зазвучала знакомая музыка — бал у Лариных. Почудилось, что я совсем не в Будапеште, а в Москве, дома, и слушаю передачу по радио из Большого театра.

Второй урок начался с диктовки. Учительница диктовала по-венгерски отрывок из рассказа Чехова. Потом его надо было перевести на русский язык.

В дирекции гимназии я спросила фамилию молодой учительницы.

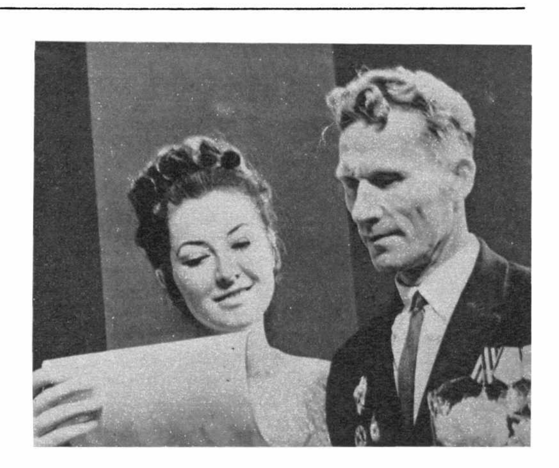
— Алпари, Агнесса Алпари.

— Не имеет ли она отношения к известному участнику революции 1919 года в Венгрии, именем которого названа одна из центральных улиц Будапешта?

— Самое близкое. Агнесса — его внучка.

Г. ВЛАДИМИРОВА
Фото Ш. Бояра.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЕСНИ

Сколько Марта Надь, венгерская певица, помнит себя, столько лет она помнит и памятник Свободы на родине, в Будапеште. Песня, которую Марта пела на Фестивале молодежной политической песни в Сочи, так и называлась: «Песня о бронзовом солдате на горе Геллерт». Монумент создан скульптором Жигмондом Кишфалуди-Штроблем; из тысячи солдат скульптор выбрал одного и запомнил о нем лишь то, что звали солдата Василием... Много лет спустя венгерский композитор Я. Керенеш и поэт И. Ремени написали песню о неизвестном солдате. По этой песне и нашли Василия! Это кавалер многих орденов Василий Михайлович Головцов. Живет он в городе Тейково, Ивановской области. Он был гостем Сочинского фестиваля; местное телевидение организовало встречу Василия Михайловича и Марты Надь.

Долго с волнением всматривалась Марта в лицо стройного, подтянутого человека, узнавая в нем черты, знакомые с детства. Эти двое людей, впервые в жизни встретившиеся, вдруг почувствовали себя родными. Давно уже кончилось время телевизионной передачи, а они все никак не могли наговориться.

Двадцати лет попал на фронт Василий Головцов, прошел путь от Днепра до Будапешта; на Курской дуге был контужен, под Великими Луками ранен... После войны вернулся в родную деревню Коверчено, а сейчас работает на Тейковском текстильном комбинате. Уже подросли его дети, старшая дочь работает вместе с ним.

А Марта рассказала, что еще девочкой мечтала быть актрисой, но лишь с годами поняла, сколько труда нужно вложить в нелегкую профессию оперной певицы. Марта скоро оканчивает Высшую музыкальную академию...

После встречи Марта мне сказала, что именно таким представлялся ей Василий: воин-освободитель, солдат и рабочий, что стоит на горе Геллерт в Будапеште.

Т. ЛИФАНОВА
Фото автора.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» БЛАГОДАРИТ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА «ОРСАГ ВИЛАГ» И ВСЕХ ВЕНГЕРСКИХ ТОВАРИЩЕЙ, ПОМОГАВШИХ ПОДГОТОВИТЬ МАТЕРИАЛЫ ЭТОГО НОМЕРА, ПОСВЯЩЕННЫЕ 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВЕНГРИИ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ.

БРАТСТВО

Недавно мы с группой иностранных журналистов выехали в Нурек. Над головой — суровые снежные вершины гор, внизу — зеленеющие поля, бурлящие потоки. И терпкий запах весны. Внезапно для гостей возник среди гор красавец город Нурек.

Когда мы стояли у будущей плотины ГЭС, журналисты спешили записать каждую цифру, которую называл заместитель начальника стройки Андрей Сергеевич Азизов. Цифры были действительно весомые: мощность станции достигнет 2 миллионов 700 тысяч киловатт. А ведь до Октябрьской революции в Таджикистане не было ни одной электростанции. Энергию Нурекской ГЭС, самую дешевую в стране, будут использовать электрохимический комбинат в Яване, алюминиевый завод в Регаре, она даст возможность оросить громадные пространства засушливых земель Таджикской, Узбекской и Туркменской республик.

— Сколько же ассигновано на строительство станции? — поинтересовался кто-то из гостей. И услышал ответ: 595 миллионов рублей.

Иностранцы не понимали, как может одна республика осилить строительство такого размаха. Мы рассказали, что в Нуреке вместе с таджиками работают русские, узбеки, украинцы, белорусы, молдаване. Вся страна возводит эту станцию. А скоро начнется строительство еще одной ГЭС на территории Таджикистана — Рагунской.

Наши зарубежные коллеги могли воочию убедиться, что может вершить дружная семья народов моей Родины, объединенная на основе ленинской национальной политики. Для этого стоило побывать в Яванской долине. Когда-то сухой, пустынный край превращается в долину плодородия, цветущих садов, хлопководства. Проложен Яванский тоннель, построен редкостный Байпазинский гидроузел, вода пришла в Яван. Осваивается более 40 тысяч гектаров земель, созданы хлопководческие совхозы, яванцы уже выдают стране десятки тысяч тонн хлопка.

Любой хозяин стремится показать в своем доме все самое хорошее, а я очень хотел бы пригласить иностранных журналистов в колхоз «Победа», Кумсангирского района, где я недавно побывал. Колхоз этот рядовой, не показательный, но насколько же красноречивы его «средние успехи»! За последние пять лет средний годовой доход составил 4,5 миллиона рублей. Мощность средств механизации в артели — более 12 тысяч лошадиных сил.

...Прощаясь с зарубежными журналистами, я не удержался и задал традиционный вопрос: «Что более всего удивило вас в Таджикистане?» «Ваш всеобщий энтузиазм»,— отвечали гости. И верно, нельзя не заметить, с каким огромным подъемом встречает республика 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Ш. С. САИДОВ,
редактор газеты «Тоджикистони Советй»

УЧЕНЫЕ КИШЛАКА ПУЛАТАН

До революции кишлак Пулатан большой культурой знаменит не был. Жили здесь талантливые умельцы, мастера своего дела, но нужда, голод, неграмотность были их вечными спутниками. В восемнадцатом году в кишлаке открылась первая школа, потянулись пулатанцы к знаниям. И одного из первых учителей — Хамракула Кузиева — басмачи зверски убили: обложили книгами, журналами и подожгли... Но пламя было бессильно перед памятью о добрых делах Хамракула Кузиева. Прошли годы, и от школы для неграмотных кишлак шагнул к научным открытиям, авторами которых стали сыновья и дочери борцов за Советскую власть. Пулатан теперь славится как родина многих ученых — физиков, геологов, медиков, филологов.

Десятилетней школьницей помогала докторам проводить вакцинацию против оспы босоногая девчонка Камбарнисо Каримова. Сейчас ей принадлежит почти сорок работ. Крупные ученые мира с интересом слушали в Вене доклад доктора медицинских наук Саадниса Хакимовой — таджички из далекого кишлака Пулатан...

«Фразеологический словарь современного таджикского языка» составил Муллоджан Фазылов. Эта работа привлекла внимание востоковедов многих стран.

Кишлак Пулатан. Обширные поля и цветущие сады, новые жилые дома, электрический свет, которым озарены кишлачные улицы,— вот что такое сегодняшний Пулатан. Край тружеников, родина известных ученых.

И. УМАРОВ

На снимке: кандидат медицинских наук Камбарнисо Каримова.

П У Т Ь К

Сейчас в Дангаринской долине до тридцати градусов в тени: весеннее прохладное время. Но скоро солнце поднимет ртутный столбик далеко за отметку «40». Сизоватые, как в мираже, поля, резкий запах разогретой пыли, безводье — так выглядят эти места летом.

Воду, которой здесь вечно не хватает, подводят по трубам с гор. Собирают ее в бетонированные водоемы, откуда в цистернах развозят на полевые станы, в бригады...

И вот сейчас разворачивается строительство, которое призвано изменить этот край, дать изобилие воды. В Дангаре, кроме хлеба, появятся и хлопок, и виноград, и фрукты, и овощи. Да, прав был писатель Павленко, сказавший, что в Средней Азии культивируют не хлопок, а воду и что воде здесь обернуться хлопком, хлебом — пустяк. Она, эта драгоценная вода, придет в Дангару по 14-километровому тоннелю, который пробьют строители в толще гор и в который ринутся воды Вахша.

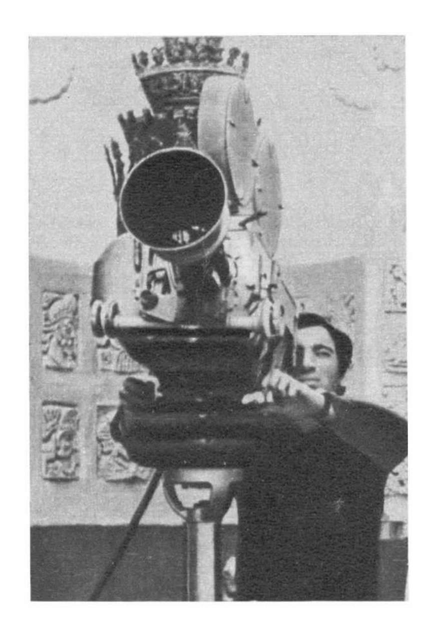
В проектировании Дангаринского тоннеля участвовали специалисты ленинградского отделения «Гидропроект». На снимке: техник «Ленгидропроекта» В. А. Пулик.

Фото Л. Окунева.

Душанбе. Площадь имени Владимира Ильича Ленина. Фото Н. Софьина.

КОГДА ЗРИТЕЛИ СТАНОВЯТСЯ АКТЕРАМИ

В горных кишлаках, в отдаленных районах республики можно найти стариков, которые прочтут на память тысячи строк из бессмертной поэмы «Шахнаме» классика таджикской и персидской литературы Фирдоуси. Родители, наставляя своих сыновей, обязательно напомнят им о герое поэмы:

— Будь таким, как Рустам!

Много лет, едва ли не со дня окончания ВГИКа, лелеял мечту об экранизации «Шахнаме» народный артист республики, лауреат Государственной премии, режиссер Б. А. Кимягаров...

Двухсерийный фильм «Подвиги Рустама» и односерийный «Рустам и Сухроб» очень сложны для постановки — в массовых сценах будет занято около пяти тысяч человек.

Многие сомневались: можно ли осуществить постановку такого большого фильма на относительно маленькой студии «Таджикфильм»? Оказалось, что можно. На помощь пришла общественность республики. С радостью участвуют в массовых сценах студенты столичных вузов. Работницы мастерских театра оперы и балета имени С. Айни помогают шить костюмы — их потребуется более трех тысяч. Предложили свои услуги кинематографистам учащиеся художественного училища, рабочие обувной фабрики и других предприятий Душанбе. Сотни друзей и помощников появились у авторов будущего фильма, режиссера-постановщика Б. Кимягарова, режиссеров М. Мулладжанова, Б. Садыкова, оператора-постановщика Д. Худоназарова, художника-постановщика Ш. Абдусаломова.

Музей истории АН Таджикистана и ленинградский Эрмитаж выделили для съемок древнюю утварь. Умельцы города на Неве взялись изготовить три тысячи луков. Когда при съемках массовых сцен не хватало гримеров, на помощь прилетели мастера своего дела из Литвы, Латвии, Молдавии и Москвы. Отснятая пленка проявляется на «Мосфильме», а монтажом руководит опытнейший монтажер «Ленфильма» Е. Баженова. Фильм рождается в атмосфере дружбы и взаимопомощи.

Через год с небольшим оживут на экранах трагедия Рустама и Сухроба, подвиги любимого героя многих народов — Рустама.

П. КОДОЧИГОВ

На снимке: на съемках фильма.

Фото М. Ройзмана.

«СПАСИБО» НА ДЕСЯТКАХ ЯЗЫКОВ

Куба и Афганистан шлют в Душанбе благодарственные письма. «Спасибо,— пишут зарубежные заказчики,— за оборудование высокого качества, которое вы поставляете для наших строек...» Эти письма приходят на Душанбинский завод монтажных заготовок треста «Союзпроммонтаж». Предприятие появилось в республике совсем недавно, но уже многие стройки Таджикистана и некоторых зарубежных стран не могут обойтись без батарей холодильных установок, коллекторов для паровых котлов, аэраторов, автоматических ткацких станков, автотехнических приборов и другого оборудования, выпускаемого на этом заводе.

В. МОРОЗОВ

На снимке: полигон готовой продукции завода.

Фото Н. Софьина.

ВОДЕ

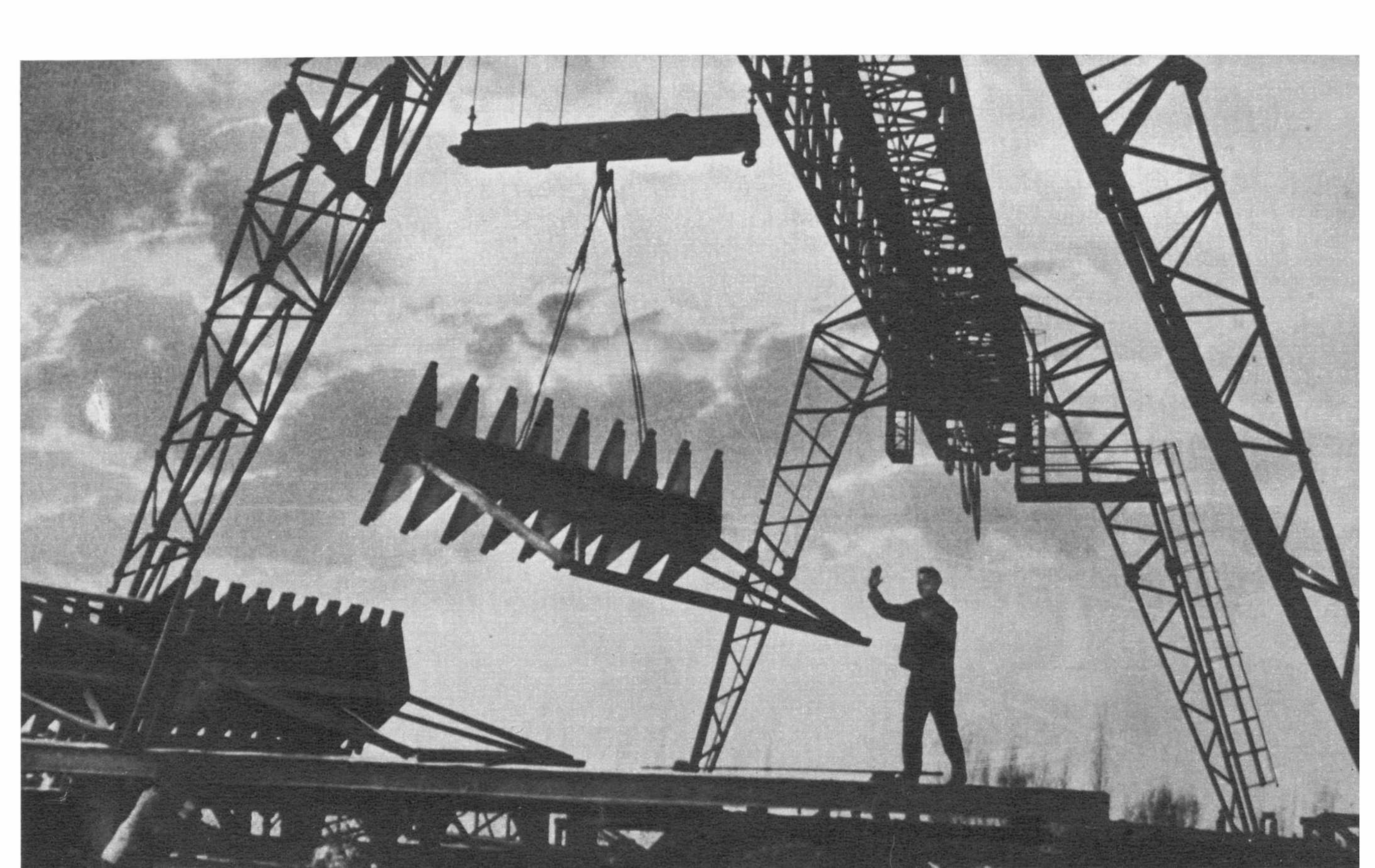
...Стартовая строительная площадка горопроходцев «Нурекгэсстроя» и управления «Гидроспецстроя» разместилась в узком ущелье Джарбулак. Отсюда видно, как многочисленные дороги вьются спиралями по склонам гор.

— Зачем вам так много дорог? — спросил я горного мастера Владимира Ивановича Праведного.

— Дороги эти проложены к местам взрывов: склоны гор оползневые, и мы очищаем их взрывами. Лишь закончив эту работу, можем начать проходку тоннеля. А будет он огромным: почти сорок шесть метров в сечении и длиной в тринадцать километров с гаком.

Трудно представить, что вот эта высота, с отметкой 875 метров, станет дном водохранилища глубиной в шестьдесят метров, а у кишлака Ходжарки скоро вырастет город на 10 тысяч жителей. Даже климат сухой Дангары изменится. Под хлопчатник пойдут 78 тысяч гектаров ныне засушливых земель, 20 тысяч гектаров отдадут садам.

Вадим ПОНОМАРЕНКО

Степан ЩИПАЧЕВ

День весенний

Из дневника

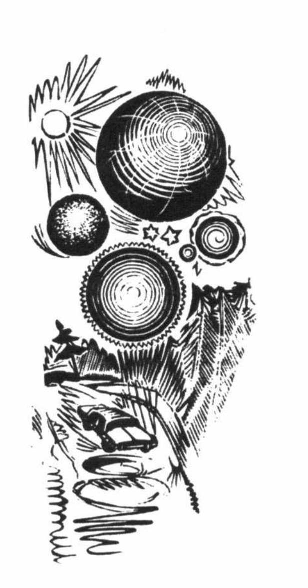

Березы на ветру
нагие,
но явно этой стороной,
где обозначена Россия,
кренится к солнцу шар земной.
Апрель работает не слепо.
В глазах синё. Он смастерил
сосульки из воды и неба,
их тронув отсветом зари.
Они еще не всюду сбиты —
под ними вешняя земля,—
свисают с крыш, как сталактиты,
ударь — и груда хрусталя.
Все жестче лязг лопаты слышен.
Как ежегодно по весне,
за красненькую с нашей крыши
сегодня сбрасывают снег.
Он затвердел. Но по железу
ударят крепко, и тогда
снег шумно рушится... За лесом
не умолкают поезда.
Я к ним привык, и все ж порою
прислушаешься, и в ответ
воображения игрою
уносишься за ними вслед.
Есть дымы дальних городов
и поднебесных кедров кроны,
и расписанья поездов
капелью пахнут на перронах.
Апреля звонкая родня —
ручьи бегут, ледок ломают,
и я простую радость дня,
как дар бесценный, принимаю.
Нам люб особо этот месяц.
Уже, тоскуя о траве,
он где-то снег с водою месит,
глаза купает в синеве.
Но славить нам не шум весенний,
где блеск ручьев, капели звень,
а день, когда родился Ленин,—
к векам причастен этот день.

*

Иду.
Штакетник и заборы.
В ветвях весенних птиц возня.
За желтой дачей грядка бора,
за серой — мелкий березняк.
Все знаем почтальона Лиду.
Как ни увидишь, все спешит.
Вот и сегодня у калиток
велосипед ее шуршит.
Ее работа именита,
и с ветерком ее шаги,
хоть сумка радостью набита
не для нее, а для других.
Есть школа в городе Асбесте.
Я с этим городом знаком.
Там трубы прямо в поднебесье
курят чуть видимым дымком.
Мне пишут школьники.
О чем?
Хотят моими стать друзьями.
Их подписи —
к плечу плечом —
внизу письма стоят столбцами.
Застенчивых, но быстроглазых
я вижу их, хотя ни разу
и не бывал я в школе той,
там, за уральскою чертой.
Для них, девчонок и мальчишек,
еще лежат (не вышел срок)
высоты непрочтенных книжек
и даль нехоженых дорог.
Желанный труд, а не карьера
начнет годам открытый счет.
Не там ли в каменных карьерах
найдут их слава и почет?

*

Стоит в окне голубизна.
Ковшами солнце пьет весна.

А дням приспело торопиться
туда, где синих туч гряда.
Туда, в чужие города,
по желто-красным черепицам
сбегает мирная вода.
Но дни — людским тревогам
вровень —
врываются в мою строку,
закатами краснее крови
по черной Африке текут.
Америка, и ты встречаешь
весну. Она шумит и там,
но не от белых крыльев чаек
ложатся тени на Вьетнам.

Сегодня пишется. А время,
когда работаешь, не дремлет,
секундной стрелкою бежит,
стирая весен рубежи.
Его строкой едва ль обгонишь.
Во всем
свое возьмет оно.
Облокотясь на подоконник,
уж вечер смотрится в окно.
Я спохватился. Мне же надо...
На эту встречу друг просил.
Оделся быстро. За оградой
поймал случайное такси.
А вечер все синей, все звездней.
Мотор взревел. По сторонам
березы белые и сосны
шарахнулись навстречу нам.
Уж подмерзает, и дорога
ледком белеет на ветру.
Шофер, видать, лихач немного,
к тому ж еще и говорун.
Таксистов много настоящих,
блюдущих рядность, интервал,
неразговорчивых... Но чаще
я разговорчивых знавал.
Такие
города и веси
окинут сквозь табачный дым.
О чем по радио известья
молчат еще — известно им.
Они намеками расспросят,
чтоб где-то множить пересуд.
От этих тропок, дачных просек
не Шолохова ли везут?
Но мой таксист не тем доволен,
в его словах такого нет.
Он с пассажиром в разговоре
ворочает шары планет.
Живут ли там зверье и люди,
какой внутри планет металл?
Ледок на лужах, как на блюдах,
под светом фар приметней стал.
Мне любопытен этот парень,
раз о таком судить горазд.
А по шоссе машина шпарит,
то и гляди, махнет на Марс.
Ей не привычна серединка —
летит на крайних скоростях,
и под колесами не льдинки —
как бы осколки звезд хрустят.

*

В гостях у нас
вьетнамцы.
С ними
сидели долго в ЦДЛ [1].
Я рад. С ребятами такими
я расставаться б не хотел.
Позвали в кинозал. С экрана,
крича через моря и страны,
в крови, в золе тянулся к нам
ручонками детей Вьетнам.
Домой вернулся очень поздно,
часу, наверно, во втором.
Я не забуду эту звездность
апрельской ночи над двором.
Скрипит крыльцо. Вот я и дома.
Гляжу на окна. Свет горит.
Жене про парня-астронома,
решил, не буду говорить.
Да умолчу и про второго,
что гнал на тех же скоростях.
Стою. Мне целый мир дарован,
а это вовсе не пустяк.
Звоню. Жена спешит в тревоге.
Халат, увидел я, вразлет.
«Уж не случилось ли в дороге
чего-нибудь? Ведь гололед».
«Шофер не гнал,— я говорю,—
был всю дорогу осторожен».
Жена поверила, похоже,
но я в глаза ей не смотрю.

Переделкино.

[1] Центральный Дом литераторов.

Гравюры на дереве
Ю. КОСМЫНИНА

В. Буланкин. СВАДЕБНЫЕ ПОДАРКИ. Выставка произведений московских художников, посвященная столетию со дня рождения В. И. Ленина.

Ю. Ракша. МОЯ МАМА.
(Тридцатые годы).

Четвертая республиканская художественная выставка «Советская Россия».

П. Розин. АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА ЛЕОНОВА — МАТЬ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПОЛКОВНИКА Д. В. ЛЕОНОВА.

Четвертая республиканская художественная выставка «Советская Россия».

Мать

Каждое утро она приходила к могиле, совсем недавно появившейся в городском парке. Пожилая женщина в черном. Она поливала цветы, вытирала металлические листья на венках, убирала опавшие ветки. И долго сидела одна. Потом поднималась и медленно шла по улицам города.

Солдаты, встречая ее, отдавали честь.

Почти двадцать лет здесь, неподалеку от Имана, на Дальневосточных рубежах страны, служил ее младший сын. И каждый год она приезжала к нему. Сейчас она приехала на его похороны.

Мать Героя Советского Союза полковника Демократа Владимировича Леонова — Александра Михайловна Леонова.

Ее знает весь город. И любит.

Граница Родины... Здесь в пограничной полосе свой уклад жизни, свой быт—строго размеренный, деловой, напряженный, аккуратный. Сорок лет Александра Михайловна жила на пограничной заставе, потому что сорок лет ее муж Владимир Петрович служил на границе. Ее не тяготила дисциплинированная жизнь с жестким распорядком — еще в молодые годы со времен гражданской войны Александра Михайловна сама работала в ЧК, где тоже требовались те же качества: собранность, мужество, дисциплина.

Тяжелое испытание выпало на ее долю в Отечественную войну: под Харьковом погиб ее старший сын. После войны ушел в армию младший. Подрастает приемная дочь Галя. И снова Александра Михайловна с радостью встречается с привычной жизнью, приезжая в гости к сыну.

Теперь, после его гибели на Даманском, особенно трудно уехать отсюда, уехать от его могилы...

На могиле сына и увидел Александру Михайловну приехавший в Иман из Москвы живописец П. И. Розин. Долго Александра Михайловна отказывалась позировать — трудно, тяжелое состояние.

Потом как-то так получилось, что познакомилась получше с художником, вечерами сидели подолгу, говорили, вспоминали ушедшие годы. А когда разрешила художнику писать ее портрет, то позировала мужественно. Иногда только не хватало сил сдерживаться, тогда тихо плакала.

Так и написал ее художник — прекрасная женщина, с великим запасом душевных сил, много пережившая и всю свою доброту отдавшая мужу, детям.

Несколько лет тому назад Александра Михайловна овдовела и сейчас живет с дочкой и ее мужем в Одессе, где Галя кончает университет.

А этой весной Александра Михайловна Леонова вместе с женой Демократа Владимировича, Евгенией Ивановной, приедет снова в Иман, где 28 мая, в День пограничника на месте обелиска будет открыт памятник мужественным защитникам священных рубежей нашей Родины.

Н. АНДРЕЕВА

КАРТИНА РАССКАЗЫВАЕТ

Эту небольшую картину зрители впервые увидели в Центральном выставочном зале на выставке московских художников, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Теперь она вошла в ленинскую юбилейную экспозицию «Советская Россия», собравшую лучшие работы художников Российской Федерации. И по-прежнему, пожалуй, ни один из посетителей выставки не проходит мимо этой картины, не заметив ее. Люди останавливаются. Сначала смотрят издали, потом подходят ближе — рассмотреть повнимательнее, подробнее, прочесть название. На табличке написано: «Моя мама».

— Почему так названа картина?

Вопрос этот многие нередко задают перед картиной вслух.

Приглядитесь внимательно, и картина сама ответит вам на все вопросы. Утихомирит спорщиков, во что бы то ни стало стремящихся отыскать среди изображенных девушек именно маму. Разъяснит, что вовсе не создание портрета и даже не воспроизведение конкретного эпизода из жизни своей матери было целью ее автора. Что речь идет в ней гораздо о большем: о неразрывной связи поколений и эпох, о нерасчленимости судеб страны и ее людей...

Но давайте послушаем самого автора картины.

— Так случилось,— говорит художник Юрий Ракша,— что именно эпоха начала 30-х годов, эпоха битвы за индустрию, за социализм, эпоха трудового энтузиазма первых пятилеток, целиком завладела моими чувствами и помыслами как раз тогда, когда я, окончив художественный факультет Всесоюзного института кинематографии, окончательно решил посвятить себя живописи. Многое тому способствовало. И прежде всего — работа в качестве художника над фильмом «Время — вперед!», по одноименному произведению Валентина Катаева.

Работа над фильмом требовала от художника знания всего, что было связано с далеким временем. Юрий изучает документы, кино- и фотоматериалы. Перед ним со страниц журнала «СССР на стройке», как живая, встает трудовая битва. В фоторепортажах, хрониках, монтажах... Дыхание ее доносят кинофильмы — «Встречный», «Путевка в жизнь»... Но, конечно, особенно сильное впечатление производят на молодого художника живописные произведения любимых мастеров — Дейнеки, Пименова, Самохвалова. В этих полотнах Юрию особенно дороги выразительность, правдивость, динамика, безошибочно вторящая ритмам эпохи. Но главное то, что создавались картины прямо с натуры, там, посреди грохота и натиска созидания нового. И все это вместе дало возможность молодому художнику так явственно ощутить атмосферу времени, так вжиться в него, так отчетливо его увидеть, что Юрий почувствовал себя как бы участником событий, свершавшихся тогда.

Помнит теперь художник, как ходил прямо-таки переполненный впечатлениями, словно уже готовыми вылиться в картину. Но какую тему выбрать?! Ведь высказать, вместить в этом одном-единственном запечатленном на холсте моменте хотелось так много!.. И начало уже казаться, что так никогда и не сделает он своего окончательного выбора, не остановится на чем-то одном. Но тут однажды мать, дивясь и радуясь про себя увлеченности сына, как бы между прочим сказала:

— А знаешь, Юра,— ведь я, когда совсем молодой была, Магнитку строила...

— Как же это мама раньше никогда ничего не говорила о своей молодости! После этого рассказа,— вспоминает теперь Юрий Ракша,— вдруг совершенно отчетливо воплотился в законченную схему мой замысел картины, которую я обдумывал не один год. Ведь теперь время, о котором я, пусть и довольно много, но знал только по документам, фильмам, картинам, действительно стало еще и моей биографией. И это оказалось решающим. Потому что мне для творчества — так уж я устроен! — совершенно необходимо мое личное переживание того, о чем я хочу писать. То есть необходим, как я его называю, эмоциональный толчок. Импульс. Пластическое решение приходит следом... Я увидел перед собой словно бы наяву этих девушек — строительниц Магнитки, среди которых была и моя мама.

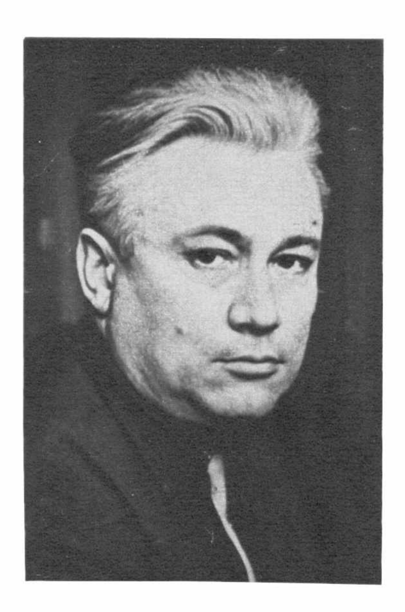
— Началась работа над картиной. Ежедневные разговоры с мамой пополняли мое знание о быте молодых энтузиастов множеством деталей и подробностей, где смешивалась вчерашняя деревня с напористой новизной. Правда, приходилось с большинством этих подробностей расставаться, чтобы сохранить главное. Ведь я не стремился писать жанровую картину с этнографической подлинностью. Не думал я и о портретном сходстве. Я хотел воспеть романтически светлую, штурмующую будущее юность моих героинь. Девушек-строительниц 30-х годов. Их прекрасные, совершенные образы должны были, по моей мысли, передать мое восхищение и ими самими и ярким, нестареющим временем их молодости...

Так пришел в картину Юрия Ракши золотистый колорит — словно теплый отблеск счастливо, полно прожитого дня. Можно принять это золото и за отблеск вечернего заката, но сам художник утверждает, что во время работы он больше думал не о лучах солнца, а о людях, и кисть упорно сама создавала ореол вокруг фигур девушек, заставляя каждую как бы светиться изнутри.

Так сложилась композиция картины, объединившая четыре девичьи фигуры в гармоничное целое не жанровым эпизодом, а радостным приподнятым настроением, ощущением прекрасного, поэтическим ритмом линий. За окном возник силуэт стройки, словно бы еще не остывшей после напряженного дня. И усталая спина парня, присевшего отдохнуть возле барака девчат. И даже прочертившие пространство, отделяющее этот барак от строительных лесов, железнодорожные рельсы, тоже отдыхают...

— Я не стремился и не мог ставить своей задачей рассказать зрителям о времени, свидетелем которого сам не был. Но мне очень хотелось, когда я писал эту картину, передать в ней, что это удивительное, немеркнущее время для меня не просто страница истории, а и моя жизнь. Что оно и мое — это время. И еще — что все мы, сколько бы нам ни было лет, причастны к единой великой биографии — биографии Родины. А чтобы зрители меня лучше поняли, я и назвал картину о славной эпохе «Моя мама», посвятив ей эту работу.

Эльвира ПОПОВА

РОСИСТАЯ СВЕЖЕСТЬ СЛОВА

К 50-ЛЕТИЮ Ю. НАГИБИНА

Юрий Нагибин — один из лучших новеллистов современной советской литературы. Не внешней занимательностью берет он в плен читателя, а глубокой поэтичностью повествования о людях больших чувств, на первый взгляд незаметных и скромных героях нашего сегодня.

Родился он 3 апреля 1920 года в Москве в семье служащего. Окончив среднюю школу, учился в Первом московском медицинском институте, затем перешел на сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии.

С первых дней Великой Отечественной войны Юрий Нагибин стремится на фронт. Медицинская комиссия признала его негодным к военной службе, однако начинающий писатель настоял на своем, и с 1942 года он в рядах действующей армии. Демобилизованный вследствие контузии, он не оставляет фронта и с конца 1943 по 1945 год работает военным корреспондентом газеты «Труд».

Начало литературной работы Юрия Нагибина относится к 1939 году. Его первый рассказ «Двойная ошибка» был опубликован в 1940 году в одном из апрельских номеров журнала «Огонек». В 1943 году в издательстве «Советский писатель» выходит первый сборник рассказов «Человек с фронта», а через год второй — «Большое сердце».

Многие рассказы, опубликованные в этих сборниках, могут показаться чересчур очерковыми, но отнюдь не бесстрастными. В них звучит неподдельная правда жизни. Писатель, еще неопытный, показывает основное — великий подвиг народа, свято выполняющего свой долг перед Родиной.

После войны Юрий Нагибин публикует новые сборники рассказов: «Зерно жизни», «Сналистый порог», «Зимний дуб». В этих сборниках он продолжает разносторонне показывать войну, углубляя содержание и совершенствуя форму рассказов.

В пятидесятые годы Нагибин многие свои новеллы посвящает детям. В них с особой силой проявились доброта, отзывчивость, пристальное внимание к облику и внутреннему миру «чудесного и загадочного гражданина будущего».

При всей тематической разнице произведения Нагибина не о профессиях, а о людях, не о производственных коллизиях, а о человеческих взаимоотношениях во всем их разнообразии. У писателя не встретишь «чистой» производственной ситуации — Нагибин следит не за тем, как улучшается работа или движется наное-то дело, а как в борьбе, в горе, в радости, в любви раскрывается человек, что он переживает, чем обогащается, чему учит, куда ведет.

В последние годы Юрий Нагибин много работает в кино. По его сценариям поставлен ряд художественных фильмов: «Трудное счастье», «Ночной гость», «Под стук колес», «Победитель», «Личное первенство», «Самый медленный поезд», «Председатель», «Бабье царство» и другие.

Показывая героическое через будничное, романтическое через привычное, грустное через смешное, писатель заставляет читателя и зрителя серьезно задуматься над самыми простыми, кажущимися незначительными событиями. Внимание, чуткость и любовь к людям, неизменно сопутствующие произведениям Нагибина, определяют всегда угадывающуюся росистую свежесть его прозы.

М. ЛАПШИН

ЛЮДИ В БРОНЕ

Издательство «Советская Россия» выпустило книгу о гвардейцах-танкистах, которых по имени их прославленного командира, маршала бронетанковых войск, дважды Героя Советского Союза М. Е. Катукова называли на фронте катуковцами.

Автор книги — известный советский писатель и публицист Юрий Жуков. В годы войны как корреспондент «Комсомольской правды» он часто бывал среди героев своей будущей книги, видел, как от боя к бою росло их воинское мастерство. Эти люди приняли боевое крещение в трудном сорок первом, отважно сражались у ворот Москвы и западнее Воронежа, укротили хваленых «тигров» на Курской дуге, гнали гитлеровцев по дорогам большого наступления от Днепра до Вислы и встретили победу на улицах поверженного Берлина.

Прошло более двадцати лет. И сегодня память очевидца, помноженная на талант писателя, позволила Юрию Жукову создать книгу во многом необычную. С авторским повествованием о людях Первой танковой армии органически слились рассказы самих героев, интервью и очерки, написанные по горячим следам событий, документальные отступления и выписки из фронтовых блокнотов, справки о ходе военных действий, письма ныне здравствующих героев, телеграммы в редакцию газеты.

Книге предпосланы двенадцать портретов храбрейших из храбрых: Алексея Дибина, Евгения Лупова, Владимира Бочковского, Михаила Соломянникова, Дмитрия Лавриненко, Ивана Любушкина, Александра Рафтопулло, Ивана Бойко, Николая Капотова, Константина Самохина, Александра Бурды, Михаила Катукова. Читатель запомнит лица этих людей. И не только потому, что на них лежит печать мужества и духовной красоты. Их лица типичны для поколения советских людей сороковых годов, людей, надевших броню и ставших на защиту Родины

Юрий Жуков. Люди 40-х годов. Записки военного корреспондента. Издательство «Советская Россия», 1969.

НА ШИВЕРЕ БУЙНОЙ

На порожистом перекате Ангары — на шивере Буйной — происходят события нового романа Михаила Бубеннова «Стремнина».

В центре событий — Арсений Морошка, молодой инженер-строитель, прораб, руководитель работ на шивере. Морошка — фигура колоритная, он выписан с любовью, с присущим Бубеннову умением глубоко проникать во внутренний мир человека. Образ мыслей Арсения Морошки, его отношения с людьми, все его поступки обрисованы точно, выпукло и убеждают читателя в нравственной силе героя, в чистоте его помыслов, в цельности и недюжинности характера.

Писателю в его новом произведении удалось создать яркие образы современных молодых рабочих. Арсений Морошка и его друзья не только ударно трудятся на своем участке,— они много думают о смысле жизни, для них характерна сыновняя озабоченность судьбой страны. В романе «Стремнина», как и в предыдущих книгах Михаила Бубеннова, ярко выражен гражданский пафос писателя.

Представителем людей, «ищущих легкой и какой-то особой, своеобольной жизни», выступает в романе Борис Белявский. Этот человек как бы противостоит Арсению Морошке: если Морошка видит смысл жизни в общественно полезном труде, то Белявский пренебрегает трудом, расценивает его только как источник заработка. Зато Белявский много судачит со своими друзьями о свободе личности и о праве на самовыражение.

М. Бубеннов. Стремнина. Роман. Журнал «Москва» №№ 1, 2, 1970.

КНИГА ОТПОРА

Если бы меня спросили, что является главным в этом романе, я бы ответил: отпор! Гневный и пламенный отпор художника слова всем и всяческим врагам советского строя, врагам Родины и коммунизма. Само собою разумеется, этот отпор осуществляют люди романа, он видится и слышится в острых идейных стычках, боях, битвах, наполняющих книгу.

Носителями враждебного нам начала является многообразно маскирующаяся группа «интеллектуалов от рождения», возглавленная неким Мыловарским. Образ этот — одна из главных удач автора. Мыловарские и сейчас еще не перевелись. Где там! На иных печатных листах они и ныне, как в романе «Оленьи пруды» (охватывающем тридцатые годы), вышучивают всенародную заботу о сохранении памятников русского зодчества и художества, любовь к русской песне и устному народному творчеству; вообновляют лженаучный поход на «Слово о полку Игореве», силясь доказать, что это, мол, монашеская подделка XVIII века; не стыдятся пятнать наше сыновнее преклонение перед подвигами и трудами предков похабными кличками: «русопятство», «квасной патриотизм», «русофильство»; то и дело возобновляют невежественную и демагогическую травлю то «славянизмов» и «архаизмов», а то «просторечия» в языке русских писателей и поэтов, ставя идеалом языка «эсперанто».

Мыловарский — лицо собирательное, тип. Это родной братец... Грацианского!

Нечистому гнездовью мыловарских, необычайно «мобильному», всепролезающему, неколебимо противостоит в романе отряд советских патриотов, подвижников труда и науки. Это превосходно изображенные академики Солнцеворотский и Ястребов, профессор Недыхляев, студент истфака Коло-

М. Кочнев. Оленьи пруды. Издательство «Московский рабочий», 1969.

ИЗВЕСТЕН МИРУ

Библиотека, выпускаемая издательством «Советская Россия», продолжая рассказывать об интересных людях советской России, знакомит читателя с биографиями выдающихся деятелей страны.

Конкретностью повествования, яркими жизненными деталями отличается и документальная повесть «Навстречу прибою».

Автор ее — известный журналист Савва Морозов. С увлечением пишет он о крупнейшем советском ученом-океанологе, лауреате Ленинской премии Всеволоде Павловиче Зенковиче. Это человек с мировым именем, создатель научной школы, чьи исследования на многих морях Советского Союза, в Арктике, у берегов Вьетнама и Кубы известны сегодня всему миру.

Савва Морозов знает своего героя давно. Когда-то младший брат автора, одержимый морем, рассказывал Савве о своем руководителе — таком же парнишке, ну, может, годом-двумя постарше:

— Наш кэп — парень во! Ты бы, старик, на него поглядел...

Пришла пора, и они встре-

Савва Морозов. Навстречу прибою. Издательство «Советская Россия», 1969.

от нашествия коричневой чумы.

Но разве дело в том, что их укрывала сталь? Автор убедительно показывает, что у советского Человека в Броне была «неизмеримо более прочная защита от вражеских термитных снарядов и фауст-патронов, бомб любого качества и калибра, огня самой страшной силы: неистребимая вера в правоту того дела, за которое он шел на смерть, надежда на свой могучий и справедливый социальный строй и любовь к своей Отчизне. Перед такой броней и в наши дни бессильно любое оружие, даже атомное».

Хочется пожелать автору, чтобы он так же страстно рассказал о судьбах своих героев в последующие годы, познакомил с их детьми, которые сегодня принимают эстафету трудовой и боевой славы от своих отцов.

А. МИХАЙЛОВ

Конфликт между Арсением Морошкой и Борисом Белявским является основой сюжета романа.

Как поэтический образ Родины выступает в романе природа. Бубеннов уже в первых своих произведениях показал себя мастером изображения природы, особенно талант его проявился в «Белой березе», здесь же это мастерство получает дальнейшее развитие.

Яркие, выразительные пейзажные картины органически вплетаются в ткань романа, создают поэтический фон, помогают понять мотивы переживаний героев.

С. КОЗЛОВА

бов с товарищами, рабочие-металлурги.

Большой радостью для советского читателя будет узнать, что не кто иной, как Михаил Иванович Калинин возглавлял и направлял их нелегкую в те времена борьбу против разрушителей и поругателей культурно-исторического наследия русского народа.

По обычаю критиков, полагалось бы сказать два-три слова и о недостатках вещи. Буду и в этом краток: недостаток... от переизбыточности! Сжатие некоторых мест, особенно речей, высказываний, пусть даже самых пламенных, волнующих, бесспорно, улучшит будущие издания, которых, несомненно, заслуживает роман Михаила Кочнева «Оленьи пруды».

Алексей ЮГОВ

тились. Репортерская тропа привела журналиста в Мурманск, в Полярный институт, где работал В. П. Зенкович. Тут состоялось не просто знакомство — пришла дружба. Она-то и позволила автору книги проникнуть в святая святых ученого: усвоить сложную тематику его замыслов, планов, открытий и рассказов о том, как студент, лишенный вузовского диплома, стал не просто профессором, но человеком, двигающим вперед советскую науку и прославляющим ее.

Н. ТОЛЧЕНОВА

И ЛЬЕТСЯ ПЕСНЯ

Цыганская песня... Воодушевляющая, обдающая жаром дружелюбия и сердечного привета, застольная. Вобравшая в себя степной простор, бездонное небо, вольнолюбивый дух народа, таборная. Разудалая, искрящаяся безудержным весельем и лукавой шуткой, плясовая. Любовная песня и старинный романс, бередящие душу, то огневые и страстные, то раздумчиво-печальные...

Цыганской песне внимали, восхищались ею, любили ее Александр Сергеевич Пушкин, Лев Николаевич Толстой...

И сегодня живет она, бережно сохраняет свои традиции, развивается, дарит людей радостью и озарением. Не потому ли всегда полон московский цыганский театр «Ромэн», а его благодарные зрители так горячо рукоплещут изумительным мастерам.

Давайте и мы пойдем на премьеру театра «Ромэн», посмотрим спектакль «За дружеской беседой».

Собственно, события здесь разворачиваются вовсе не за дружеской беседой. Словами старинной цыганской песни озаглавил свою комедию драматург Исидор Шток.

Романтическая пьеса-сказка построена на так называемом «бродячем» сюжете. Во время свадьбы невесту похищает злой волшебник, а герой-жених, преодолевая всевозможные препятствия, рискуя жизнью, вызволяет любимую из неволи и в счастливом финале воссоединяется с ней.

Здесь слышится нечто от «Руслана и Людмилы»; слышны и многие другие литературные, фольклорные мотивы; прихотливо и вольно соединяются вымысел и правда характеров; невероятное соседствует с реальным; персонажи из легенд перебрасываются вполне современными репликами; злая ведьма и русалки лихо отплясывают «твист», и все герои, то и дело разрушая иллюзии театральной условности, непосредственно обращаются к зрителям.

Словом, на сцене — причудливая, динамичная, красочная, смешная и грустная, но чаще всетаки веселая фантазия на извечную тему борьбы добра и зла, благородства и низости, чести и корысти, любви пламенной, самоотверженной и трусливого эгоистического сластолюбия. И, конечно же, отвага и благородство торжествуют!

Сцена из спектакля. В центре — Рада и Николай Волшаниновы.
Фото Р. Озерского.

Что же это такое — цыганская любовь? Это любовь, неотъемлемая от песни. Изливают свои чувства в песне мужественный Мануш и его невеста — нежная красавица Бахтори. Песней благословляет их Дад, отец невесты. С песней Мануш борется против злых сил, пытающихся отнять у него Бахтори. Не расстается с песней и она сама... Славят песней конечную победу молодых все те люди добрые, что были свидетелями и участниками страданий и радостей героев, их борьбы за право любить друг друга.

Несравненная цыганская песня господствует в спектакле. Составляя его живую душу, она льется под звенящие переборы семиструнных гитар и сопровождает зажигательные цыганские танцы, когда, кажется, даже и зрителю трудно усидеть на месте!..

Кто же ведет этот искрометный спектакль, кому прежде всего адресуют зрители свои восторги, свою признательность? Это наши старые знакомые — супруги Рада и Николай Волшаниновы в ролях Бахтори и Мануш. Оба артиста — живое воплощение большой, светлой любви, гордой красоты и нравственной силы.

Молодым помогают, всячески оберегают их благородный, справедливый Дад — С. Шишков и чудаковатый волшебник Сароджинэл — П. Модников. Поистине восхищает темпераментом, взрывной экспрессией Александра Кононова, создавшая острокомедийный, гротесковый образ коварной колдуньи Пхурибэнглаты. В том же ключе играет Василий Туманский злого волшебника Колыброду...

А теперь пора сказать о постановщике спектакля — главном режиссере театра «Ромэн». Семен Баркан точно уловил жанровое своеобразие пьесы И. Штока и решил сложную задачу ее сценического воплощения талантливо, с непринужденной легкостью. Постановщику отлично помогли в этом молодой композитор В. Гроховский, художник Э. Змойро, балетмейстеры Л. Таубе и Т. Рамонова, хормейстер В. Щербаков, сделавшие новую работу театра «Ромэн» такой яркой и запоминающейся.

Н. ЛЕЙКИН

ПОСЛАННИКИ ВЕЧНОСТИ

«Посланники вечности» — так будет называться фильм, над постановкой которого работает режиссер Т. Ю. Вульфович; зрители знают его по фильмам «Мост перейти нельзя», «Последний дюйм» и другим.

Георгий Давидович Мдивани, автор сценария «Посланники вечности», рассказал нам:

— Ленин, Октябрь, проблемы культурного наследия — вот тема нового фильма.

Действие укладывается в четыре октябрьских дня...

— Хочу обратить ваше внимание,— говорит режиссер,— на чудесные декорации, сделанные к фильму замечательным художником Геннадием Алексеевичем Мясниковым, оформлявшим фильм «Война и мир»... Сегодня снимается Эрмитаж, последний эпизод в Малахитовом зале: там «происходит» заседание Временного правительства... После этого, к сожалению, декорация Эрмитажа будет разобрана.

В последний раз оглядываем величественные «залы», превосходно выполненные копии живописных шедевров. И как раз в это время в окружении революционных солдат и матросов появляется князь Оленский, главный хранитель музея!..

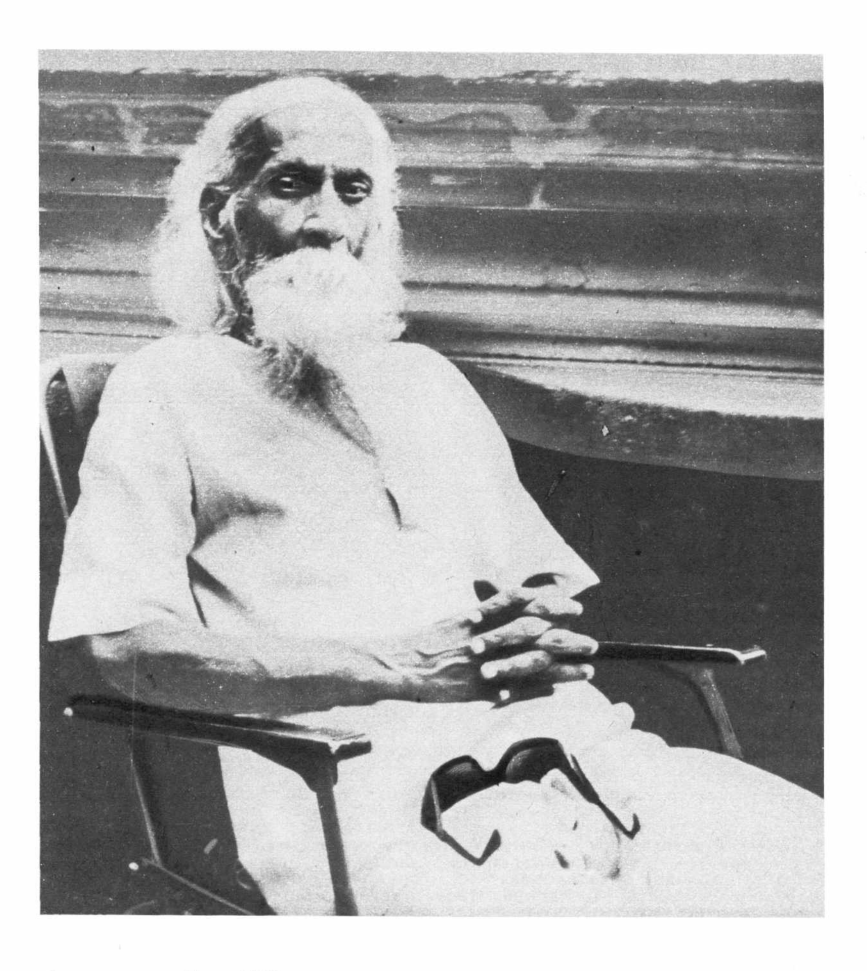
Роль Оленского исполняет актер И. Г. Лапиков.

— Сейчас снимается сцена ареста Оленского,— поясняет режиссер.— Дальше съемки будут происходить в Смольном, в Зимнем дворце, а также в настоящих залах Эрмитажа, его «золотых кладовых», где находятся бесценные творения искусства, принадлежащие вечности...

Нат. АЛЕКСЕЕВА

Г. Андреева и И. Лапиков в ролях княгини и князя Оленских.
Фото Г. Рыбина.

Г. В. Кришна Рао. 1970 год.

УБЕЖДЕННОСТЬ

Генрих КОЛОКОЛОВ

«В этой книге я рассказываю моим индийским собратьям о великом вожде большевиков России, о человеке, которого ненавидят враги и распространяют о нем много небылиц.

В этой книге я пишу о мировом капитализме, так как именно он намеренно распространяет злостную клевету о революционном вожде России.

Но правду не скрыть, и мир узнал о благородных целях и высоких принципах Ленина, ради которых он готов отдать жизнь».

Этими словами начинается книга о Ленине, написанная индийским автором Г. В. Кришна Рао еще при жизни Ильича, в 1921 году. Она называется «Николай Ленин, его жизнь и деятельность».

Мне рассказывали об этой первой в Индии биографии Ленина, которая вышла на английском языке, что 1000 экземпляров ее первого издания были распроданы в несколько недель. Потом в Мадрасе вышло второе издание, расширенное, дополненное. Однажды, будучи в Хайдарабаде, я решил заехать в Гунтур, где живет 72-летний автор первой в Индии биографии Ленина.

Шесть часов езды на машине, и вот я у двухэтажного дома Кришна Рао. В дверях, как в нише, сидел совсем белый старик, с длинной бородой, которая сливалась с полотняной одеждой. Когда хлопнула дверца автомашины, он надел темные очки и повернулся в мою сторону.

Я представился ему. И по тому, как он искал мою руку, мне показалось, что он слеп. Однако старик так уверенно вел меня по своему дому, заботливо предупреждая о каждой ступеньке, что я усомнился в своем предположении. Но Рао действительно почти ничего не видел. Он прекрасно ориентировался в лабиринтах старого дома, потому что здесь родился и прожил всю жизнь.

Он посадил меня в кресло, сам сел напротив и спросил:

— Вы приехали в связи с моей книгой о Ленине?

— Да,— ответил я,— сохранился ли у вас хоть один ее экземпляр?

— К сожалению, нет.

— А если поискать в библиотеках Гунтура?

— Нет. Мой сын узнавал. С этой просьбой ко мне обращались в письмах многие ваши коллеги. Возможно, второе, мадрасское издание, выпущенное издательством «Ганеш энд К°», сохранилось в библиотеках Лондона или Нью-Иорка, куда я послал несколько экземпляров в 1922 году. Но первого издания книги, пожалуй, вам не найти.

— Может быть, вы подарили эти книги кому-либо из своих друзей? — не отступал я.

— Друзья...— грустно улыбнулся старик.— Не забывайте, дорогой друг, мне 72 года, а до этого возраста у нас доживает далеко не каждый. Я действительно подарил десяток экземпляров близким друзьям. Многих из них уже давно нет в живых, с другими я потерял связь, когда уехал учиться в Калькутту. Мой сын узнавал, нет этой книги в Гунтуре,— заключил Рао.

Позднее я понял, почему эта книга не сохранилась. Но я все же решил продолжить поиски. Вместе с моими индийскими друзьями мы обзвонили и объездили несколько общественных и частных библиотек Мадраса и Хайдарабада. Но нигде нам не смогли помочь. Предлагали другие, поздние издания биографии Ленина на разных языках, но об этой книге Г. В. Кришна Рао никто даже не слышал.

В архивном управлении Хайдарабада нам объяснили, что в те годы подобного рода литература изымалась английскими властями не только из общественных, но и из частных библиотек. Инструкцией департамента внутренних дел Индии от 6 ноября 1920 года предписывалось таможенной службе конфисковывать всю литературу Британской компартии, поступающую в Индию. А 22 апреля 1922 года было издано дополнение к этой инструкции, в соответствии с которым запрещался ввоз коммунистической литературы из любой страны. По всей Индии были созданы контрольные пункты, которые конфисковывали подобного рода литературу и арестовывали тех, кто подозревался в ее распространении и хранении.

Только поняв всю сложность обстановки в Индии тех лет, можно представить себе, с какими трудностями была связана работа Кришна Рао над биографией вождя пролетарской революции.

Когда он был студентом колледжа, то читал много иностранной литературы, собирал материалы об освободительной борьбе народов. Он изучил историю ирландского движения, революции в Венгрии и старался следить за событиями в России. После окончания колледжа в Калькутте в 1920 году Рао вернулся в Гунтур и стал работать в газете «Сварaджа» заместителем редактора и заведующим международным отделом. Редакция газеты получала из Англии и Соединенных Штатов газеты и брошюры, из которых Рао продолжал черпать интересующую его информацию. Он установил также связь с мадрасским издательством «Юнайтед Индия», которое получало из-за границы различные книги и брошюры, в том числе издания компартий США и Великобритании. Именно эта литература явилась основным источником для написания книги о Ленине.

После ее издания Рао стал «опасной личностью» в газете, которая и без того подвергалась нападкам со стороны англичан. Редактор «Сварaджи» решил не рисковать...

В 1921 году Рао начал издавать собственную еженедельную газету «Наваюгам». Основное внимание в ней он уделял политической жизни за рубежом. Семь лет Рао издавал эту газету практически лишь на свои средства и прекратил ее издание лишь тогда, когда его накопления иссякли.

— Что побудило вас написать книгу о Ленине? — Это был естественный вопрос, и на него Кришна Рао ответил так, как будто давно готовился к этому вопросу.

— Когда я вернулся из Калькутты в Гунтур,— начал он,— я был уже знаком с теориями некоторых прогрессивных зарубежных деятелей. Я долго вел исследования с тем, чтобы понять, какое из этих учений больше всего подходит для Индии, чтобы помочь моей стране завоевать независимость и свободу. Я видел, что народ готов восстать против англичан, но я не представлял последствий. Я не мог ответить и на ряд других вопросов: например, кто поведет народ? Какая система государственного управления должна прийти на смену английской администрации?

В те годы наш народ находился под влиянием учения Махатмы Ганди. Любое собрание, любой митинг проходили под лозунгом его идей о ненасилии. И стоило кому-нибудь выставить на обсуждение другую теорию, она просто-напросто отвергалась. И тогда я решил в своей книге о Ленине показать путь, которым шел ваш народ к завоеванию свободы и независимости. Позже, к моей радости, я узнал, что моя книга была переведена на телугу и другие языки и в какой-то мере явилась источником для написания других работ о России и большевистской революции.

Я слушал Рао и думал о том, что многие люди в разных странах называют себя революционерами, борцами за свободу и независимость. Но сделали они гораздо меньше, чем этот скромный, доживающий свой век, малоизвестный в своей стране человек. Он не был коммунистом, но на протяжении более десятка лет занимался пропагандой революционных идей, прятал в своем доме одного из лидеров Индийской компартии, скрывавшегося от колониальных властей; на собраниях партии Национальный конгресс в 1932—1935 годах рассказывал о ленинской теории социализма.

На этом можно было бы окончить рассказ о Г. В. Кришна Рао, если бы не одно событие, которое заставило меня снова взяться за перо.

Как-то вечером я получил почту и не поверил своим глазам: в обыкновенном конверте лежала драгоценная книга — «Николай Ленин, его жизнь и деятельность». Первое издание той самой книги! Я держу ее в руках, коричневую и хрупкую от времени, со страницами, как пачка высушенных листьев...

В том же конверте было и письмо от сына Кришна Рао, который нашел эту книгу у своего друга, получившего ее от отца. Не отрываясь, я прочитал все шестьдесят страниц и поразился, насколько умело и лаконично автор смог описать биографию Ленина, его работу по созданию компартии, борьбу с меньшевиками, оппортунистами. И хотя он не знал даже настоящего имени Владимира Ильича и располагал ограниченным количеством материалов, тем не менее ему удалось в доступной для понимания индийского читателя того времени форме рассказать об основных идеях Ленина.

Кришна Рао не имел, естественно, возможности проверять факты. Он доверял тому, что публиковалось о Ленине в коммунистической прессе западных стран. Но, несмотря на неточности, он прекрасно передал дух революционной России, встряхнувшей в 1917 году всю планету. Он рассказал о борьбе с интервенцией, о некоторых первых декретах Советской власти, о национализации земли, банков, о предоставлении суверенных прав бывшим царским окраинам...

Кришна Рао сумел оценить великие идеи Ленина, родившие великий энтузиазм народа. И когда наша страна была еще истерзана войной и разрухой, необходима глубокая убежденность, чтобы поверить в окончательную победу революции в России. И в книге Рао была эта убежденность.

Я начал эту статью с выдержки из предисловия книги и хочу закончить словами, которыми сам Рао завершает ее. Думаю, что это лучше всего объяснит читателю, почему я взялся за эту тему, почему я не смог пройти мимо этого человека, 50 лет назад в глуши колониальной Индии сумевшего написать:

«...в течение последних четырех лет советское правительство успешно создает государственный аппарат, и нравится это кому-то или нет, остается могущественным фактором, противодействующим реакционным силам во всем мире.

Жизнь и деятельность Ленина — пример величайшего самопожертвования во имя блага рабочих всей земли, должны вдохновлять каждого из нас. Он не признает компромиссов и является смертельным врагом оппортунизма. Когда приходит время избрать тот или иной путь, он без страха и колебаний, последовательно принимает решение, оставаясь верным своим принципам до конца... Как царские тюрьмы не смогли помешать распространению его учения, так и весь мировой капитализм не сможет предотвратить его окончательного триумфа».

Дели.

БЕЗ ПРАВА УМЕРЕТЬ

Олесь **ГОНЧАР**

Рисунок **В. БОГАТКИНА.**

Нашлись саперы, нашлись минеры. Нашлись отважные души, готовые на любое задание. В последнее время подорвалось несколько немецких машин на старом большаке. Каким-то образом мины, оставшиеся кое-где на неочищенных минных полях, по ночам перекочевывали туда, на большак. Кто-то их находил, кто-то закладывал. Правда, мины взрывались не на землях совхоза, и Пауль-управитель мог даже сказать, где нужно: в его владениях все в порядке, взрывы его не касаются, ищите виновников в другом месте.

В имении пока никого не трогали. Однако барак все время был настороже. Непрерывное хождение по лезвию ножа — такой сейчас была жизнь обитателей барака. По лезвию — днем и ночью. В любую минуту могут ворваться шуцманы, вытащить тебя из барака или из тамбура конюшни, схватить просто на работе. И ты знаешь, что схватят недаром. Что нападут на след. Но покамест не нападали. Кто-то словно бы оберегал хлопцев. Работали как и раньше. И только недремлющий бригадир Вихола видел, что это за работа. Симуляция — последовательная, продуманная — изо дня в день.

От него этого не утаишь. Но молчит. Ведь погода жизни неустойчивая. Ветры фронтовых циклонов — их наперед не угадаешь: куда еще повернут? Громыхание фронтов, то более отдаленное, то совсем близкое, в последнее время превратило Вихолу как бы в чуткий барометр. По настроению можно было угадать: вот стрелка колышется все больше, вот где указывает на бурю... Вынужден был оглядываться на обитателей барака, должен был терпеть их постоянный внутренний саботаж. Сопротивление и сопротивление — Вихола чувствует его ежедневно. Вроде бы и делается работа, но какая? Скорее только видимость ее: все почему-то не клеится — там порвалось, там поломалось, то и дело переделывай, ремонтируй... И молчи... Может, не умеют, руки у них не оттуда растут? Не сказал бы о них такого. Есть среди них слесари, машинисты, механики. Взять хотя бы того же Решетняка: он и вилами орудует, и за лошадьми ухаживает, и сапожничает, и шорничает... Все умеют, если захотят: осенью, когда накрывали вдовам хаты, вот там уже работали без симуляции, делали на совесть! Починят крышу, накроют, причешут да еще и стреху подстригут — просто загляденье. И люди стоят за них горою, советуются с ними, верят им. Каждый пленный, как политрук самозваный, по-своему истолковывает разные слухи, «передвигает» фронт, поддерживает в людях надежду. Вихоле все это известно. Однако же... молчи. Потому как барометр колеблется, стрелка прыгает...

Однажды на барак все-таки налетели с обыском. Ватага шуцманов нездешних, из кустовой полиции. Перерыли все. Нашли под нарами ворох овса. Зимой многие из хлопцев получали наряд на работу в зернохранилище. В полутьме огромного безоконного помещения, где не продохнешь от духоты, где непрерывно грохочут веялки и триеры, с утра до ночи снуют фигуры в шинелях — с мешками, с лопатами, задыхаясь в шершавой пыли. Поднимались куда-то под самый потолок по сыпучим ворохам, по овсу и ячменю, проваливаясь в текучие рыхлые ямы по пояс. Зато уж, возвратившись вечером в барак, каждый вытряхивал по нескольку пригоршней зерна то из-за голенищ, то из-за пазух, из-за воротников, и если даже часовые видели это, то и перед ними было оправдание: по пояс ныряешь в этом зерне, ничего не видно, остьями глаза поразъедало, вот зерно само по себе и набралось... Часовые смотрели на это сквозь пальцы, потому что им тоже из этой добычи перепадало, а остальное хлопцы ссыпали в углу под нарами, и это был их общий неделимый фонд.

Во время обыска шуцманы старательно перерыли овес, но о зерне ничего не сказали: видно, искали что-то другое. Порылись и ушли.

И в эту же ночь появился в бараке Байдашный.

— Это нам предостережение,— сказал он, выслушав товарищей, собравшихся в углу, при подслеповатом каганце.

И еще сказал, что нужно кого-то направить в город. Собственно, не в самый город, а ближе, в заводской поселок. Дело есть.

— Должна была бы наша связная пойти. Но нет ведь ее.— Присю, сестру свою, имел он в виду.— Кто пойдет?

Шамиль вскочил с нар:

— Я. Только я!

Все, что было с Присей связано, он должен был взять на себя, никому этого не уступая... Именно так его и поняли.

— Хорошо, пойдешь ты,— сказал Байдашный.

Остальные тоже дали свое согласие, и Шамиль понимал, как много их согласием сказано. Под силу, мол, только тебе это рискованное задание. И что полностью тебе доверяем. Доверяем все наше заветное, тайное, даже наши собственные жизни. Ведь поручимся за тебя перед стражей и перед конторой, пору-

Из романа «Циклон».

чимся, что ты непременно возвратишься, ибо все мы остаемся тут за тебя заложниками. Вот почему ты не имеешь права даже погибнуть в дороге. Ты должен возвратиться хотя бы мертвым!

Как безмерно далеким был он в то время, этот голодный город. Придется идти через села, где свирепствует полиция, беззаконным идти по неизведанным дорогам этой холодной, погребенной в снегах оккупации Украины. Можешь наткнуться на облаву, могут задержать, схватить тебя — ведь всюду сейчас хватают таких, как ты. Вооруженные, пьяные морды могут на месте где-нибудь тебя прикончить в сугробе и ни перед кем не будут за это отвечать, ибо нет здесь сейчас и тени того правосудия, которое защитило бы тебя.

И все же Шамиль был почти рад, что идти выпадает ему, что товарищи на нем остановили свой выбор.

На следующий день ребята снаряжали его в дорогу. Раздобыли где-то серяк допотопный и заячью шапку. Лешка-костромич отдал свои теплые портянки. В сумку насыпали овса, Решетняк еще и пошутил:

— Как рысаку, овсишка тебе ярого да сухого... Обменяешь где-нибудь в дороге... Может, на что-либо горяченькое, чтобы не замерз...

С караульными договорились о размере взятки. Через агронома выцыганили в конторе для Шамиля даже какую-то жалкую справку с размазанной печатью. Является он, дескать, рабочим этого имения, отпущен навестить родственников, что и удостоверяется. Агроном, лично подписывавший справку, хорошо знал, что родственников этих в природе не существует, поэтому и со своей стороны еще предупредил Шамиля:

— Бумажка мало чего стоит... Лучше всего на глаза не попадаться этим людохватам.

Шамиль улыбнулся:

— Я верю в свою звезду.

Видимо, в словах его прозвучала какая-то самоуверенность, ибо агроном проводил его вдруг погрустневшим взглядом. Для этой, почти отчаянной самоуверенности у Шамиля были основания: звезда и впрямь существовала, и Шамиль куда больше, чем на бумажечку, полагался именно на эту звезду. Давно уже замечал он, что в лихое время люди верят в добрые приметы, и хотя раньше это у него вызывало только улыбку, теперь порой ловил себя на том, что и сам, кажется, уже верит в приметы. Прися, чистая к ней любовь — не она ли являлась Шамилю в виде этой счастливой звезды, которая всюду проведет его неуязвимым? А еще то убережет его от всех несчастий, что хранит он сейчас у самого сердца, то, чего он и не должен был бы брать в столь опасную дорогу... Но и разлучиться он тоже не мог! Фронтовое свое, самое дорогое, он пронес его сквозь лагеря, и оно стало для него словно бы спасительным амулетом. Пока это при тебе — ты жив, пока ты с ним — ты человек и боец.

На третий день с рассветом вышел из барака. Только забрезжило, когда он уже миновал самую отдаленную степную лесополосу, служившую межой земель имения. Выросший в стране солнца, согретый теплом устремленных к солнцу скал, увитых виноградными лозами, очутился теперь лицом к лицу с безбрежностью снегов, обнимавших весь простор. Продрался сквозь колючие заросли лесополосы и вдохнул свободу полной грудью. Барак и жизнь под конвоем остались где-то там, позади, за проволочно-колючим, словно лагерным, валом маслин и акаций, и первым желанием было, желанием, наболевшим до крика: никогда не возвращаться! Пусть и погибнуть, но не поднадзорным, а здесь, в поле, в снегах, под напевы вольного ветра! Сразу словно бы упали невидимые цепи, которые столько времени опутывали его, хотелось кричать от восторга, жадно пить этот вольный ветер. Хотелось выпрямиться так, чтобы достать рукавицей небо, его кудлатые тучи. Земля здесь уже словно бы ничейная, и небо ничейное, и дорог никаких. Хотя нет: вон пошли столбы вдоль занесенного снегом большака. Там взрывались наши мины, опаляя снег, оставляя на месте взрыва клочья вражеских мундиров... Пересек большак и почувствовал себя еще свободнее: были впереди безбрежность, безлюдье, свобода или хотя бы призрачная иллюзия ее. Тут только ты и снега, ты и ветер! Чувствуешь себя молодым, сильным зверем, что вырвался наконец из клетки.

Взошел на пригорок, оглянулся: еще виднеются далекие скирды и утопающие во мгле горизонта фермы. Быть может, и в самом деле в последний раз бросаешь прощальный взгляд на них? И сквозь мгновенное опьянение вдруг — трезвый голос: «А как ребята? Те, которые поручились за тебя и ждут тебя хоть мертвого. Или свобода дороже их? Тебе свобода, а им? Есть свобода, но есть еще и такое понятие: эгоизм свободы. Не это ли искушает тебя сейчас?»

Плотнее натянул заячью шапку и зашагал. Безлюдье, белое безмолвие, а ведь совсем еще недавно зеленело, цвело, гудело пчелами, опьяняло запахом нектара... Все заметено, скрыто под толщей снега, лишь колючки лесопосадок протянулись темной полосой. А дальше снова волнисто белеют поля, поднимаются буграми, западают оврагами, и ледовито, пронизывающе звенит поземкой этот суровый, будто арктический мир. Украина, земля оккупированная...

На тетрадном листике была у него от руки набросанная Байдашным схема с обозначением сел, которые будут встречаться, а где восклицательный знак, там нужно обходить стороной. И обходил. Бездорожье стало ему дорогой. За несколько часов ходьбы повстречался Шамилю средь моря снегов один лишь хуторок, отмеченный на карте знаком плюс, как возможное пристанище. Насквозь пробитый ветром, полузаметенный, с обломанными деревцами — таким он вырос перед его глазами. Вероятно, бывший полевой лагерь какой-нибудь бригады. Стянутый сюда и коекак брошенный инвентарь словно бы еще раз напоминал о каком-то величайшем равнодушии, сковавшем теперь этот край. Плуги в комьях неочищенной мерзлой земли... Зубатые бороны, заржавевшие культиваторы, вмерзшие в землю сеялки с утонувшими в снегу сошниками... Заброшенность и запустение. Почему-то вспомнился Решетняк: с каким бы горьким чувством посмотрел он на этот беспорядок, на эти полузаметенные в открытой степи сеялки, из которых, кажется, уже никогда не потечет зерно в теплую землю. Подошел к одной, открыл ящик: пусто. Вспомнил, что у него есть овес. Открыл сумку, бросил в ящик, в неподвижные гнезда несколько горстей «ярого, сухого». Зачем? Для приметы? На весенний засев? И сколько шел теперь, неотступно плыла перед глазами полузаметенная снегом сеялка, плыла в сугробах, как знак леденящей скованности этой жизни.

Отдаленные, глухие, вроде безжизненные села служили ориентирами. Время от времени сверялся по схеме. И нигде ни живой души, только ты один бредешь по полям, до жути одинокий. Да еще где-то в этих снегах, в этих пронизанных ветром просторах девушка слепая блуждает, одна-одинешенька. Та, которая вернулась из Германии с ошпаренным лицом, с выжженными глазами, что карими, а может, синими были, как небо, полными задумчивости и тихого солнца. Прошла о ней в народе молва, докатились слухи и до имения. Девушка из тех, которые были отправлены в Германию с первым набором — где-то там на торгах выставляли наших девчат голых на осмотр, чтобы немки, выбирая, могли удостовериться, что нет на них, на этих тугогрудых славянках, ни экземы, ни коросты. За несколько марок выторговала ее немка для работы на кухне, а когда обнаружилось, что девушка тайком передает хозяйскую картошку полякам в лагерь, фрау забежала на кухню вне себя от ярости и, схватив кастрюлю с плиты, плеснула кипящим молоком девушке прямо в глаза... Так слагалась легенда чьей-то жизни. Подруги-итальянки якобы собрали ей денег на билет, посадили в поезд. И теперь эта слепая девушка, разыскивая отчий дом, блуждает по зимним полям, — кто-то собственными глазами якобы видел ее, у людей нет сомнения, что она существует в реальности, — рассказ об ослепленной незадолго перед этим пришлось услышать Шамилю от женщин в зернохранилище. Есть она. Быть может, как раз средь этих снегов блуждает несчастная, ослепленная полонянка, образом своим порой повторяющая девушку, которая в слезах дарила ему под скирдой свои объятия... Страшно даже подумать, что с ней произошло что-то недоброе. Но почему же так трудно совладать с воображением? Почему снова образ девушки, такой безгранично родной для тебя, возникает в этой белой пустыне, где и ты, ослепляемый встречным ветром, бредешь со своей клюкой? Или, может, это как раз и есть ты и она — оба до изнеможения кружитесь в этих текучих снегах, так и не повстречавшись друг с другом? Ослепленный ветром, ты, может, и не заметил, как она где-то здесь поблизости в метельном вихре перекати-полем промелькнула, ее, беспомощную и незрячую, ветер, быть может, на колючие кусты гнал, на зубатые полузаметенные бороны натыкалась она...

Ветер звенит прошлогодней былинкой, что, пробившись сквозь толщу снега, сиротливо, грустно шевелится у ног. Село в отдалении темнеет; дымы из труб кому-то пахнут уютом, вечерним соломенным духом. Впереди речка угадывалась, кажется, как раз та, степная, которую Байдашный вывел карандашом волнистой линией на схеме. Еле угадывается, извиваясь руслом средь снегов, закованная в панцирь льда. Текла когда-то, сверкала на солнце, светилась прозрачностью. Панцирь крепкий, скользкий. Хорошо уже и то, что не нужно искать мостик, где угодно можешь перебраться. Или обойти стороной и это село с его восклицательным знаком? А где же ночевать? Под кустом перекати-поля?

Дорога в село наезженная, пожелтевшая от растертых полозьями конских кизяков, но Шамиль не позволил себе воспользоваться дорогой — зашел со стороны глухих огородов,

оттуда, где зверь подкрадывается к кошарам в трескучие зимние ночи. По плотному, слежавшемуся снегу подошел к крайним хатам, к чьему-то саду со старинными яблонями — покрученные стволы-колени свои старчески изогнули, вывернутые ветки аж по снегу лежат. Куст калины до пояса утонул в сугробе, коегде краснеет ягодами на гроздьях. Полуисклеванная воробьями, так неуместно горит эта калина, раскрасневшись, в конце сада средь синих вечерних снегов...

Женщина, рубившая под поветью дрова, видимо, заметила пришельца, потому что повернулась к нему спиной и продолжала орудовать топором. Повернуться бы и уйти прочь. Никто тебя здесь не ждет. Не для тебя эти пахучие вечерние дымы. Где-то скрипучие закрываются калитки, в другом дворе мужчина, прихрамывая, закрывает окна снаружи соломенными матами, окна равнодушны, они сами словно бы заслоняются от тебя. Никем ты здесь не званный, никому не нужный. Преодолевая собственное нежелание, вошел он во двор. Почти недобрым голосом сказал:

— Здравствуйте. Не пустите ли переночевать?

Женщина долго и яростно вырывала топор, застрявший в вербовой колоде. А когда выпрямилась, Шамиль увидел немолодое уже лицо, налившееся кровью от напряжения и мороза, насупленные брови.

— К старосте ночевать, в сельуправу! Старостиха там для вас подушек наготовила!

И забубнила, что без разрешения сельуправы теперь никого не велено пускать на ночлег, что людей всяких по дорогам теперь несметное множество бродит, вроде все стали бродяжничать, побираются, каждую ночь добиваются в хату, а она ведь не солнце — всех не обогреет. Раньше пускала, а сейчас хватит, очень ей нужно, чтобы из-за каких-то бродяг да таскали ее в управу... Слова женщины так и хлестали Шамиля по лицу, вгоняя в стыд. Ведь разве неправду она говорит? Разве не нищий, не бродяга? Мало у людей своих несчастий? Она все ворчала, все отчитывала. Он обернулся и молча направился со двора.

Она догнала его в конце огорода, сердито дернула за серяк:

— Так что же, по-вашему, уже мы и не люди? Ночь наступает, где же вы будете ночевать? Под заячьим кустом?

— Хотя бы и под кустом.

— Вернись!

Постоял, полон обиды, и все-таки вернулся. Открыв сенную дверь, женщина толкнула его через порог в хату, навстречу пылающему в печи пламени.

— Внесу вязанку соломы — спите себе на здоровье, хаты не убудет. Тут каждую ночь ютятся такие, как вы, квартиранты!

Хата в дымке сумерек. Возле двери на табуретке ведро воды стоит, недавно, видно, внесено,— в воде еще плавают кусочки нерастаявшего льда. Из-за грубки[1], с печи, кашлянул кто-то по-старчески, спросил:

— Это ты, Мотря?

— Ночлежника опять принесло, да еще такой обидчивый... Не на нас обижайтесь.

— А я не на вас.

Указав на лавку, буркнула ночлежнику:

— Ложитесь тут,— и вышла.

Шамиль снял серяк, повесил на ухватах; там же и сумку приладил, а сам сел на скамью. На дворе снова послышались глухие удары топора. Шамиль выбежал в одной гимнастерке, вырвал у женщины топор из рук... Вскоре хозяйка уже подбирала готовые дрова.

Войдя в хату, непрошеный ночлежник теперь более уверенно уселся на скамейке. На камельке замигал каганец. Из-за грубки показалась взлохмаченная борода. Старик долго вглядывался в Шамиля. Начались расспросы. Откуда да куда идешь, добрый человек, да что на свете слышно? Правда ли, что немцев окружили под Сталинградом? И что наши фронт прорвали, полки сибиряков на выручку идут? И не слыхал ли про девушку незрячую, что будто появилась в зареченских краях? Уж и полиция за ней гоняется, а поймать никак не могут, даром что совсем незрячая, молоком в Германии ошпаренная...

Люди оказались как люди. Дали поужинать. Утром дали еще и позавтракать. И платы никакой не требовали, однако свой овес он здесь оставил с сумкой, чтобы не носиться с лишним грузом.

— Вы ж заходите, когда будете возвращаться,— услышал вдогонку, отправляясь чуть свет в дорогу.

Однако во второй раз ночевать ему здесь не пришлось. Когда возвращался из поселка, на окраине села женщины его предупредили:

— В село идти нельзя! Там обыски сегодня, все хаты перетряхивают!

Свернул наугад в низину. Шел навстречу приближающейся ночи по какому-то замерзшему озеру, останавливался, прислушивался в камышах. Почему-то очень грустно видеть занесенное снегом озеро. Кустится поблекший, изломанный ветром камыш. Но возле каждого кустика — ямка: это значит, что хоть и поблекший, а снизу он дышит... Чуточку дальше топорщится лозняк, вмерзший в лед. Может, где-нибудь тут расположиться? Начиналась метель, предвечерье скрадывало горизонты. Но тут было уютно. Следы, собачьи или волчьи, отпечатаны на снегу, кто-то на санях проехал, видно, брал здесь сушняк,— остались после коня мерзлые комья кизяков, чернели огарки погасшего костра. Дальше идти или здесь зарыться — вон там, под кустом? И внезапно вздрогнул от окрика:

— Ты кто?

Охотник с ружьем, с зайцем, привязанным к поясу, неслышно вышел из-за ивняка.

«Шуцман!» — первой была мысль. Кто же еще имеет право стрелять? И рукав опоясан полоской, как для траура... Холодными, прищуренными зрачками из-под ушанки незнакомец рассматривает Шамиля. Из опытных, видать, глаз пристрелян — такого не обманешь. Насквозь пронизывает тебя, видит, что там у тебя под серяком, за пазухой, что и в душе. Кажется, без допроса угадал, кто ты есть, и куда ходил, и с чем возвращаешься. Словно раздевает тебя до косточек, и уже все, все он сквозь тебя рассмотрел: барак твой, и товарищей, и тех металлургов из поселка, с которыми ты ночь сегодня провел, наблюдая, как они возле печки, будто алхимики, при лампе карбидной делают радиодетали и выливают ложки из белого помятого металла...

— У меня документ есть...

— Не нужно. Зайдем в комендатуру, там выяснится... Пошли!

Пожилой, и лицо без ярости, ничем вроде бы и не отталкивающее. Грузноватый, с брюшком. Может, семьянин, жену и детей, наверное, имеет. Ждут его, отец зайца принесет! Подстрелил-таки несчастного косого: еще, пожалуй, теплый, повис, оттягивает ремень охотника. Видно, меткий стрелок.

— Или, может, отпустите? Мы не виделись. Каждый своей дорогой...

— Разминуться? О, нет, человече, разминуться негде: мир стал тесен...— И привычно снял с плеча винтовку:

— Двигай, говорю.

Идут через озеро.

Идете. Молча. Двое вас, совершенно незнакомых, никогда ранее не встречавшихся в жизни, и нет на свете языка, на котором вы могли бы понять друг друга. Есть только то, что разделяет вас, что ложится между вами пропастью... Незнакомое все, чужое. Не знаешь даже, где ты. Саван снегов. «Для добра мир стал тесен, а для зла просторен?!» Только приведет, сразу же тебя обыщут. Бежать? От его выстрела не убежишь. И мертвого разденут, обыщут, найдут на тебе то, чего не должны найти! Вот так в этот вечер и умрешь? На этом озере, что сковано льдом? Среди вылинявших, жалких кустиков осоки?

Шамиль не собирался умирать. Он не имел права умирать! Издалека, не доходя до пригорка, заметил темное гнездо полыньи, чуть-чуть подернутое льдом. Обошел полынью и медленно начал взбираться на гору. Слыхал позади себя надсадное дыхание охотника. Был миг размышлений, будто предсмертный. И вдруг всей звериной упругостью внезапно бросился вниз, ударом всего тела саданул того под ногу. Насел. Рукавицу загнал в рот. Územ... Поволок. И — бултыхнуло, и — не стало. Снова была полынья. Темно мерцала, колебалась не затянутая льдом вода.

Не под одним кустом ночевал в эту ночь Шамиль. Когда, скрюченного, заметало и клонило в сон, собрав всю волю, через силу выбирался из-под снега и дальше шагал в колючую, развихренную темноту. Иглами секло лицо. Казалось, совсем уже замерзает, коченеет под кустом и не может подняться, а все же поднимался. Что-то сильнее изнурения и усталости поднимало его, торопило, подталкивало, и он шел, шел к бараку, к неволе своей. Безоружный и беззаконный. Ты не имеешь права погибнуть. Ты знаешь, во имя чего сейчас преодолеваешь эти безумные снега. Ты нужен для жизни!

Ночь была бесконечной. Чувствовал, как бросает в жар, как туманятся глаза. Понял: начинается горячка. Темнота ослепляла, делала его незрячим. Но и тогда девушка, та ослепленная полонянка, плыла в снегах впереди, вела, выводила его из ночных блужданий сквозь сугробы и метель...

Добрался до барака поздней ночью, сам не знает, как. Полубессознательного, еле живого, хлопцы втащили его через порог в барак. Вместе с радиодеталями в пазухе, с катушками, с листовками о Сталинграде. Раздели, принялись оттирать на нарах, а он горел, стонал, бился в жару. Не слыхал Шамиль, как кто-то из хлопцев, только что стащивший с него гимнастерку, чем-то пораженный, крикнул, стоя среди барака:

— Братва, глядите!

Окружили его. Костлявый кулак разжался, и на шершавой его ладони сверкнул новенький орден Ленина.

Авторизованный перевод с украинского
И. КАРАБУТЕНКО.

[1] Часть русской печи (прим. перев.).

КАПЛИ ЗОЛОТОГО ДОЖДЯ

Ким БАКШИ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

*Летопись на серебряной чаше. * Загадка исчезнувших народов. * Черепки плюс кибернетика. * Золотой век курганов.*

Василия Бидзилю интересовали древние славяне. Интересовали, когда еще он учился в Киевском университете и когда он окончил истфак и пришел лаборантом в Институт археологии Академии наук Украинской ССР. Но кандидатскую диссертацию он защищал по галлам. Их племена занимали огромные территории от Испании и Франции до Карпат, до Закарпатья, где Бидзиля натолкнулся на их следы. Это была удачная находка, от нее было грех отказываться, она легла в основу диссертации.

После защиты диссертации как раз в самую пору было бы заняться славянами. Но руководство института перебросило Бидзилю на скифов. Бросило совсем так, как на производстве бросают на прорыв, чтобы расшить узкое место. Так оно, в сущности, и было: речь шла о том, чтобы с помощью строителей, их землеройной техники срочно раскопать в Запорожской области скифские курганы.

Строители торопили, начиналось возведение большой оросительной системы. Так Василий Бидзиля оказался неподалеку от села Балки, у двадцати трех молчаливых курганов, посреди совершенно ровной распаханной степи с далекими полками лесозащитных полос на горизонте.

Руководитель экспедиции археологов, то есть сам Бидзиля, не рассчитывал ни на какие сенсационные находки — ни на золото, ни на серебро. Редкие из курганов не были разграблены еще в скифское и особенно в сарматское время. И Бидзиля решил честно и методически изучать все, что ему встретится на пути.

Раскопал двадцать два маленьких кургана. Все оказались ограбленными. Воры оставили лишь то, что составляет рядовые находки археолога: наконечники стрел, кости жертвенных коней, ножички... Но маленькие курганы хорошо имитируют жилище рядового скифского воина — кибитку или палатку, копать их было интересно, несмотря на бедность самих могильников.

Теперь надо было приступать к самому большому кургану, одиноко возвышавшемуся над своими рядовыми собратьями. Он носил странное имя «Гайманова могила», или Гайманка, как называли его в окрестных селах и как вскоре стали называть его и участники экспедиции. Бидзиля не сомневался, что Гайманка ограблена, но его интересовало то, что не унести никаким ворам: архитектура больших курганов. Их в советское время раскопаны единицы, до революции же сенсационные золотые сокровища добывали варварским путем: пробивали шахту через весь курган прямо к его содержимому.

Археологи группы Бидзили начали систематическое изучение кургана, не спеша снимали слой за слоем землю с Гаймановой могилы, тщательно фиксируя все, что попадалось на пути.

В четырех метрах от вершины показалась каменная крепида — стенка-кольцо из белого известняка, поддерживавшее насыпь. Затем стали встречаться и пошли все гуще следы тризны — скелеты овец и лошадей, уздечные наборы — бронзовые и серебряные бляшки; наконечники стрел — видно, их ломали и бросали; много разбитых амфор.

У каменной стенки археологи заметили грабительский ход. Пошли вдоль хода, расширяя его, подбирая по дороге мелкие золотые предметы. Постепенно углубились на 11 метров от верха насыпи, вошли в катакомбу. В наиболее опасных местах кровлю надежно крепили шахтеры соседнего железорудного комбината и среди них — знаменитый на весь Советский Союз бригадир проходчиков Михаил Коваленко.

На его долю пришлась первая крупная находка Гаймановой могилы — в стенке он обнаружил пустоты, а затем открыл хозяйственную нишу, начиненную утварью. Там был скифский котел с двойными ушками, крюк для мяса, бронзовый кувшин с головой сатира на рукоятке, ажурная жаровня, бронзовый килик, ведерко для смешивания вина с водой по греческому образцу, хотя скифы вино с водой и не смешивали. В нише лежал скелет виночерпия, удушенного во время похорон, чтобы он мог сопровождать своего господина в загробной жизни.

Погребальная камера была разграблена полностью. Валялось несколько десятков золотых бляшек, подвесок от ожерелья да золотой перстень, оброненный грабителями. По-видимому, они унесли отсюда очень много ценностей.

Пошли осенние дожди, археологи стали поговаривать об отъезде, о завершении исследования кургана в следующем году: раскопано было только одно северное погребение, центральное и южное еще ждали своей очереди. За эту работу предстояло взяться в начале археологического сезона, то есть нынешней весной.

Был хмурый сентябрьский день, обеденное уже время. Археолог Борис Мозолевский осторожно чистил стенку катакомбы.

— Ты знаешь, Вася,— внезапно сказал он Бидзиле, сдерживая волнение.— Здесь что-то есть! Помоему, здесь тайник...

Тайник? Как в это поверить? А вдруг ошибка... И вопреки очевидной логике поступков археологи не бросились сейчас же раскапывать, а пошли обедать. А тайник? Пусть подождет, если он, конечно, существует. Пусть постоит, подождет, а мы помечтаем о нем, решили они.

Кончился обед. Археологи спустились в курган. Вскоре из тайника на поверхность была извлечена замечательная находка: ритон — рог в золотой оправе, с головой льва на остром конце. Еще один окованный золотом ритон. Серебряные сосуды, рельефные золотые оковки, множество драгоценностей — прямо дождь из золота и серебра.

Особое место занимает серебряная позолоченная круглая чаша. Первый взгляд на нее. Создается впечатление чего-то очень знакомого. И это не случайно. Невольно улавливаешь сходство с десятки раз виденными, начиная со школьного учебника по истории, сюжетами скифских ваз. Эти вазы из курганов Куль-Оба, Чертомлык, Солоха — признанные шедевры мирового значения. Теперь к ним присоединяется ваза из Гайманки. Лентой опоясывает ее изображение шести скифов. В центре — сидят вожди. Они одеты в украшенные узорами, оторочённые мехом одежды с погонами — признак власти, на шеях — золотые гривны. Держатся вожди независимо, это мудрая беседа равных. По-видимому, на чаше изображен момент переговоров, заключение союза между двумя племенами. Это оттиснутая на серебре новая неизвестная страница жизни скифов и вместе с тем выдающееся произведение древнего искусства. После реставрации в мастерских Государственного Эрмитажа вместе с другими находками чаша была оценена специалистами как одно из самых выдающихся открытий в археологии скифов за последние полвека.

Скифы. Один из народов, чьи судьбы привлекают пристальное внимание историков. Речь идет о той полосе жизни человечества, когда народы, игравшие не одно столетие большую роль в судьбах мира, внезапно исчезали, и порой почти бесследно, словно сошли со сцены.

Таковы легендарные киммерийцы, предшественники скифов в Крыму и в Причерноморье, отчасти их старшие современники. А сами скифы? Эти ираноязычные племена, некогда потрясавшие древний мир, грозившие Ассирии и Египту, персидскому царю Дарию, по-видимому, единственный из древних кочевых народов, создавших свой оригинальный художественный стиль в искусстве — скифский звериный стиль. Они также исчезли, слились, растворились, не оставили наследников — тех, о ком бы мы могли сказать: «Вот потомки скифов».

Мы говорили с Василием Бидзилей о разных путях народов. Работая над своей диссертацией о галлах, он с головой окунулся во многом еще неясное для нас время, когда с востока на запад, с севера на юг шли народы, на смену одним приходили другие, чтобы, в свою очередь, исчезнуть, оставив порой только свое имя в истории. За скифами в Причерноморье появились сарматы, за сарматами гунны, шло великое переселение народов. С востока на территорию современной Венгрии пришли мадьяры...

Мы заспорили о том, что сохраняет народу его неповторимое лицо: язык, культура, традиции, государственность, экономика? Какие корни надо подсечь, чтобы народ исчез? Почему не могущественные гунны, а венгры или, скажем, славяне оказались народом, пришедшим в центральную и юго-восточную Европу в это бурное время и сохранившим свой особый облик и язык? Все это вопросы не только древней истории... Разговаривая с Бидзилей, я понял, что старый, еще с университета, интерес к славянам не угас в нем. Может быть, и скифы и галлы — это лишь широкий исторический охват главной темы, которая еще впереди?

О скифах в Институте археологии АН УССР мы говорили еще с кандидатом исторических наук Александром Лесковым. Он руководит Каховской экспедицией, крупнейшей в институте, которой удалось в прошлом году в кургане у села Архангельская слобода раскрыть неограбленную скифскую могилу, а в ней более 520 золотых предметов. Среди них — золотая гривна с львиными головами на концах; сотни золотых бляшек погребальной накидки, золотые пластины от колчанов: самые различные сюжеты — коленопреклоненный юноша; лев, терзающий лань; кабаны, собаки, олень; пантера, терзающая человеческую голову. Все это исполнено в скифском зверином стиле.

Курган у Архангельской слободы — самое богатое из найденных скифских погребений V века до н. э. Но дело не в количестве золота. В конце концов, что значат эти капли по сравнению с золотым дождем, который пролился бы на археологов, если бы в курганах до них не хозяйничали грабители? Главная ценность находок экспедиции Лескова в другом. Благодаря им прослеживаются закономерности развития скифского искусства, важные особенности жизни скифов. Находки Лескова помогут обнаружить следы оседлого племени — скифов-земледельцев, что точно соответствует рассказу о них Геродота.

Хотя Александр Лесков и старше Бидзили, в их жизни есть много сходных черт. Лесков тоже окончил университет (Харьковский), занимался одной темой (в данном случае — таврами), но был брошен на другую — раскапывать курганы в местах, где ведутся большие новостройки. Лесков также полюбил степь, размах и самостоятельность работ, вдосталь хлебнул солоноватой воды и беспощадного солнца, изучил до тонкости новую

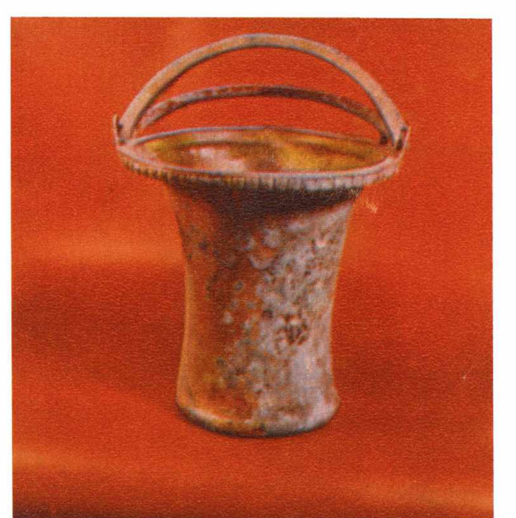
Произведения скифо-античного искусства IV века до н. э. из кургана у села Балки, Запорожской области.

Ритуальная чаша IV века до н. э. с изображением переговоров между скифскими вождями. Село Балки.

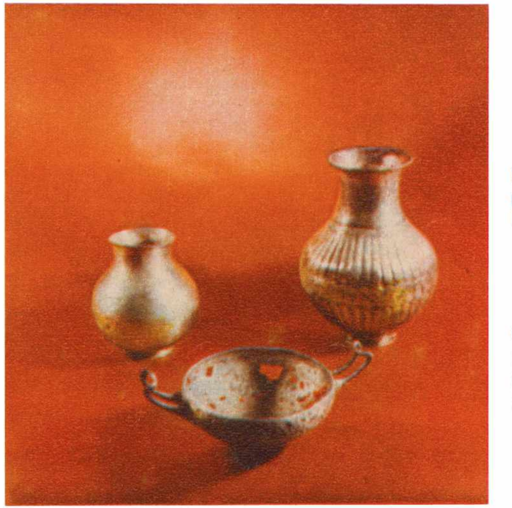
Головка Сатира на ручке бронзового кувшина для вина, IV век до н. э. Курган у села Балки.

1

Ведерко для смешивания вина с водой, IV век до н. э. Курган у села Балки.

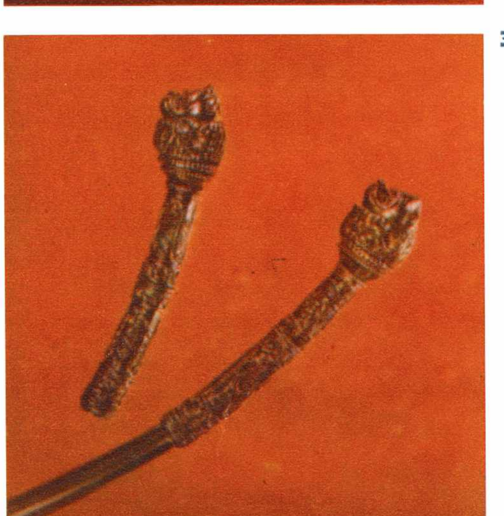

Серебряный кубок, кувшин и килик IV века до н. э. из тайника скифской катакомбы кургана у села Балки.

2

3

4

1, 2, 3, 4 — золотые предметы скифского искусства конца V века до н. э. из кургана у села Архангельская слобода, Херсонской области.

методику работ, когда археолог, прежде чем взяться за скальпель и кисточку, долго идет рядом с бульдозером и, оглохнув от лязга металла, вглядывается сквозь клубы пыли в узкую полоску земли, обнажившуюся между ножом бульдозера и гусеницами.

Мы также говорили с Лесковым о загадках исчезнувших народов. В ответ на мои вопросы Лесков неожиданно рассказал о золотом веке археологических раскопок курганов, который наступил сейчас в нашей стране. За один год раскапывается их столько, сколько за все дореволюционное время,— сотни. Работы охватывают все большее и большее пространство. Из векового забытья поднимается лавина археологического материала.

И мы можем проследить исторический путь человека от ранней культуры монументальных дольменов и кромлехов к ямной культуре, к срубной культуре, с которой, кажется, удалось связать легендарных киммерийцев, следы их Лесков нашел на Керченском полуострове. И так благодаря сегодняшним исследованиям курганов сквозь века и тысячелетия можно проложить линию развития народов вплоть до южных соседей Киевской Руси — половцев и печенегов. Да яснее становится и путь самих славян.

Я говорю «можем», «можно». Конечно, можно. Но трудно. И становится еще труднее именно в связи со все увеличивающимся потоком археологического материала. Того самого рядового материала, который Бидзиля набирал в ограбленных малых курганах близ Гаймановой могилы. Речь идет о сотнях и тысячах однообразных погребений. Старыми методами археологии этот материал обработать невозможно. А между тем именно в массовости, в этом кажущемся однообразии и накапливались медленные количественные изменения. И сказывались те самые утраченные взаимовлияния народов, о которых мы вели речь.

Но как установить изменения стиля, сравнивая сотни керамических сосудов, причем каждый по тридцати или сорока признакам? Нужны перфокарты, нужны электронно-вычислительные машины, нужна математика.

Первые попытки рассмотреть при помощи математических методов и электронных машин лепную керамику позднего бронзового века дали неожиданные результаты. Протянулась робкая нить между киммерийцами и скифами, появились возможности пролить свет на происхождение скифов.

Машина выявила связи, ускользавшие от историков. Нет, не бесследно исчезли древние народы. Сегодня, спустя тысячелетие, с помощью таких, казалось бы, далеких от археологии наук, как математика и кибернетика, становится возможным найти следы, давно стершиеся в памяти людей. Конечно, в этом направлении сделан лишь первый шаг. Всего один или даже полшага. Но разбуженное движение мысли неостановимо.

Почему археологи так пытливо, так внимательно, так ревниво вглядываются в давно ушедшее прошлое, во все эти столетия и тысячелетия? Копаются в пыли, глотают пыль, живут в пустынях, в степях, в палатках под солнцем и дождем? Зачем просеивают сквозь пальцы сотни тонн земли? Какое золото они ищут?

Мне вспоминается история некоторых абстрактных разделов математики и физики, кажется, совершенно далеких от человека, стоящих вне добра (и зла). Как впоследствии практические выводы из этих отвлеченных исследований изменили и меняют лицо нашего мира!

Чем выше народ поднимается по историческим ступеням, тем глубже склоняется над прошлым, стараясь найти в нем корни и семена своей сегодняшней жизни.

Константин БАРЫКИН, Исаак ТУНКЕЛЬ, специальные корреспонденты «Огонька»

У степного Крыма свои весны. Нынешний март подбросил было ртутный столбик термометра к двадцати градусам, а затем задул злым, холодным ветром, пошел снег, и опять белым-бело на полях и виноградниках.

Илья Абрамович Егудин с утра в поле. Что тут? Как тут? Вода никогда степному Крыму не мешала. Но как бы то ни было, а планы, подготовленные вчера, нужно менять. На полях и виноградниках сегодня делать нечего. Впрочем, забот и без того много: хозяйство крымского ордена Ленина колхоза «Дружба народов» большое. Как и в обычный день, идут по дорогам машины, тяжело груженный троллейвоз сворачивает к стройке, в котельной прибавилось работы.

«Дружба народов» объединяет несколько деревень. Приехавшие когда-то сюда русские поселенцы назвали свое село Петровкой, прибалты нарекли свой поселок Новой Эстонией, украинцы — Миролюбовкой... И сейчас в каждом из этих сел живут русские, казахи, евреи, эстонцы, белорусы. Шестнадцать тысяч колхозных гектаров, фермы и два завода, автопарк с сотнями машин, тракторы и комбайны требуют внимания и ухода.

Прежде отсталое, бедное, едва сводившее концы с концами, а то и сидевшее в долгах хозяйство поднималось до сегодняшнего многомиллионья не сразу. Благополучие, достаток да и размах пришли не сами по себе: с трудом, помноженным на годы, с умением, которым всегда отличались Калининченки, Егудины, Метцы — династии этих представителей разных народов нашей страны работают здесь. Было прежде в артели, когда взял Егудин хозяйство, 60 дворов, дырявый свинарничек, несколько лошадей. Шел народ из артели кто куда.

А всего несколько лет назад, когда в «Дружбу народов» приезжал шведский премьер Т. Эрландер, между ним и И. Егудиным состоялся такой диалог:

Эрландер: Уезжает ли молодежь в города?

Егудин: Да, но сейчас все меньше и меньше.

Эрландер: Можете ли вы конкурировать с промышленностью в привлечении рабочей силы?

Егудин: Можем...

И добавил: У нас есть рабочие почти всех специальностей.

Сейчас едут не из колхоза, а в колхоз. 300—500 писем-заявлений ежегодно присылают сюда, а то и просто приезжают — без предупреждения.

Но если прежде колхозу нужны были и неквалифицированные рабочие, то теперь нужда прежде всего в мастерах высокого класса. Техника пришла в колхоз самая современная. Да и научная деятельность стала обычным делом. Точнее сказать — научно-практическая, потому что работающим тут экономисту Е. Савиной, энтомологу Ж. Мериминской, инженеру Е. Ефименко, агрономам, химикам, садоводам приходится, кроме теоретических, решать и практические задачи. И не будет удивительным, если через год-второй главный садовод артели Иосиф Наумович Блувштейн станет кандидатом наук. В «Дружбе народов» Блувштейн оказался так. Учился в институте, направили его в этот колхоз на практику. Хозяйство тогда было не ахти какое сильное, но сумел рассмотреть молодой специалист его возможности. Направили Блувштейна в Закарпатье, там Иосиф Наумович и отработал несколько лет. Но связи с крымским колхозом не терял, интересовался им. А как только появилась возможность, собрался и приехал. Это он, Блувштейн, заложил в «Дружбе народов» первые крупные сады.

Когда мы попросили Блувштейна показать сады, он, не задумываясь, сказал:

— Поедем к Алексею Дмитриевичу.

А. Д. Бобришев растит сад особый, пальметтный,— крона каждого дерева сформирована необычно. Ветви растянуты и отогнуты вниз, и деревья получаются вроде бы плоскими. Урожай они дают побогаче, чем обычные, а собирать его легче: самая высокая ветвь на уровне человеческого роста. Такой способ формировки кроны Егудин привез из Венгрии, где был несколько лет назад.

Но собирать высокие урожаи помогает не только венгерский опыт. Степной Крым всегда отличался засушливостью, горячими ветрами. На пути их высадили заслоны из пирамидальных тополей, а за водой «ушли» под землю. Есть под крымской степью, на значительной, правда, глубине, большая водяная линза. Добрались до нее артезианскими скважинами — и зажурчали на полях и в садах прозрачные, упругие потоки. А тут еще и Северо-Крымский канал подоспел: часть его проходит по колхозным землям. Словом, пришла вода. Дождевальные установки стоят, широко размахнув кружевные свои крылья,— ждут своего времени. Вся техника приведена в порядок. Приехали мы в третье отделение, к Михаилу Исааковичу Гримбергу. Садов в отделении — 155 гектаров, виноградников — 214, дойные коровы, птица, свиньи. Не управиться без техники.

— У нас ее достаточно...

Гримберг ведет к комбайнам, знакомит с трактористами и комбайнерами Иваном Чуркиным, Яковом Лившицем и Адольфом Метцем. Все трое — уважаемые в колхозе работники. Лившиц предпочитает трактор, Чуркин и Метц работают на комбайнах. Чуркин, когда демобилизовался,— было это

семь лет назад,— приехал сюда просто посмотреть, да так и остался, а Адольф Метц родился здесь, здесь же и десятилетку окончил.

— Как же я без колхоза?

Технику он знает. Любую машину можно доверить. Говорят, это от отца идет, знатного в колхозе человека, награжденного многими орденами. Йоганес Матвеевич сел за штурвал комбайна в 1936 году, в год, когда нынешний председатель Егудин был награжден своим первым орденом Ленина. Сейчас старшему Метцу за шестьдесят, он на пенсии, но работу в колхозе не оставляет и все находит, что где улучшить.

— Это у него потомственное,— сказал один из колхозных инженеров. Да и сам Йоганес Матвеевич вроде бы не отрицает этого.

— От деда. Он еще в 1862 году сюда из Эстонии перебрался. Шел, понятно, пешком. Сам-то ладно: ноги свои, не жалко. А вот корове, чтобы не сбить копыта, придумал обувку.

С той поры в эстонском роду Метцев все изобретают...

А приложить свои знания и умения в «Дружбе народов» есть к чему. И не о коровьей обувке тут идет речь, а о вещах куда более сложных.

Например, аграрно-промышленный комплекс. Три холодильника на семь с половиной тысяч тонн продукции. Вот и сейчас, весной, в них свежие, ни пятнышка, груши, яблоки, виноград... Консервный завод — семь, а то и восемь миллионов банок в год. Бывало, скармливали скоту немалую часть урожая: куда его осенью денешь? А теперь огурцы, помидоры — в банки, под рассол. Яблоки, те, что не продали и не заложили в холодильники,— на сок, а оставшийся виноград — на легкое сухое вино.

И набегает за год по всему хозяйству миллионов двенадцать дохода. Они, естественно, не лежат без дела.

В одном из колхозных сел идет строительство домов городского типа. 1 100 квартир — с газом и телефоном, с горячей водой, спланированных не просто хорошо, а отлично. «Дружба народов» этими домами как бы пригласила в колхоз город, оставив себе при этом все безусловные преимущества села.

— Всегда у крестьянина была потребность в приусадебном участке, в корове,— рассказывает председатель.— Мы продаем колхознику молоко очень недорого — и люди отказываются от коров. Яблоки и виноград, овощи — тоже по себестоимости. Если прежде крестьянина не вытянуть было из домика, за которым свой коровник и огород, то сейчас очередь на получение квартир в многоэтажных домах. Скоро закончим строительство, и начнутся новоселья.

— Придется ходить из дома в дом?

— Не бываю на новосельях. К одному придешь, надо и к другому идти. А в колхозе — тысячи работников. Каждый день у кого-то праздник. Так и работать будет некогда.

Иное дело, конечно, свой, семейный праздник. Самый ближайший — день рождения внучки. Тане исполняется пять лет. Отец ее, Виктор Ильич, средний сын в семье Егудиных. Он механик автобазы. Старший сын, Владимир, главный винодел колхозного завода, а девятнадцатилетний Михаил — шофер. Сыновья тут выросли, тут получили образование, тут и работать начали.

Вроде бы и живут и трудятся все в одном колхозе, а собрать их вместе, чтобы сделать семейную фотографию, оказалось не так-то просто: у каждого дела. У младших их хватает, а уж у старшего... День-деньской Илья Абрамович в хозяйстве. Затемно из дому, затемно домой. Дела у Егудина не только колхозные. Депутат Верховного Совета УССР. Член Союзного Совета колхозов.

...После выступления председателя колхоза «Дружба народов», Героя Социалистического Труда И. А. Егудина на пресс-конференции в Москве, после его искренней и гневной отповеди израильским сионистам пишут Егудину люди — знакомые, а то и вовсе не знавшие его прежде. Письма, письма. Телеграмма: «Сорок четыре человека — дети, внуки и правнуки большой еврейской семьи Фрумы Мейровны Липкович с волнением и радостью прослушали ваше выступление, разоблачающее правителей Израиля... Присоединяем свои гневные голоса к могучей советской правде и готовы словом и делом отстаивать ее».

В колхозе «Дружба народов» живут и работают люди разных национальностей. Работают тут и евреи. До войны их здесь было больше, но во время оккупации Крыма фашисты уничтожили почти всех, кто не успел эвакуироваться. Те, кто уцелел, вернулись после освобождения родных сел и вместе с русскими, украинцами, эстонцами, мордвинами, казахами, чувашами и молдаванами восстановили хозяйство и своим трудом принесли ему богатство и известность.

...Живут на своей земле люди, скрепленные подлинным братством, делающие одно, общее дело. Живут в колхозе «Дружба народов». Живут на своей Родине.

→ И. А. Егудин: «Это моя земля, это моя Родина!»

В одном из колхозных садов...

Колхозная автобаза. Виктор Егудин среди товарищей по работе.

В таких четырех- и трехэтажных домах живут колхозники.

Анна Мурза и Иосиф Блувштейн в яблоневом саду.

Егудины. Внучки Таня и Инна, жена Виктора Галя, жена Ильи Абрамовича Елизавета Михайловна, Егудин-старший, жена Владимира Светлана. Стоят: Виктор, Михаил и Владимир.

— И вы нашли такой способ?

— Да... Студентки, живущие в общежитии, получали письма и от военных — родителей, братьев, друзей. А на конвертах — обратный адрес. Почтальон бросал письма на стол в холле... Был еще один способ. Во время учебной практики в Подмосковье ко мне на прием приходили жены военнослужащих. В историю болезни вписывались их адреса... Военные люди, воинские части — тут все должно было быть в поле моего зрения. Я следила за передвижением войск в дни подготовки к военным парадам. Записывала номера военных машин, въезжавших или выезжавших из ворот заводов, находившихся под моим наблюдением... Таких заводов было два. Я должна была сообщить, чем они огорожены, как просматриваются снаружи, сколько входов и въездов, система охраны, номера машин, стоящих перед административными корпусами... Пожалуй, все...

— Подумайте, может, это еще не все?

Ольга задумалась, стала вспоминать.

— Было и такое поручение — достать книги, в которых содержатся списки советских писателей, композиторов...

— Вам удалось?..

— Не полностью.... В одном доме я смогла похитить книгу со списками писателей... Но оказалось, что эта книга была издана несколько лет назад... Груда Белана не очень удовлетворила моя микропленка. Он сказал: «Здесь нет молодежи, влившейся в Союз писателей за последние годы. А она-то интересует нас прежде всего...»

— Были ли еще какие-нибудь специальные поручения?

— Были... Покупать путеводители... Почтовые конверты с советскими марками... Малогабаритные будильники, которые можно использовать в качестве контейнеров... Составить подробный план-схему ГУМа.

Потом я должна была взять пробу земли с названных мне четырех мест на улицах Москвы. Места эти были точно обозначены. И еще — подыскать подходящие места для тайников... Меня попросили найти предлог, чтобы поехать в приволжский город и взять там пробу воды. Но я не смогла выполнить такое трудное для меня задание. Хозяева были недовольны и требовали предпринять еще одну попытку. Это уже было в пору вторых летних каникул... Памятное для меня лето.

— Чем оно памятно для вас?

— Я стала женой Германа. Мы встретились с ним на веселой вечеринке в приморском ресторане «Креветка». Мне хорошо помнится тот летний вечер. Было уже далеко за полночь, когда мы вдвоем вышли на берег. В лицо резко ударил морской ветер, пахнущий йодом, водорослями и прелыми листьями. Домой идти не хотелось, и мы гуляли, наслаждаясь красотой лунной дорожки на воде, вдыхая полной грудью острые ароматы моря. В ту ночь мне было очень хорошо на душе, я даже забыла о тяжком грузе, что взвалила на себя, дав согласие тем двум...

Арестованная умолкла, провела рукой по волосам, потом обеими руками обхватила голову.

— Вы устали? — спросил следователь.— Вам нездоровится?

— Нет, благодарю вас... Сейчас я продолжу свои показания... Та ночь глубоко врезалась в память. Так ведь бывает: одна ночь, больше чем год. Это произошло в ту пору моей жизни, которую нельзя измерить обычным счетом времени,— я впервые задумалась над тем, куда затянет меня ловко брошенная сеть, к чему приведет мое, мягко выражаясь, легкомыслие, цинизм, жажда денег, каким бы способом они ни добывались. Вы мне не верите, улыбаетесь?

— Нет, почему же... Всякое бывает. Но я хотел бы знать, был ли то голос пробудившегося разума?

— Нет, увы, это было не так. Обычный животный страх взбалмошной девчонки, которую в какую-то минуту осенила страшная мысль: «Подумай, какой дорогой ценой дадутся тебе те деньги, смотри, как бы не пожалела потом. Хватка у них железная, не вырвешься».

Но я по-прежнему оставалась верной принципу — брать от жизни все, что можно взять от нее. И в ту ночь, не знаю почему, мне казалось, что Герман, сын весьма обеспеченных родителей, молодой человек с большим будущим — он имел шанс пробиться в крупные журналисты — сумеет дать мне в жизни все, что хочется иметь взбалмошной женщине, и поможет порвать те узы, которыми я связала себя с разведкой. Страх и расчет!

Где-то далеко-далеко за лесом уже занимался рассвет, а мы все еще шли по берегу и уже в который раз объяснялись в любви и говорили друг другу какие-то возвышенные слова о верности, долге, о нашем будущем. Позже, когда я вспоминала про эти возвышенные слова, мне было как-то неловко и смешно.

Вскоре сыграли свадьбу. Мы отправились в свадебное путешествие. На шикарном судне. Поздно вечером мы вышли на палубу. Долго любовались, как волны, разбиваясь о борт судна, рассыпались брызгами, как одиноко мерцали редкие звезды в черном туманном небе. Я предложила пойти в каюту — стало холодно.

— Подожди, мне надо тебе сказать...— И он почему-то боязливо оглянулся по сторонам.

...В тот вечер он мне сообщил, что все знает обо мне, о моих связях с Карен Милз и Грудом Беланом, что работать на них нам придется вместе, помогая друг другу.

На какое-то мгновение передо мной открылось совсем другое лицо Германа — лицо жестокое, свирепое, глубоко запрятанные под широкие брови глаза смотрели на меня холодно и расчетливо. Я молча выслушала его признание и тяжело вздохнула. Он спросил:

— Что ты вздыхаешь? Нам будет хорошо. У нас будет много денег. Они должны платить и мне и тебе. А такая красивая, как ты, должна быть богатой, очень богатой...

— Но у нас будет много трудностей на пути к богатству,— сказала я.

И тогда, задрав нос кверху, Герман, словно он вещал с амвона, изрек: «Per aspera ad astra!» (Через трудности к звездам!).

— Вот они, эти звезды! — Ольга иронически улыбнулась и посмотрела на следователя глазами, полными глубокой печали и боли...— Но я, кажется, отвлеклась... Так, на чем я остановилась? Да, свадебное путешествие... Первые радости медового месяца и горькое похмелье...

Родители мои словно чувствовали это и все допытывались: «Почему ты такая грустная?» Они, конечно, ничего не знали. Они прокляли бы меня... Отец был участником движения Сопротивления, среди подруг матери были коммунистки. А я... Продалась... Ну что же, быть по сему — и, закусив удила, пустилась вскачь...

Наступил день моего отъезда в Москву. Меня снова инструктировали. «Ваша главная задача — непрестанно расширять круг знакомых, изучать их, поставлять нам данные о них». Я догадывалась, что в Москву под видом туристов приезжают мои «коллеги». Но Карен строго предупредила: никаких встреч, никаких бесед с ними. Никто до поры до времени не будет вас инспектировать, и вы никому не подотчетны в Москве». О выполнении задания я должна была докладывать, вернувшись домой, сдавая все собранные материалы. Я приезжала на родину, в тот же день отправляла открытку по условному адресу — текст был стандартный: «Дорогая Рит! Вчера я вернулась из продолжительной поездки. Все хорошо, плохо только, что моя глухота прогрессирует, совсем неважно стала слышать. Привезла тебе обещанную гранатовую брошь. Скоро увидимся. Целую. Ольга».

Кто такая Рит? Понятия не имею. Думаю, что такой вообще не существует. Видимо, псевдоним, придуманный для связи с Карен и Грудом. Да и эти тоже скрываются под псевдонимами. На второй день после того, как я опускала в почтовый ящик открытку, раздавался телефонный звонок. Меня вызывали на встречу. Сперва я отчитывалась устно, а потом мне говорили: «...об этом напишите подробнее». И два-три дня я писала свой отчет. Сдавала его и получала вознаграждение. Деньги платили большие, но платили по-разному. Если в докладе оказывались сведения, представляющие особо большой интерес, ставка повышалась. Иногда даже до двухсот процентов. Так, в частности, было, когда я достала не только основные данные о студенте МВТУ, который влюбился в меня, но и скупые сведения о его институте, о его учебной практике в Севастополе, включая фотокопии с некоторых листов студенческого конспекта.

Но иногда я оставалась в недоумении. Мне, например, казалось, что заслужу самой щедрой награды за свои сообщения о докторе Васильевой и ее дочери, студентке Марине. Глава этой семьи Эрхард оказался шпионом и в первые же дни войны бежал к гитлеровцам. Сейчас он работает на какую-то разведку. Однако это мое сообщение было воспринято равнодушно, спокойно, без дополнительных вопросов. Вскоре я поняла, в чем тут дело: хозяевам многое уже было известно и об Эрхарде и о его семье. И только значительно позднее от меня потребовали письменного доклада о докторе Васильевой и ее дочери Марине, их друзьях и знакомых.

...Следователь внимательно слушает Ольгу, стараясь не прерывать ее. Но сейчас он не может не спросить:

— Какую характеристику вы дали Марине?

— Сложная, противоречивая натура. Остатки былой озлобленности, склонность к фронде и порой стремление обязательно высказать свою особую, оригинальную, отличную от общепринятой точку зрения на острые вопросы жизни — все это не может не заинтересовать наших людей. Даже при наличии у этой девушки таких качеств, как честность, неподкупность, принципиальность, желание глубоко осмыслить окружающий мир. Я предупреждала своих хозяев — это бочка яда, злости, ненависти, но девушку нельзя купить... Любовь и преданность своей стране в ней намного сильнее озлобленности и фрондерства... Сама она иногда позволяет себе смотреть на некоторые стороны советского образа жизни сквозь дымчатые очки, но, как тигрица, набрасывается на того, кто посмеет чернить эту жизнь в главных ее проявлениях... Да, купить ее нельзя. Скорее можно запугать — она несколько боязлива. Страх преследовал ее с детства... И у нее есть уязвимое место — слепая любовь к матери. Лишь бы не потревожить маму... Я говорила об этом и господину Зильберу...

— Вы показали, что вам было запрещено встречаться с вашими коллегами по разведке. А как же Зильбер?

— Меня предупреждали: обстоятельства могут сложиться так, что в Москве я должна буду встретиться и помочь нашему человеку. На этот случай был дан пароль: «У меня для вас имеется гранатовая брошь». Человеку, который произнесет эту фразу, можно верить, помогать, отвечать на его вопросы...

Однажды ко мне в общежитие позвонил иностранец и сказал, что привез небольшую посылку от моих родных. Мы условились о встрече. Посылки не было. Был пароль: «У меня для вас имеется гранатовая брошь». Это сказал Зильбер.

После первых же его вопросов я поняла: среди других заданий разведчика есть и такое — проверить мою работу на месте. В частности, он попросил меня подробно рассказать, как выполнялась операция закладки тайника в Донском монастыре. Вопрос насторожил, точнее, напугал. Усилил тревогу.

— А для этого были основания?

— Да, были... Летом ко мне приехал Герман и сообщил о важном поручении центра — это было, пожалуй, первое небезопасное дело, которое доверялось мне. Я получила от Германа материалы, необходимые для зашифровки и расшифровки текстов, а также большую сумму советских денег. И тут же инструкция: в начале сентября ежедневно бывать на улице Горького, на Главном телеграфе и заглядывать в будку телефона-автомата — при входе первый справа. На стене будет знак «W», начертанный угольным карандашом. Как только появится такой знак, я должна во второе воскресенье сентября, рано утром, не позднее шести часов, отправиться во двор Донского монастыря и, согласно полученному мною плану, отыскать там тайник, заложив в него все, что передал мне Герман. Я не знала, кому это предназначено, и была строго предупреждена не пытаться узнавать. Во вторую субботу сентября объявление появилось. Я помчалась в общежитие. К счастью, подруга ушла в кино, и я имела возможность тщательно упаковать в газету...

— Вы не помните, в какую?

Ольга удивленно посмотрела на следователя.

— Помню... В «Медицинскую газету».

— Вы ее выписываете?..

— Нет... Точнее, выписала на первое полугодие, а на второе пропустила сроки подписки. Но все те номера газеты, которые меня интересовали по ходу занятий, мне охотно давала доктор Васильева... Она давний подписчик этой газеты...

— Ясно... Продолжайте... Итак, вы тщательно подготовили пакет.

— И рано утром, сказав, что еду на аэродром провожать родственницу, отправилась в Донской монастырь.

По инструкции, в среду я снова должна была пойти туда же, на Главный телеграф. В той же будке рядом с «W» появится буква «R». Это сигнал, подтверждающий, что все в порядке. Нет буквы «R» — значит, беда. Условленного знака не оказалось. Ни в четверг, ни в пятницу, ни в последующие дни... Я потеряла покой, страшно испугалась. Стала вспоминать до мельчайших деталей, как закладывала тайник. Мне казалось, что все правила конспирации были соблюдены строжайшим образом. И вдруг провал. Неужели это я виновата? Значит, за мной продолжают следить?.. И вот от Зильбера узнаю: человека, которому предназначалось содержимое тайника, провалил один из наших разведчиков, за что и понес суровое наказание. Там, в центре, естественно, догадались, в каком тревожном смятении я нахожусь, и, видимо, поручили Зильберу внести ясность: «Вас не винят».

— Передать вам поручение центра — это было единственное задание Германа?

— Нет... Он должен был проехать на машине по дороге, проходящей через некоторые районы Подмосковья...

— Какие? Вот вам карта... Покажите...

Ольга сразу же прочертила карандашом маршрут.

— Мы воспользовались приглашением моего однокурсника. Его родители живут в деревне, дорога к которой идет примерно тем же маршрутом.

— Что интересовало вашего мужа?

— Линии электропередач, радарные установки, промышленные объекты, встречавшиеся в пути военные машины. Он тайком записывал их номера...

— Это его запись?— следователь протянул коробку для сигарет, на которой был записан номер машины.

— Нет, в данном случае моя. Мы дублировали друг друга. Вечером мы долго искали эту коробку...

— Что еще привлекало внимание вашего супруга?

— Мы остановились на берегу реки, чтобы набрать бутылку воды...

А. ЗУБОВ, Л. ЛЕРОВ, А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Окончание. См. «Огонек» №№ 4—13.

— Ясно. Как оценивал Герман результаты поездки?

— Сдержанно... Хотя был очень доволен неожиданным знакомством... К нашему пикнику присоединился гражданин, отрекомендовавшийся Семеном Опанасенко.

И Ольга подробно рассказывала о том, что уже хорошо известно следователю,— как человек по кличке «Толстый» стал выполнять их поручения.

— Герман дважды встречался с ним в Москве. «Толстяк» достаточно откровенно поведал о себе, о своих делах до ареста. Герман осторожно дал ему понять, что услуги таких людей, как «толстяк», всегда высоко котировались и будут котироваться. Тем не менее муж приказал мне до поры до времени держаться подальше от этого типа, пока он не посоветуется с хозяевами, пока не придет условная телеграмма: «Твое письмо получил, спасибо». Значит, «толстяка» можно использовать. Такая телеграмма пришла. Видимо, его фамилия значилась где-то там в досье. Он до ареста работал против вас. Но даже после получения телеграммы я должна была прибегать к услугам «толстяка» осторожно, втемную.

— Хороша темная! Вы же ему давали прямые шпионские поручения,— заметил следователь.

— Да... Соблазнительно было. Когда Зильбер приехал в Москву, он при первой же встрече со мной поинтересовался «толстяком». И был весьма доволен, узнав, что человек этот как раз в эти дни находится в Москве.

— Что вам известно о заданиях, которые выполнял Зильбер в Москве?

— Я уже говорила: проверить мою работу на месте и лично познакомиться кое с кем, на кого я давала материал.

— И это все?

— Нет... Ему удалось перевезти через границу сфабрикованные газеты «Футбол». Внешне они ни в чем не отличались от такого же советского издания. Ну, а по содержанию... Содержание вам известно.

— Какова ваша роль в распространении этих фальшивок?

— Я подсказала исполнителя — «толстяка». Из списка людей, за которыми я вела наблюдение во время учебной практики в Подмосковье, выбрала одиннадцать человек и дала их адреса. Это главным образом учащаяся молодежь. С некоторыми из них я познакомилась поближе на одном из лесных пикников, устроенном моим поклонником, местным хирургом. Мне казалось, что настроения этих молодых людей таковы, что фальшивка попадет на благодатную почву... Я дала Зильберу еще один адрес — студгородок, в котором бывала два-три раза, и знала, как туда легче всего проникнуть, куда следует положить газеты...

— Вы показали, что Зильбер имел задание установить контакт с Мариной Васильевой. Вы содействовали этому?

— Частично... Когда мы всей компанией возвращались со студенческого вечера, Марина со своим знакомым Николаем Бахаревым пошла в ресторан «Метрополь». Я тут же из автомата дала знать об этом Зильберу... Его очень заинтересовал друг Марины литератор Николай Бахарев. Я познакомилась с ним в доме Васильевых, и мне казалось, что Бахарев именно тот человек, который может привлечь внимание наших людей. Именно так я охарактеризовала его в своем сообщении Зильберу. Его очень заинтересовала причастность этого человека к миру литераторов, хотя он был несколько озадачен, не найдя его фамилии в своем списке членов Союза писателей. Я объяснила ему, что Бахарев еще только начинающий литератор и у него все впереди, его, конечно, примут в Союз. Зильбер согласился со мной и стал настойчиво добиваться встречи с другом Марины. И не без моей помощи кое-чего добился. Мне удалось свести их вместе в ресторане «Колос» на ВДНХ, а Зильбер ухитрился каким-то образом затащить Бахарева к себе, в номер гостиницы. О чем они беседовали там, мне неизвестно. Перед отъездом, во время нашей мимолетной встречи, Зильбер на ходу, скороговоркой передал свои впечатления от этой встречи. Он примерно сказал так: «Ничего определенного сообщить не могу. Бахарев оказался юношей с более сложной натурой, чем я предполагал. С ним надо работать, его нужно изучать. На таких выигрывают, но на таких иногда и проигрывают». Последние его слова я запомнила хорошо...

— Уезжая, Зильбер оставил вам какие-нибудь инструкции?

— Он просил меня продолжать наблюдение и за Мариной и за Бахаревым, но не предпринимать без согласования с центром каких-либо активных действий. Кроме того, он сообщил мне о намерении центра использовать меня как передаточный пункт для доставки в Россию пропагандистских материалов на русском языке, в том числе и тех, которые пишутся в вашей стране, а печатаются в свободном мире. Зильбер сказал, что в ближайшее время будет организовано поточное микрофильмирование многих таких материалов. Микропленки через меня будут направляться определенным лицам для проявления, размножения и распространения. Я поняла Зильбера таким образом, что центр обеспечит доставку микропленок мне в Москву. А я, в свою очередь, обязана через тайники передавать эти микропленки третьим лицам. Кто они, Зильбер не сказал. Микрофильмирование предполагало и такое: в Москве я буду получать от каких-то лиц микропленки для отправки центру. Зильбер назвал всю эту операцию бесконтактной связью. Такую связь мы с ним отрабатывали в дни его пребывания в Москве. Зильбер сказал: «Пусть это будет для вас тренировкой». Он привез с собой магнитный контейнер, внешне ничем не отличающийся от спичечной коробки советского производства. Только взяв в руки эту спичечную коробку, можно было определить, что она металлическая и при соприкосновении с другим металлом накрепко прилипает к нему. Я имела возможность лично убедиться в этом, используя для такой отработки бесконтактной связи тайник в Архангельском. К тренировке был привлечен и «толстяк». Однако в последние дни пребывания Зильбера в Москве я вынуждена была прибегнуть к этому тайнику уже не в порядке учебы. Так сложились обстоятельства... Я поддерживала связь с Зильбером или открытыми телефонными разговорами, или, по наиболее ответственным делам, передачей кодированных записок. Мы пользовались тем, что в ваших универмагах толпы народа и люди пробиваются к прилавку, будучи весьма плотно прижаты друг к другу. Но однажды я заметила за собой то, что принято у разведчиков называть «хвостом». Кто-то из ваших сотрудников работал неточно, грубовато. Мне удалось «оторваться» от «хвоста», лишь прибегнув к хитрости,— я скрылась из зала кинотеатра «Метрополь» во время киносеанса. Следивший за мной агент остался в зале.

— Вам предъявляется изъятая у вас при обыске записная алфавитная книжка в голубом кожаном переплете. Она принадлежит вам?

— Да.

— Дайте пояснения по существу некоторых записей. Что значит запись на последней странице: «Концерт Баха». И рядом несколько цифр.

— Зашифрованный телефон Бахарева. Из каждой пары цифр надо вычитать 25.

— Он сам дал вам свой телефон?

— Нет. Я выкрала из сумки Марины Васильевой ее записную книжку и переписала телефон Бахарева, а потом незаметно положила книжку на ее письменный стол.

— На предпоследней странице есть такая запись: «Св. 40, Мол. 50». Что это значит? Расшифруйте.

— Пожалуйста: «Свечи стоят 40 копеек, молитвенники 50». Это запись, связанная с заданием, которое я получила в Москве от мужа, Германа. Он передал мне ряд поручений деятеля русской эмиграции, действующего в контакте с моим шефом. При этом Герман подчеркнул: «Считай, что ты получила задание шефа».

— Как зовут эмигранта?

— Истинная его фамилия мне неизвестна. А кличка — «Константин».

— Что требовал от вас Константин?

— Я должна была собрать широкую информацию о художниках, изучающих живопись монастырей, церквей — особенно в северных краях России; о так называемых подпольных советских литераторах — биографии, политические взгляды, почему их произведения не издаются в СССР, над чем работают; составить справку — отношение студенческой молодежи к разным литературным журналам, издаваемым в Москве и Ленинграде. И, наконец, совсем новое для меня дело — побывать в московских церквах, побеседовать с верующими и священниками.

— Что вы должны были выяснить в этих беседах?

— Нет ли нарушений закона о свободе вероисповедания. Много ли среди верующих молодежи. Печатаются ли церковные книги, где их достать, сколько стоят свечи, молитвенники. Возрастной состав священников, содержание их проповедей. Как много свободных мест в церковных приходах для семинаристов, оканчивающих духовные училища.

— Вы выполнили это поручение?

— Частично. Я побывала в церквах Троицы в Хохловском переулке, Николы в Хамовниках и в церкви Донского монастыря. Беседовала с верующими и со священниками. Но считаю, что еще не располагаю достаточно полной информацией для ответа на поставленные вопросы. Однако мне уже сейчас ясно: некоторые ответы верующих не обрадуют шефа. Верующие выражали недовольство по поводу того, что были случаи, когда священники покидали церкви и выступали с лекциями на атеистические темы.

— А как с поручением Германа касательно «подпольных литераторов», литературных привязанностей студентов?

— О, это чрезвычайно емкое и многостороннее задание... Очень сложное... Рассчитанное на длительное время... Я немногое успела...

— Это все, что вы можете ответить на мой вопрос?

— Чего же вам более?

— Я рекомендовал бы вам придерживаться иной тональности на допросе. Ясно?

— Благодарю вас... Прошу прощения. Я хочу добавить к сказанному следующее: я возлагала большие надежды на Бахарева... Но в беседах он высказывался по интересующим меня вопросам очень туманно. Мне кажется, что встреча Зильбера с Бахаревым была более результативной. Перед отъездом на каникулы я стала активнее контактироваться с Бахаревым. Но, увы, женская ревность!.. Марина вела себя, как тигрица... И все же я буквально за несколько дней до отъезда договорилась с Бахаревым, что после возвращения в Москву мы пойдем ужинать в Дом литераторов. Конечно, вместе с Мариной. Он в шутку заметил: «Я обеспечу вам, Оленька, кавалера... Очень популярного писателя... Но, увы, обстреливаемого всеми калибрами официозной критики». А потом обстоятельства сложились так...

Она помолчала, а когда опять заговорила, голос ее внезапно стал глухим.

— Я постараюсь искупить свою вину... Я сознаю ее... И готова подробнейшим образом ответить на все ваши вопросы.

— При обыске в вашем правом туфле был обнаружен тайник. Кто дал вам эти туфли, как вы использовали их?

— Туфли мне дала Карен, когда я в последний раз была дома на каникулах. За несколько дней до отъезда в Москву. Мы встретились на явочной квартире. Карен сняла со своей блузы гранатовую брошь, вынула из нее булавку и концом, противоположным острию, служившим ей отверткой, вывинтила четыре шурупа, крепивших каблук, и ловко отделила его от туфли. Каблук был полый. Карен объяснила: «В этом полом каблучке ты будешь перевозить через границу микропленку, отсюда в Москву, но возможно, что в будущем придется возить и из Москвы. Какую микропленку, узнаешь потом, в следующий приезд. А пока надевай туфли и носи их как можно больше. Считай это экспериментом.

Затем она попросила поставить каблук на место с помощью все той же булавки. У меня это сразу получилось. Карен была довольна. И между прочим заметила: «Здесь неплохо хранить ампулу с кураре». И весело засмеялась. Я ничего не ответила. Я не была уверена, что это шутка... Кураре, как известно, яд...

Тогда же Карен сказала: «Носи туфли до самого отъезда из Москвы и постарайся забыть, что под твоей правой пяткой тайник». Видимо, она обладает каким-то даром внушения. Я действительно забыла о существовании тайника под пяткой и сдуру попросила Марину отдать эти туфли частному сапожнику, чтобы отремонтировать носок оторвавшейся подметки. Беспечность обошлась дорого. Видимо, я плохо усвоила уроки конспирации. Я спохватилась через несколько дней после того, как туфли были отданы сапожнику. Спохватилась и ужаснулась. Тут же позвонила Марине и, сочинив легенду о предстоящем семинаре, попросила ее забрать туфли и привезти их мне. Сказала, что они срочно нужны. Сама я не могла поехать — ждала важное сообщение от своего поклонника, студента МВТУ, об одном московском ученом. Мои хозяева весьма интересовались им...

— Знали ли о вашей преступной работе Васильевы? Может, догадывались?

— Нет. Ни в малейшей степени.

— А ваши родители?

— Нет... Я уже говорила — они прокляли бы меня.

— Вы несколько лет занимались изучением политических настроений окружавших вас молодых людей. Не требовали ли ваши хозяева, так сказать, общих соображений о мировоззрении, тенденциях развития духовного мира советской молодежи? В прямой или иной форме?

— Нет... Впрочем, был такой разговор с Карен во время моей последней встречи с ней. Она показала мне одну из наших газет с антисоветской статьей, подготовленной Мюнхенским институтом по изучению СССР. В ней красным карандашом было подчеркнуто несколько строк, и Карен просила внимательно прочесть их. Если мне память не изменяет, в статье шла речь о том, что современная советская молодежь, как та, что готовится к вступлению в армию, так и находящаяся в ее рядах, политически и идеологически не готова к тому, чтобы сознательно пожертвовать жизнью во имя так называемого социалистического отечества. Автор утверждал, будто в СССР молодой человек — и призывник и солдат — не отвечает тем морально-политическим требованиям, которые необходимы для решающей победы СССР в мировом вооруженном конфликте.

Когда я прочла эти строки, Карен спросила: «А вы как считаете, автор дает правильную оценку? Нам важно знать, что это — наша пропаганда или реалистическая картина? Мы не имеем права заблуждаться там, где речь идет о мобилизационной готовности возможного противника». Я хотела тут же ответить Карен, но она остановила меня: «Я не тороплю вас ответом. Вопрос слишком серьезный. Проанализируйте ваши многочисленные беседы с молодыми людьми в СССР. Завтра мы снова с вами встретимся. Я попрошу изложить ваши соображения письменно». На следующий день я передала Карен листок бумаги, на котором было написано примерно следующее: «Автор статьи глубоко заблуждается. Да, в СССР есть небольшая категория молодежи, охваченной духом непрестанного сопротивления, бунтарства. Но, мне кажется, что для нас весьма рискованно делать ставку на эту ничтожную часть советской молодежи. Да и эти ребята, как мне думается, в случае, когда дело дойдет до военных столкновений, будут преданнейшими солдатами. Среди всех и самых разных их чувств все же главным, решающим остается необычайной силы любовь к своей стране, к своему народу. Что же касается фронды или какой-то группы молодежи, на которую мы рассчитываем, то я не могу не согласиться с метким замечанием одного француза, с которым я как-то беседовала в Москве,— он приезжал в гости к моей коллеге. «Фронда молодых,— сказал француз,— это болезнь эпохи, она исчезнет, как исчезают прыщи на лицах юных, испытывающих в известном возрасте волнение крови». Карен, видимо, была не очень довольна моим письменным ответом и, сухо поблагодарив за откровенность, спросила, однако: «А вы не ошибаетесь?» Я твердо ответила: «Нет, не ошибаюсь».

* * *

В другой раз Марина Васильева пришла в Комитет госбезопасности уже по вызову.

Следователь не сказал ей об аресте Ольги — для Марины она уехала домой на зимние каникулы,— но по характеру некоторых вопросов Васильева стала догадываться о повышенном интересе контрразведки к жизни иностранной студентки. И Марина откровенно рассказала все, что знала, что думала о своей подруге.

Разговор был долгим и касался, конечно, не только Ольги, но и ее самой. Может, впервые здесь, лицом к лицу со следователем, отвечая на его вопросы, Марина остро ощутила нависшую над ней опасность — бог ты мой, как легко можно было покатиться по наклонной! И Васильева честно призналась в этом следователю.

А впереди еще один трудный разговор и неожиданное открытие.

После допроса ее проводили в кабинет Птицына. Марина не удивилась встрече с человеком, перед которым совсем недавно излила свою душу. Она решила, что допрос будет продолжен. Васильева стояла перед Птицыным усталая, растерянная, поникшая, и бледное лицо ее выражало глубокое душевное волнение.

Птицын предлагает ей сесть, а она все еще стоит, словно не слышит или не понимает его слов. И Александр Порфирьевич повторил:

— Садитесь же! А то ведь и я должен буду встать. Вот так... Кофейку не угодно ли? Воды? Извольте...

Она выпила стакан воды.

— Вы не волнуйтесь. Самое страшное позади. Я разговаривал со следователем. Он сказал, что ваши показания для дела важны, и при этом подчеркнул их объективность и откровенность. Со своей стороны я признателен вам за то, что вы в тот раз сами пришли к нам. Вы и тогда были искренни, но я не мог быть с вами откровенным до конца. На это были свои основания. Они отпали. Сейчас я могу сообщить вам нечто такое, что должен был скрывать от вас...— Птицын запнулся, на какое-то мгновение окинул взглядом удивленное лицо Марины и продолжал:

— Дело в том, что Николай Андреевич Бахарев — наш сотрудник. Больше того, он работает под моим началом и действовал по моим указаниям...

Теперь уже не удивление, а изумление на лице потрясенной девушки. Она силится что-то сказать, но, видимо, не может. Нет сил, нет слов. Перехватило дыхание. Комната расплылась в каком-то тумане. Марина судорожно уцепилась за край стола. Теперь на ее лице можно было прочесть не только изумление, но и досаду, гнев и даже страх. Большие глаза ее вопрошали: «Зачем же так...» И, перехватив ее взгляд, Птицын говорит:

— Поймите, товарищ Васильева, так надо было!

...В тот вечер Марина несколько раз подходила к столику, поднимала телефонную трубку, начинала набирать номер. Наконец она решилась и все же позвонила Бахареву. Она отчетливо видела перед собой лицо человека, ставшего для нее близким и теперь неожиданно далеким: неужели так надо было? Она слышала его нетерпеливый голос: «Алло! Алло! Кто говорит?» Не ответила. Молча опустила трубку на рычаг. И вдруг в ее почти потухших глазах сверкнула надежда. Марина снова звонит Бахареву и глухим голосом говорит:

— Николай Андреевич!— Так она называет его впервые.— Я все знаю. Меня вызывали на допрос. Я была у вашего шефа... Мне было сказано: «Так надо было...» Это и ваше мнение?

Бахарев не сразу ответил. На какое-то мгновение ему захотелось весело, как он это обычно делал при встрече с ней, выпалить что-нибудь приятное, успокаивающее. Помедлив, сдержанно, с трудом скрывая душевную теплоту, выпалил на одном дыхании:

— Марина... Ты пойми... Это все очень сложно...

— Мне ясно,— отчужденно-холодно отчеканила она.— Значит, и ты так считаешь... Значит...

— Никаких «значит», Мариночка! Ты должна все понять...—И Бахарев на мгновение умолк, словно подыскивая самые нужные сейчас слова.

Никогда еще так остро не ощущал он, насколько глубока и полна его привязанность к этой девушке, столь необычно и сложно появившейся на его пути. Бахарев весь день готовился к этому разговору с ней. Он уже знал о встрече Птицына с Мариной. Знал о реакции генерала Клементьева на эту встречу. Бахарев находился в кабинете Александра Порфирьевича, когда к концу рабочего дня подполковнику позвонил генерал. Клементьев интересовался, как прошла беседа с Васильевой и, в частности, что сказали ей о Бахареве, сумели ли объяснить все... И, судя по выражению лица Александра Порфирьевича, генерал был чем-то недоволен.

— Черт те что получилось,— отхлебывая горячий кофе, бурчал расстроенный Птицын.— Докладываю генералу: объяснили, мол, девушке коротко и ясно. Сказали: «Так надо было». А генерал не без иронии заметил: «Это все, что ты мог сказать ей, Птицын? Маловато... Немного у тебя слов нашлось при той психологической коллизии. Думал я, что для девушки, перенесшей столько горестей, найдешь слова потеплее.— И добавил: — Позвоните ей и попросите, если может, пусть завтра придет ко мне». И нам с тобой велено быть там. И Крылову. Об остальном, сказал, сам позаботится. Вот так... Ну, чего молчишь? Ишь, как сияет товарищ Бахарев. Черт те что...

И тут же Птицын, напомнив Николаю про давнишний их разговор о Марине: «По душе ли тип такой?» — с лукавством спросил: — Так как же, и сейчас на тот мой вопрос ответить затрудняешься? Мне-то ты теперь сможешь ответить... Все на свое место стало... А с Мариной, вероятно, разговор у тебя тяжким будет...

И вот он идет, этот разговор...

Бахарев продолжает все на той же ноте:

— Мариночка, ну что же ты молчишь? Я взываю к твоему разуму и сердцу. Разреши мне сейчас приехать к тебе...

— Нет, не надо... Нужно все обдумать. Ты взываешь к сердцу, которое не выдержало испытания,— было пылким, но слепым... Это все не так просто...

— Да, это все сложно, но объяснимо. Я хотел бы... Алло! Алло! Кто нас разъединил?

Разъединила Марина. Не попрощавшись, положила телефонную трубку. Затем, тяжело ступая, подошла к балконной двери, прижала голову к холодному стеклу — на улице шел мокрый снег. Стала прислушиваться: не раздастся ли телефонный звонок? Нет, Бахарев не звонил. Тишина! Только слышно, как по оконному карнизу без конца тенькает ледяная капель.

Ее вывел из оцепенения звонок. Она бросилась в переднюю к телефону. «Николай... Пусть приезжает... немедленно». Но это звонил Птицын.

— Марина! Сможете ли вы еще раз приехать к нам завтра? Когда? Когда вам удобно. Хорошо, в три часа.

...Бледная и взволнованная, переступила она порог большой светлой комнаты. Генерал поднялся, зашагал ей навстречу.

— Здравствуйте, Марина! Рад вас видеть. Только хмуриться не надо. Знакомьтесь: Крылов Иван Михайлович. А с этими товарищами вы, кажется, уже знакомы.— И, улыбнувшись, кивнул в сторону Бахарева и Птицына.

Марина смущенно, растерянно оглядывается по сторонам. На длинном полированном столе — ваза с красными розами. Коробка конфет. Что все это значит? Зачем ее сюда позвали? А генерал продолжает:

— Присаживайтесь... Вот сюда... Что будем пить: кофе, чай?.. Николай Андреевич! Вы себя неприлично ведете — рядом такая девушка, а вы словно в рот воды набрали и никакого внимания. Я-то в ваши годы... Прошу вас...

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

В московском Доме журналистов состоялась традиционная встреча с читателями журнала «Огонек».

Главный редактор А. В. Софронов рассказал собравшимся о работе коллектива в ленинском юбилейном году, о планах редакции.

С волнующим рассказом о боевых делах в военные годы выступил Герой Советского Союза, полный кавалер ордена Славы И. Г. Драченко.

Композитор Вячеслав Овчинников познакомил слушателей со своими произведениями.

Во встрече приняли участие сотрудники редакции: зам. главного редактора Б. В. Иванов, главный художник И. В. Долгополов, редактор международного отдела Н. Б. Пастухов, редактор фотоотдела Д. Н. Бальтерманц, зав. военно-патриотическим отделом В. В. Павлов, зав. отделом писем Л. Г. Мурашова.

Увенчанный

Ц. СОЛОДАРЬ Рассказ

Подледный лов на сей раз до обидного не удался, и Сергей Маркелыч Адрианов возвращался домой далеко не в лучшем настроении. Больше всего боялся он сочувственных взглядов и вздохов жены: в подобных случаях Анна Степановна обходилась с мужем так, словно он занемог или запорол сложную деталь.

Опасался старик и дотошных расспросов многочисленных знакомых. Как назло, именно в такие часы они встречались чуть ли не на каждом шагу. Вот почему, сойдя с автобуса, Адрианов вознамерился пойти домой окольными переулочками. Но его остановил возглас Колоскова — сухонького старичка, с которым они в один и тот же день ушли с завода на пенсию. Ныне они состояли в общественном совете старых производственников, и Адрианов окончательно убедился, насколько въедлив бывший король заводских фрезеровщиков.

— Приветствую и поздравляю, Маркелыч! — крикнул Колосков густым, шаляпинским басом, столь не вязавшимся с его щуплым сложением.— С тебя причитается!

Предвидя иронические поздравления с богатейшим уловом, Сергей Маркелыч сухо отрезал:

— Не с чем поздравлять. Ничего с меня не причитается.

— Ты что, старый хрыч, выкаблучиваешься?

В голосе Колоскова зазвучало такое неподдельное изумление,

лаврами

что Адрианов остановился, забыв даже спрятать за спину прозрачный синтетический мешочек с четырьмя худосочными плотвичками.

— Глядите, люди добрые, на этого зазнавшегося лауреатского батьку,— не унимался Колосков.— Народ радуется, а он строит из себя...

— Какого батьку?

— Ла-у-ре-атс-ко-го. По Всесоюзному радио передавали. Сынку твоему лауреата присудили. Первая программа, последние известия.

Но Адрианов уже не слышал Колоскова. Только пробежав с десяток шагов, он опомнился и, не останавливаясь, крикнул:

— Заходи, Петрович, вечерком! Действительно причитается!

...По блестевшим от слез глазам Анны Степановны старик на пороге понял, что ей уже известна радостная весть.

— Представитель тебя дожидается! — с укором воскликнула она и внушительно пояснила: — Представитель печати.

Означенным представителем оказалась миловидная девушка с детским румянцем во всю щеку. Выхватив из сумочки толстенную шариковую ручку с иглами пяти цветов, журналистка с места в карьер принялась интервьюировать счастливого отца.

— Откровенно говоря, вы, конечно, ожидали, что ваш сын окажется лауреатом?

— Откровенно говоря, мы с Анной Степановной не ожидали,— солидно ответил Адрианов.

— Но почему? Ведь уж кому-кому,— улыбнулась журналистка,— а вам-то хорошо известно, что он первоклассный...

— Мне хорошо известно,— строго прервал девушку Сергей Маркелыч,— что и трех лет не прошло, как он училище закончил. А в таком деле требуются, можно сказать, годы и годы...

— И тем не менее вашего сына еще в прошлом году тарифицировали как...

— Тарификация, девушка, тарификацией, а талант талантом.

— Прекрасно сказано,— оживилась девушка.— Талант, дарование, способности — это решающее для любой профессии! И, чувствуя склонности вашего сына, вы, конечно, одобрили его выбор?

Покосившись на жену, Сергей Маркелыч помедлил с ответом.

— Кривить душой не буду. Сначала противился. А потом рассудил, что нестоящего в училище никак не возьмут. И сказал сыну: примут — значит, вот она, твоя дорога.

— Отцовская дорога.

— Ну, таких, девушка, как я, у нас, можно сказать, пруд пруди...

— Не надо преуменьшать,— назидательно сказала журналистка.— По газетной подшивке я установила, что ваше имя, Сергей Маркелыч, гремело не только у вас на заводе, но по всему городу!

— Гремело. Да совсем по другой линии,— не унимался Адрианов.— А вот с этой линии я быстро сошел...

— Так тебе ж все больше жандармов поручали,— вздохнула жена.

— И еще бывших классовых врагов,— поддакнул ей Адрианов.

Отложив блокнот, девушка протерла глаза и каким-то странным взглядом уставилась на Сергея Маркелыча.

— Происходит, простите, взаимное непонимание. Я беру у вас интервью как у родного отца Адрианова А. А., завоевавшего вчера в Москве...

— Я и есть родной отец Адрианова А. А.

— При чем же тут жандармы и бывшие классовые враги?!

— При том, девушка, что и сын мой тоже с заводского драмкружка начинал. Но удачливей.

— Сынку-то, правда, доводилось больше хороших людей играть,— оживилась Анна Степановна.

— Амплуа положительного героя,— веско пояснил Адрианов.

Откашлявшись, девушка докторальным тоном сказала:

— Конечно, с точки зрения гармонического развития личности это интересная деталь. Но мне желательно услышать от вас, старого... простите, бывалого токаря-карусельщика, чем вы объясняете успехи вашего сына именно на этой стезе.

— Так в карусельщиках у меня другой сын!

— Андрюшенька,— подхватила Анна Степановна.— Тоже в Москве.

— А разговор у нас об Алеше,— продолжал Адрианов.— Который театральное училище закончил.

— Нет, разговор, простите, именно об Андрее Адрианове,— заглянув в блокнот, уточнила девушка.

Теперь уже Сергей Маркелыч уставился непонимающим взглядом на журналистку:

— Но вы же сказали... лауреат.

— И говорю — лауреат. Всесоюзного конкурса молодых токарей. По амплуа... простите, по специальности карусельщика.

— Как так лауреат? — опустилась на стул Анна Степановна.— Ведь лауреат — это... это, словом, значит...

— Лауреат, тетя Анюта, слово латинское,— неожиданно выскочил притаившийся за дверью Гошка, шестиклассник из соседней квартиры.— Я уже смотрел в словаре заграничных слов. Лауреат — это который увенчанный лаврами.

— А чему ты, мать, удивляешься? — подкручивая усы, размеренно сказал Сергей Маркелыч застывшей от удивления жене.— Андрюша увенчан лаврами. Токарь-лауреат. Карусельщик-лауреат. Вполне звучит! Андрей наш, я знаю, первостатейный артист среди мастеров токарного дела. А за Алешку не переживай, ему дорога не закрыта. Покажет себя мастером среди артистов — тоже может спокойно в лауреаты выйти...

А. П. МАРИИНСКИЙ

Умер Абрам Павлович Мариинский — один из старейших советских журналистов, много лет работавший в редакции журнала «Огонек».

Коммунист, отдавший полвека своей жизни напряженной партийной работе, он являл собой пример большевистской честности, преданности делу партии Ленина. В годы гражданской войны А. П. Мариинский вел подпольную работу в городе Николаеве, позднее работал в аппарате ЦК КПСС, в редакции журнала «Большевистская печать», много лет был корреспондентом ТАСС во Франции.

Всюду он пользовался уважением и любовью своих товарищей за свой труд, за свою большевистскую скромность, за доброту и отзывчивость.

В последние годы своей жизни, будучи персональным пенсионером, вел серьезную переводческую работу, знакомя советских читателей с произведениями передовых писателей Франции.

Ушел из жизни прекрасный коммунист.

Бахарев краснеет и что-то несвязное бормочет в ответ.

...Вот уже минут пятнадцать Марина сидит за этим длинным столом в обществе четырех чекистов и никак не может понять: зачем, собственно, ее сюда пригласили?! Генерал расспрашивает о занятиях в институте, интересуется здоровьем мамы, ее работой, настроением.

— Я очень рад, что у вас дома все в порядке, что все тяжкое осталось позади... Ваша мама молодец. Передайте ей привет и наше пожелание доброго здоровья. А теперь хотелось бы несколько слов сказать вам, Марина... Вы, вероятно, догадываетесь, что пригласили вас сюда не только для того, чтобы угостить чашкой кофе. Мы не без вашей помощи провели нелегкую операцию. Распутали сложный узел. Ваша роль при этом была трудной. Жизнь вас не баловала с детства. Но вы на очень важном рубеже смогли подавить чувство страха и пришли к нам, отбросив сомнения, колебания... Спасибо вам за это. У нас, Марина, суровая служба. И веления ее суровы. Что поделаешь? Порой приходится подавлять проявление самых сильных человеческих чувств... Простите за это небольшое отступление. Полагаю, что вы меня поняли. Поняли, к чему все это сказано...

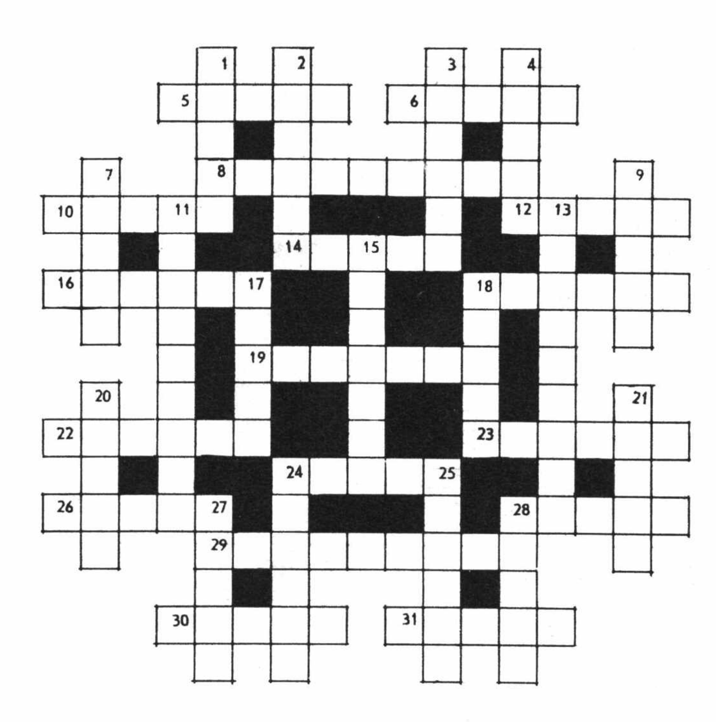
Генерал допил чашку кофе, встал с места, прошелся по кабинету и вскользь, словно только сейчас вспомнил, обронил:

— Мы тут вчера посоветовались с руководством и приняли решение вручить вам этот скромный сувенир. —И он протянул ей часики, на крышке которых было выгравировано: «Марине Васильевой — от друзей».— И еще один сувенир, на мой взгляд, куда более дорогой. Вот эти розы... Их уж пусть вам вручает Николай Андреевич. Впрочем, служебный кабинет — это не лучшее место для столь лирической акции. Бахарев сегодня свободен, и уж он сам решит, где их вручить. Николай Андреевич! Проводите, пожалуйста, Марину... А заодно постарайтесь помочь ей понять все, что осталось для нее еще неясным. Только не прибегайте, пожалуйста, к категорическим формулам, вроде: «Так надо было». Никому еще точно не известно, так ли надо было или чуть-чуть, самую малость, но не так. Во всем этом нам с вами еще надлежит разобраться позже. А пока не смею задерживать... Впрочем, я совсем забыл: у вас, Марина, могут быть просьбы, вопросы?

Она благодарно взглянула на высокого, скорее долговязого, обаятельного человека и покачала головой.

— Просьб нет, а вопросы... Что ж, вы, кажется, мудро все решили... И время поможет... Спасибо вам... И за сувениры... и за уроки...

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Единица количества электричества. 6. Газета железнодорожников. 8. Раздел грамматики. 10. Танец. 12. Откидная металлическая покрышка. 14. Актер МХАТа, народный артист СССР. 16. Персонаж романа И. С. Тургенева «Рудин». 18. Древнегреческий драматург. 19. Садовые ножницы. 22. Клееный древесный материал. 23. Расписание хода работ. 24. Русский композитор и музыкальный критик. 26. Река во Франции. 28. Сельскохозяйственная машина. 29. Советский педагог и писатель. 30. Духовой инструмент. 31. Снежный барс.

По вертикали: 1. Французский просветитель XVIII века. 2. Разряд атмосферного электричества. 3. Рыба семейства лососевых. 4. Областной центр в РСФСР. 7. Женская одежда. 9. Стеклянный шкаф для посуды. 11. Прибор для измерения углов между гранями кристаллов. 13. Места в зрительном зале. 15. Город в Индии. 17. Время года. 18. Старинное русское судно. 20. Столица Афганистана. 21. Хлопчатобумажная ткань. 24. Часть круга. 25. Планета. 27. Помещение для хранения зерна. 28. Радиоактивный элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 5. Державин. 7. Позитрон. 9. Железо. 10. Одетта. 11. Нобиле. 12. Кабина. 15. «Динамо». 17. Монако. 18. Параллелограмм. 21. Доярка. 23. Аншлаг. 25. Баркас. 27. «Зыковы». 28. Тарань. 29. Домбра. 30. «Поединок». 31. Сонатина.

По вертикали: 1. Метеорит. 2. Пиджак. 3. «Ворона». 4. Довженко. 6. Женева. 8. Тициан. 13. Афалина. 14. Ножовка. 16. Отара. 17. Марна. 19. Ползунов. 20. Фальконе. 22. Рекорд. 24. Шпагат. 25. Выдрощ. 26. Статор.

●

На первой странице обложки: 4 апреля, в день национального праздника венгерского народа в Будапеште.

Фото Шандора Бояра.

На последней странице обложки: Огни Будапешта (вверху). Венгерский государственный народный ансамбль песни и танца.

Фото МТИ.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

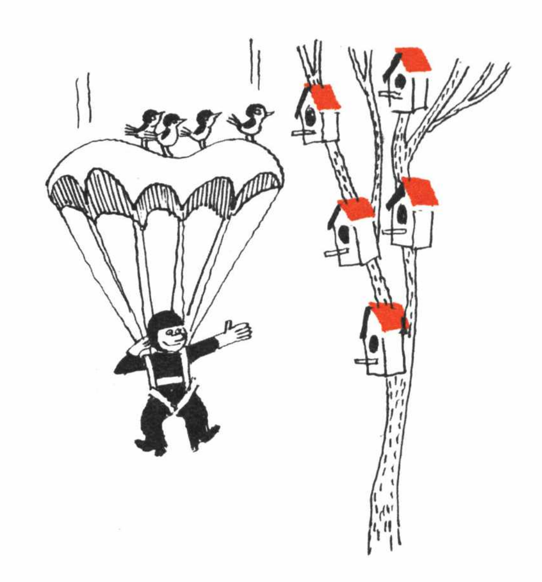
Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/III-70 г. А 00361. Подп. в печ. 31/III-70 г.
Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 200 000 экз. Изд. № 685. Заказ № 769.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

С доставкой на дом.

— Весной входят в моду мини-палатки...

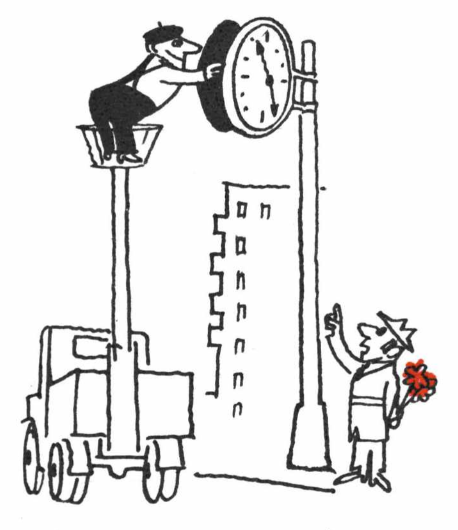
ХОЛОДИЛЬНИКИ В КАРМАНЕ

В Японии начали выпускать особые жилеты для сталеваров и корабельных кочегаров. В шести карманах такой жилетки размещены пластинки сухого льда.

КТО ВО ЧТО ГОРАЗД

В последнее время появилась мода менять облик привычных человеку предметов. И вот студенты одного лондонского колледжа начали изготовлять фотоаппараты не обычной квадратной формы, а в виде шара.

— А не спешат ли эти часы!

— Вы не скажете, какой здесь срок изготовления!..

— В случае чего не забудь раскрыть зонтик...

Влюбленные, внимание!

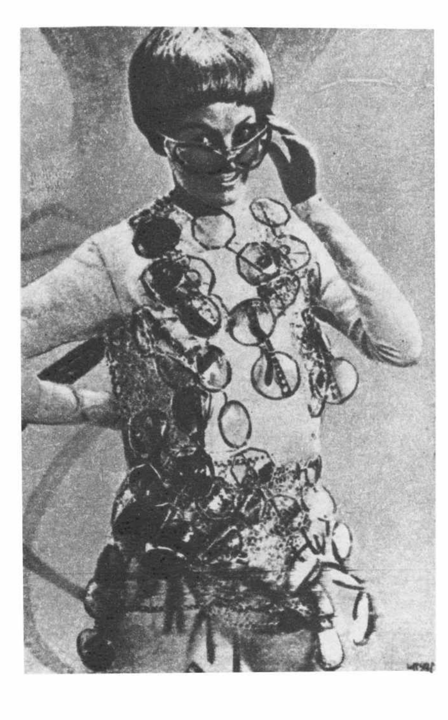

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

АКУЛА-ШАФЕР

Известные итальянские аквалангисты Ренцо Мартини и Расела Гардини обвенчались на дне моря, и их свидетелем была акула «Чип» — выдрессированное ручное животное.

ПЛАТЬЕ ИЗ ОЧКОВ

Последним криком моды, показанным в Лондоне, было дамское платье с пришитыми к нему очками разной формы и величины.

СПОКОЙСТВИЕ РЫБОЛОВА

Известны невозмутимость и спокойствие рыболовов. Этот американец так увлекся клевом, что даже не повернул головы в сторону двух мотоциклистов, совершавших чуть ли не над его головой прыжок через реку.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.